

МОСКВА · 1972

СОВЕТСКИЙ КОЛЛЕКЦИОНЕР

10

ВСЕСОЮЗНОЕ
ОБЩЕСТВО
ФИЛАТЕЛИСТОВ

50 ГОДИЙНИК ЛЕТ
СЪЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА
ФИЛАТЕЛИСТОВ
**СОВЕТСКИЙ
КОЛЛЕКЦИОНЕР**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СВЯЗЬ»

МОСКВА
1972

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ответственный редактор

Б. К. СТАЛЬБАУМ

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Б. А. Балашов, А. Н. Вигилев, Д. И. Винске, А. С. Георгиевский,
И. С. Зацепин, М. Н. Израэлит (отв. секретарь), Р. А. Казьмина,
С. В. Кристи, М. А. Левшня, Л. Я. Мельников, Д. И. Мошнягин,
Д. А. Сенкевич, А. В. Шатэн

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

МОСКВА-ЦЕНТР, ЧИСТОПРУДНЫЙ БУЛЬВАР, 2
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СВЯЗЬ»

50 героических лет

ПОЛВЕКА назад, 30 декабря 1922 года, в Москве делегаты I Всесоюзного съезда Советов, собравшиеся со всех концов страны, провозгласили образование Союза Советских Социалистических Республик. 50-летний юбилей этого события огромной исторической важности отметил весь советский народ, все прогрессивное человечество. Полвека назад впервые в мировой истории было создано многонациональное социалистическое государство, основанное на началах пролетарского интернационализма и подлинного политического равноправия народов.

История подтвердила жизнеспособность и силу Советского Союза — страны 15 социалистических республик, государства, в котором живет свыше ста наций и народностей. СССР — крупнейшая мировая держава, строящая коммунистическое общество.

Филателистическая летопись нашего государства ярко и образно запечатлела его историю, его великие свершения, его светлый сегодняшний день.

В этой летописи занимают особое место коллекционные материалы, посвященные Владимиру Ильичу Ленину — ему принадлежит величайшая роль в создании нашего многонационального социалистического государства. Творчески развивая идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, он разработал научные принципы национальной политики Коммунистической партии.

Любимый образ Ильича запечатлен на очень многих марках, почтовых блоках, маркированных конвертах, вышедших в нашей стране, в братских социалистических странах, во многих других государствах мира.

Рядом с ленинскими — и марки, рассказывающие о Великой Октябрьской социалистической революции, которая обеспечила тесное

объединение всех народных сил во главе с рабочим классом в целях ликвидации системы капиталистической эксплуатации и национального гнета, создала политическую основу государства равноправных народов.

Посмотрите серию, изданную в октябре 1927 г. в ознаменование 10-й годовщины Великого Октября. Сегодня две марки из этого юбилейного выпуска интересны для нас особо. На четырнадцатикопеечной миниатюре (№ 300) впервые в советской почтовой графике изображена географическая карта нашего государства. На другой марке (№ 301) мы видим представителей трудящихся шести союзных республик, входивших тогда в состав СССР. Примечательной особенностью марок является и то, что слово «почта» дано на русском и языках народов республик.

И эти марки, и их документальная основа принадлежат уже истории. Но весь путь, пройденный нашим государством, все без исключения странички его летописи нам близки и дороги.

Две только что упомянутые марки как раз и воскрешают первые шаги в процессе государственного строительства СССР, начатого Декларацией от 30 декабря 1922 года. Как известно, договор об образовании СССР, объединении в одно союзное государство заключили четыре социалистические республики: РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР и ЗСФСР, в состав которой входили Азербайджан, Армения и Грузия. Но в процессе построения социализма постепенно складывались благоприятные условия для продолжения и совершенствования национально-государственного строительства Союза ССР. В первую очередь это подтверждено образованием в 1924 г. Туркменской ССР и Узбекской ССР. Политический союз этих шести республик и нашел свое отражение на вышеупомянутой почтовой марке (№ 301).

Спустя два года после выхода этой юбилейной серии была образована Таджикская ССР. В 1936 г. Казахская и Киргизская автономные республики были преобразованы в союзные. В это же время Азербайджанская, Армянская и Грузинская советские республики, составлявшие Закавказскую федерацию, непосредственно вошли в состав СССР. Это нашло свое отражение в известной серии почтовых марок (1937—1938 гг.) «Государственный герб СССР и гербы союзных республик», приуроченной к 15-й годовщине образования нашего государства — одиннадцать гербов, осененных пятиконечной звездой, одиннадцать равноправных республик. И в заключение серии — герб СССР, чьи колосья перевиты одиннадцатью алыми лентами — символ нерушимого единства.

Советская филателия отразила и дальнейшие события национально-государственного строительства СССР. В 1940 г. была образована Карело-Финская ССР (преобразованная в 1956 г. в автономную республику); трудящиеся Латвии, Литвы и Эстонии в ходе революционной борьбы восстановили советскую государственность и на основе свободного волеизъявления народов прибалтийские республики вошли в Союз

ССР: в результате воссоединения молдавского народа Молдавская АССР была преобразована в союзную республику. Эти важнейшие политические акты нашли свое филателистическое отражение: частично в серии 1941 г., посвященной годовщине Карело-Финской ССР (ныне Карельская АССР), и полное — в новой серии «Государственный герб СССР и гербы союзных республик», которая вышла в канун 25-летия образования СССР. На марке (№ 1130) этой серии показан герб СССР, в который новое количество республик внесло свои коррективы — алых лент стало на пять больше.

Знаменательное событие в истории нашего государства — воссоединение Западной Украины с УССР и Западной Белоруссии с БССР запечатлели серии марок 1940 и 1949 гг. (№№ 724—728; 1479—1480). Рисунки этих миниатюр с документальной точностью передают атмосферу счастья и радости братских народов, встретивших воинов Красной Армии.

В 1941 г. советская почта, отметив двумя марками (№№ 798, 799) пятнадцатую годовщину Советской Киргизии, открыла для себя новую тему выпусков — юбилей советских республик. С тех пор в нашей стране вышло около 80 марок и несколько десятков маркированных конвертов, посвященных юбилеям союзных и автономных республик. Без них не обходится ни одна коллекция на общественно-политическую тему. Все эти выпуски свидетельствуют об экономических и культурных успехах братских республик, достигших за годы Советской власти небывалого расцвета.

О каждой из республик можно составить интересный и яркий рассказ с помощью марок и маркированных конвертов, посвященных многим фактам и событиям в жизни советских народов. Возьмем, к примеру, ту же Киргизию, которая удостоилась чести быть первой, чей национально-государственный юбилей был отмечен отечественной филателией. Киргизский народ, бывший до Великого Октября полуграмотным, стал ныне носителем высокой материальной и духовной культуры. Об этом рассказывают десятки марок, конвертов, спецгашений, отображивших развитие экономики, науки и культуры возрожденного народа. На многих почтовых выпусках запечатлены Академия наук республики, высшие учебные заведения, городские и промышленные новостройки, памятники, курорты. Такое внимание советской почты характерно для всех союзных республик.

Политическое развитие возрожденных революцией наций нашло свое выражение и в образовании автономных республик и областей, национальных округов. Об этом напоминают и филателистические выпуски. В 1960 г. вышли марки с изображением столиц АССР. В марте 1969 г. начался выпуск продолжающийся и поныне серии, посвященной 50-летию юбилеям автономных республик. Рассказ о них дополняют многочисленные маркированные конверты и спецгашения.

Помимо политических и экономических предпосылок объединения всех советских народов, существовали предпосылки и исторические.

Всем советским республикам, созданным в ходе революции народами бывшей царской России, было присуще естественное стремление к политическому единству. Отражено это и на советских почтовых марках.

Об исторически сложившихся предпосылках единения, уходящих корнями в глубь веков, рассказывает большая серия марок «300-летие воссоединения Украины с Россией» (1954 г.), а также миниатюры, посвященные 100-летию добровольного вхождения Киргизии (1963 г.) и 150-летию вхождения Азербайджана (1964 г.) в состав России.

Но только в советское время единение народов приобрело высокий гражданский смысл. Вспомните первые годы Советской власти, когда нашей стране, помимо тяжелейших последствий гражданской войны, контрреволюции, интервенции, пришлось вынести страшный голод в Поволжье и других южных областях. В этих испытаниях проявились лучшие интернационалистские качества народов, населяющих нашу страну. Эту страничку истории помогут воскресить в памяти эмиссии трех молодых республик — РСФСР, Азербайджана и Грузии, которые в 1921 г. выпустили почтово-благотворительные серии «В помощь голодающим Поволжья». Эти марки не отличаются высокими полиграфическими качествами, но они дороги коллекционерам, как яркое свидетельство тесной дружбы и взаимопомощи советских народов.

Шло время. Росла и укреплялась экономика молодого государства, приступившего к строительству социализма. Серия «За индустриализацию СССР» (1929 г.), авиапочтовый выпуск с лозунгом «5 в 4 года» (1930 г.), серия, посвященная 15-летию Великого Октября (1932 г.), миниатюры, рассказывающие о строительстве московского метрополитена им. В. И. Ленина (1935 и 1938 гг.), реконструкции Москвы (1937 и 1939 гг.), развитии отечественной авиации (ей посвящено много марок), курортное строительство (1938—1939 гг.), освоение Севера (несколько выпусков), индустриальная серия (январь 1941 г.) — все они иллюстрируют высокие достижения нашего государства в довоенный период.

Успешно был выполнен первый пятилетний народнохозяйственный план, разработанный и проводимый в жизнь под руководством партии. К этому времени относится и выпуск в свет знаменитой этнографической серии. Сам по себе выход в почтовое обращение марок, показавших представителей многих национальностей СССР, был новым явлением в советской филателии. Но не только этим исчерпывается интерес коллекционеров к данному выпуску.

Показав представителей трудящихся разных национальностей, эти марки рассказывают о быте народа, его свободном, счастливом труде. Свидетельствуют они, наконец, и об очень важном факторе — о том, что экономика СССР — это единый народнохозяйственный комплекс, создающийся объединенным трудом советских народов.

Особо демонстрируют этот тезис и две серии марок 1939 и 1940 гг., посвященные Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве.

Первый выпуск показал достижения советских людей в различных областях социалистического сельского хозяйства. Второй, представив павильоны всех союзных республик и отдельных областей, прямо указал на «адрес» этих достижений.

Интересным дополнением к этим двум сериям служат марки 1937 и 1939—1940 гг. с видами павильонов СССР на международных выставках в Париже и Нью-Йорке — важное свидетельство международного признания социалистических побед нашего многонационального государства.

Победу социализма в нашей стране, основы социальной и государственной организации социалистического общества, единения советских народов законодательно закрепила Конституция СССР, принятая 5 декабря 1936 г. Об этом напоминают марки, изданные в 1952 и 1961 гг., отметившие 15-ю и 25-ю годовщины принятия основного Закона нашего государства. Примыкают к ним и миниатюры 1950, 1954 гг., посвященные выборам в Верховный Совет СССР — высший законодательный орган страны, в который могут избирать и быть избранными все граждане СССР, достигшие 18-летнего возраста, что является важнейшим свидетельством политической свободы и равноправия. Конституции СССР, выборам в Верховный Совет СССР посвящены также и многие иллюстрированные маркированные конверты.

Наглядно дополняют их и филателистические выпуски с изображениями Большого Кремлевского Дворца и Кремлевского Дворца съездов — мест заседаний Верховного Совета.

В 1941 г. мирный, созидательный труд советских людей был вероломно нарушен фашистской Германией. Потянулись четыре тяжелейших года войны, годы испытаний и всенародного подвига. Великая Отечественная война стала суровой проверкой прочности СССР. Борьба не на жизнь, а на смерть с гитлеровским фашизмом убедительно продемонстрировала, что советские народы только в союзе, общими силами могут отстоять свою свободу и независимость, свои революционные завоевания. В едином строю героически оражались и самоотверженно трудились в тылу во имя общей победы все народы СССР, показав всему миру преимущества социалистического общественного и государственного строя, силу и нерушимость нашего государства. Подвигу советского народа в Великой Отечественной войне советская почта посвятила около трехсот марок, блоков, спецгашений и много маркированных конвертов. Многие страницы этой ратной летописи рассказывают о легендарных героях, представителях многих национальностей СССР. Русский А. Матросов, татарин Х. Нурадилов, украинец И. Сивко, армянин У. Аветисян, азербайджанец М. Гаджиев, латыш И. Судмалис, белоруска В. Хоружая, литовец А. Чепонис и многие-многие другие, чьим боевым подвигам посвящены филателистические выпуски, навсегда вписали свои славные имена в историю государства.

И вся жизнь героев, и их подвиг во имя многонациональной Родины освящены самой сутью братского единения советских народов, в них

сказались лучшие традиции дружбы, преемственности поколений, «чувства семьи единой», рожденные Великим Октябрем, когда в одном строю защищали революцию русский Василий Чапаев и украинец Николай Щорс, молдаване Григорий Котовский и латыш Ян Фабрициус, казах Амангельды Иманов, армянин Гайк Бжишкянц, грузин Алеша Джанаридзе и др.

И недаром советская почта, выпустившая за последние годы много эмиссий, посвященных личным подвигам на полях Великой Отечественной войны, все чаще обращается и к образам героев — гражданской.

Обширна филателистическая портретная галерея легендарных защитников нашей Родины. Их стойкость и мужество — лучшие строчки в биографии поколения, победившего злейшего врага всех народов — фашизм, утвердившего могучий оплот и нерушимость Союза ССР, сумевшего в самые короткие сроки восстановить разрушенное войной хозяйство, построить заново тысячи городов, заводов, фабрик, заново засеять поля — одним словом, сделать за несколько лет то, на что в других странах уходило столетия.

«Дадим стране 127 миллионов тонн зерна в год!», «Дадим ежегодно стране 60 миллионов тонн стали!», «...60 миллионов тонн нефти!», «...500 миллионов тонн угля!», «...50 миллионов тонн чугуна!» — эти призывы запечатлены на послевоенных марках. Филателия шла в ногу со временем, рассказывая о задачах, выдвинутых партией перед народом, пропагандируя его достижения.

Прошло всего два года после войны, но уже восстановлены Константиновский и Макеевский металлургические заводы, Сталинградский и Харьковский тракторные и многие другие предприятия страны. Бережно и скрупулезно фиксирует почта эти события в серии 1947 года. На одной из марок 1948 г. появляется лозунг: «Пламенный призыв ленинградцев «пятилетка в четыре года» станет всенародным!». Город — колыбель революции выступил правофланговым почина, подхваченного всей страной, послевоенные народнохозяйственные планы которой очень хорошо отражены в серии, вышедшей в августе—октябре этого же года.

Примечательно то, что одновременно с этим выпуском в почтовое обращение поступили две марки, посвященные 25-летию образования СССР. На них вокруг герба СССР изображены представители трудящихся всех союзных республик, бок о бок участвующих в восстановлении и дальнейшем развитии хозяйства страны.

Этот исторический процесс отражен на многих десятках марок, рассказывающих о развитии отдельных областей экономики страны. Об этом свидетельствуют и многочисленные серии, посвященные юбилеям союзных республик.

Свое тридцатилетие, отмеченное маркой в декабре 1952 г., Союз Советских Социалистических Республик встретил, будучи могучей державой, в кратчайшие сроки не только преодолевшей тяжелейшие последствия войны, но и вплотную приступившей к созданию материальной

базы коммунизма. Красноречиво говорит об этом серия «Стройки коммунизма».

Последующее десятилетие в истории СССР было также отмечено величайшими трудовыми успехами братских советских народов. Филателия посвятила этим достижениям большое количество эмиссий, которые навсегда запечатлели строительство Волго-Донского судоходного канала (1953), Братской и Волжской ГЭС, Руставского азототукового завода (1962 г.), первую в мире атомную электростанцию (1956 г.), развитие гражданского воздушного, морского и речного флотов, автотранспорта (1958—1960 гг.), большие успехи в области сельского хозяйства (серии 1954, 1956, 1961 гг.), покорение целины (1962 г.), дальнейшее освоение Севера (1955—1956, 1962 гг.).

Новую эру в истории человечества открыл 1957 год, когда впервые в мире был запущен первый советский искусственный спутник Земли, явившийся свидетельством непревзойденного экономического потенциала и научно-технической зрелости нашего государства.

Серия марок с изображением гербов и флагов союзных республик и характерных сюжетов, вышедшая к 40-летней годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, подчеркнула, что успехи СССР обусловлены всем ходом исторического развития, в фундамент которого заложены прочные узы дружбы и сотрудничества советских народов. Спустя год эта тема единства вновь прозвучала в серии «Столица СССР и столицы союзных республик», позже дополненной выпусками с изображением столиц автономных республик.

В ноябре 1962 г. были изданы марка, несколько маркированных конвертов и спецгашение, отметившие 40-летний юбилей образования СССР. На марке воспроизведена карта нашей страны, границы которой прочны и незыблемы. Поручкой тому — наша Советская Армия, верный страж всех завоеваний многонационального народа. Ей посвящено такое количество выпусков, что одно перечисление их заняло бы несколько страниц убористого текста. Филателистам они широко известны и займут они, конечно же, достойное место в коллекции, рассказывающей о полувековом юбилее СССР.

Освоение космоса, новый этап которого начал гражданин Советского Союза коммунист Юрий Гагарин, стало одной из ведущих тем почтовых выпусков последнего десятилетия. Это не дань моде, а логическая закономерность в истории развития тематической филателии. Ибо космические успехи советского народа свидетельствуют о его экономической мощи, расцвете науки и техники, достигнутых в ходе выполнения решений, намеченных партией.

Наряду с развитием космонавтики в филателии этих лет получили свое достойное отражение достижения в других областях науки и народного хозяйства. Об этом рассказывают многие марки, посвященные строительству материально-технической базы коммунизма в нашей стране. В этом созидании участвуют все народы, все союзные республики — такова основная мысль сюжетов марок, посвященных 40-летию

Великого Октября. В ознаменование 50-летия Советской власти Министерство связи СССР выпустило несколько серий марок, отображающих основные этапы истории нашего государства, его великие достижения. Эти выпуски еще раз подчеркивают равноправие, сотрудничество и нерушимую дружбу советского народа.

Особое место занимают марки, рассказывающие о Коммунистической партии Советского Союза, ее исторических съездах, мудрых партийных решениях и их практическом осуществлении, торжественных юбилеях. Ведь образование многонационального социалистического государства, весь ход его развития — выдающийся результат теоретической, политической и организаторской работы КПСС. Это положение можно проиллюстрировать большим количеством марок, маркированных конвертов, спецгашений, выпущенных в разные годы.

В постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик» говорится: «Многонациональный советский народ встречает 50-летие образования СССР могучим, монолитно сплоченным, уверенно и целеустремленно идущим под руководством Коммунистической партии вперед, по пути, намеченному ее Программой, XXIV съездом КПСС». Почтовые миниатюры, посвященные этому партийному съезду, являются подлинным украшением коллекции советских марок.

21 декабря 1972 г. в Кремлевском дворце съездов состоялось совместное торжественное заседание Центрального комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР. В докладе о пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик тов. Л. И. Брежнев сказал: «Путь, пройденный за полвека, вооружает нас твердой убежденностью в силе нашей партии, нашего государства, нашего замечательного народа. Если в прошлом не нашлось таких преград, которые остановили бы наш победный марш к социализму, то теперь, когда Советский Союз вышел на такие высоты, как сегодня, уже никто и ничто не сможет преградить нам путь. Все, что наметила партия Ленина, безусловно, будет выполнено!»

Пятидесятилетие образования СССР советская почта отметила специальными юбилейными выпусками.

Многие страницы филателистической летописи отданы славным деятелям Партии и Советского государства, верным соратникам и ученикам великого Ленина, которые сыграли большую роль в национально-государственном строительстве СССР, создании его экономики, оборонной мощи. Навсегда останутся в благодарной памяти советских поколений имена видных деятелей партии Володарского, Воровского, Дзержинского, Калинина, Кирова, Крупской, Куйбышева, Ногина, Орджоникидзе, Подбельского, Свердлова, Сталина, Тухачевского, Урицкого, Фрунзе, Шаумяна и других, которым советская почта посвятила марки.

Филателистическая портретная галерея богата и многими другими марками, конвертами, посвященными писателям, ученым, художникам,

композиторам, выдающимся деятелям науки и культуры — представителям многих национальностей нашей Родины. Эти выпуски не только иллюстрируют развитие науки, культуры, искусства, образования в нашей стране, но служат интересным материалом для исследования давних культурных, экономических, политических связей народов, образовавших Советский Союз.

Большое число марок посвящено миролюбивой внешней политике СССР.

Уже на следующий день после штурма Зимнего по инициативе В. И. Ленина II Всероссийский съезд Советов принял Декрет о мире, который стал внешнеполитической платформой Советского государства.

За все годы своего существования СССР твердо и последовательно проводит политику мира и дружбы, отстаивает ленинские принципы равноправия народов, решительно выступает против колониализма и расизма, против всех форм национального угнетения. Об этом ярко и образно рассказывают свыше двухсот марок и блоков, многие десятки конвертов, выпущенных советской почтой. Одну из первых страниц истории советской дипломатии мира и дружбы воскрешает марка, выпущенная три года назад. Она посвящена 50-летию установления межгосударственных отношений с Афганистаном, страной, открывшей список дипломатических партнеров Союза ССР.

Интересны миниатюры, посвященные Стокгольмскому воззванию борцов за мир, обращению Всемирного Совета мира о заключении Пакта между великими державами, Декларации прав человека, Договору о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой и другим важнейшим документам, принятым по инициативе и предложению Советского Союза.

Несколько десятков марок посвятила советская почта братским социалистическим странам, что является свидетельством интернационалистических чувств советского народа. Нашли свое отражение в почтовой графике встречи советской и японской общественности, многочисленные международные научные конгрессы и симпозиумы, кинофестивали, спортивные состязания и выставки, в которых принимала участие наша страна. Все эти эмиссии содержат обширную хронологическую летопись международного сотрудничества СССР, свидетельствуют о советской политике мира и дружбы.

Невозможно в одной статье рассказать обо всех советских почтовых эмиссиях. Ведь одних марок в нашей стране выпущено свыше 4 тысяч. Собранные воедино, они представляют собой интересную и обстоятельную летопись государства, под мудрым руководством Коммунистической партии строящего коммунизм.

М. МИЛЬКИН.

М. И. Калинин и советская филателия

... От души желаю всем советским филателистам дальнейших успехов в их полезной деятельности.

М. Милькин

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

ВЕРНЫЙ УЧЕНИК и ближайший соратник В. И. Ленина, Михаил Иванович Калинин — один из активных строителей и видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства, последовательно, настойчиво и вдохновенно проводил в жизнь ленинские идеи. В поле его постоянного внимания находились не только разнообразные вопросы экономической и политической жизни. М. И. Калинин внес неоценимый вклад в дело осуществления культурной революции в нашей стране. Он постоянно занимался вопросами народного просвещения, развития науки, культуры, искусства. Политический деятель ленинской выучки, М. И. Калинин умело сочетал огромную государственную работу с деятельностью пропагандиста и вдумчивого воспитателя советских людей.

Одним из ярких примеров постоянной заботы М. И. Калинина о коммунистическом воспитании трудящихся было его постоянное пристальное внимание к проблемам литературы и искусства, к работе со-

ветской интеллигенции. «Я помню, — свидетельствует Леонид Леонов, — как много помогал нам, писателям редколлегии (журнала «Новый мир». — М. М.), Михаил Иванович, которого мы считали своим шефом»¹.

С таким же, если не с большим, основанием можно считать М. И. Калинина и шефом советской филателии. Почти четверть века — с 1922 г. по 1946 г. — продолжалось это благотворное шефство. Скрепив своей подписью правительственные акты, которыми законодательно проводилось в жизнь ленинское поручение о введении государственной монополии на торговлю филателистическими материалами в нашей стране и обращении доходов от нее на помощь беспризорным детям, Михаил Иванович внимательно следил за развитием этого благородного начинания и много лет держал его под своим личным неослабным контролем.

В 1924 г. в числе государственных мероприятий по увековечению памяти незабвенного Ильича в Российской Федерации был создан фонд имени В. И. Ленина для организации постоянной помощи беспризорным детям. М. И. Калинин возглавил Комиссию ВЦИК по организации этого фонда и распоряжению им. Специальным Постановлением ВЦИК и Совнаркома этой комиссии была непосредственно подчинена Советская Филателистическая Ассоциация, заменившая собой существовавшую до того времени Организацию уполномоченного по филателии и бонам². Сразу же после опубликования этого Постановления М. И. Калинин установил порядок, по которому один из руководителей СФА каждый четверг был обязан докладывать лично ему о работе этой организации по распространению филателистических материалов как внутри страны, так и за ее рубежами.

Еженедельные доклады Михаилу Ивановичу были возложены на автора этих строк. Счастливая возможность длительного делового общения с выдающимся деятелем Коммунистической партии и Советского государства оказалась драгоценной школой политики и хозяйства, оставила неизгладимое впечатление на всю жизнь. Терпеливо и внимательно вникая во все детали нашей работы, проявляя строгую требовательность, Михаил Иванович при каждом докладе давал много ценных советов, а если случалась необходимость, тут же, не откладывая, оказывал практическую помощь. Как никто, он умел создать непринужденную обстановку, превратить официальный доклад в отеческую беседу, которая окрыляла, рождала желание работать еще лучше, позволяла почувствовать за сухими цифрами и фактами работы широкие перспективы, ясно увидеть свое место в общей работе по коммунистическому воспитанию масс.

Придавая серьезное значение хозяйственной деятельности СФА, солидные доходы которой поступали в фонд им. В. И. Ленина для помощи

¹ Л. Леонов. «Отеческая забота». — Газета «Литература и искусство» от 1/IV 1944 г.

² Постановление ВЦИК и СНК РСФСР об образовании Советской Филателистической Ассоциации. — Журнал «Советский филателист — Советский коллекционер», 1926, № 11 (63), стр. 1.

беспризорным детям, М. И. Калинин постоянно подчеркивал необходимость умело сочетать ее с филателией, которая способна оценить и по-настоящему использовать пропагандистский заряд советской почтовой марки. Его особенно интересовало распространение «визитных карточек» нашей страны за рубежом. Михаил Иванович видел в них вестников правды о жизни Страны Советов, правды, которая искажалась и извращалась продажной печатью капиталистического мира. При этом М. И. Калинин не упускал случая расспросить о деятельности советских филателистов, не раз высказывался в пользу развития тематического коллекционирования, именно в нем усматривая воспитательное значение филателии особенно для подрастающего поколения.

...Шел 1926 год. По инициативе М. И. Калинина Наркомпочтель предпринял выпуск серии почтово-благотворительных марок «В помощь беспризорным детям» (№№ 245—248). Часть их номинальной стоимости предназначалась для пополнения фонда имени В. И. Ленина. Контроль над художественным оформлением серии был возложен на Деткомиссию ВЦИК.

Предполагалось, что на обеих марках серии будут изображены советские дети. Все шло хорошо, и только после того как тираж серии был готов, выяснилась неприглядная подробность. На марке 20-копеечного достоинства оказался не обобщенный образ ребенка, а вполне конкретный портрет... сына одного из руководящих работников Деткомиссии! Не столько возмущенный, сколько раздосадованный самим фактом. Михаил Иванович вспомнил, как зло издевался Ленин над подобными проявлениями административного восторга, называя их метким словечком — «комчанство». Выпуск серии в почтовое обращение был отложен, а «заботливый папаша» освобожден от работы в Деткомиссии.

Но, как говорится, «нет худа без добра»! Раз возникла мысль о портрете конкретного ребенка, Михаил Иванович предложил достойный выход. На новой марке серии был впервые воспроизведен портрет Володи Ульянова в четырехлетнем возрасте (по малоизвестной в то время фотографии Е. Закржевской). Прошло почти полвека, а эта марка, сюжет которой счастливо был найден М. И. Калинин, до сих пор остается самой популярной и самой любимой маркой советской детворы. Тираж же не выпущенной в обращение марки впоследствии был передан СФА для реализации в качестве одного из филателистических курьезов.

С тех пор еженедельные доклады СФА дополнились новой темой. М. И. Калинин стал проявлять особый интерес к готовящимся к выпуску почтовым маркам, посвященным крупным событиям в жизни нашей страны. Мне особенно запомнился такой эпизод. Было решено отметить памятной серией 10-летие со дня смерти В. И. Ленина. Михаил Иванович попросил показать ему оригиналы этих марок. Приняв представителя Наркомпочтеля, он внимательно рассмотрел все рисунки и сделал несколько критических замечаний, адресовав их коллективу художников, работавших над оформлением серии.

В конце 20-х — начале 30-х гг. СФА активно развивала международные торговые связи. Некоторые зарубежные филателистические фирмы, как тогда говорили, проявляли к ним «сдержанность», усматривая в советских почтовых марках «коммунистическую угрозу». Но торговля есть торговля! Фирм было много, спрос зарубежных филателистов на советские марки стремительно возрастал. Опасаясь за свои доходы, «осторожные» фирмы были вынуждены постепенно сдавать свои позиции и становиться в ряды клиентов СФА...

В общем, позиции СФА на международном филателистическом рынке укреплялись. Однако в 1930 г. произошел досадный случай, который мог иметь самые нежелательные последствия.

Как известно, в 20-х гг. при Наркомпочтеле существовало так называемое «Российское бюро филателии», в котором нашли пристанище бывшие торговцы марками. Оно отражало своекорыстность буржуазной филателии и исподволь выступало против государственной монополии на торговлю филателистическими материалами³. Как ни странно, но один из подобных типов — бывший фабрикант Щ. и в 1930 г. продолжал «оказывать услуги» почтовому ведомству. В свое время он передал в дар Центральному музею связи некоторое количество иностранных марок и с тех пор в благодарность за это подвизался в качестве консультанта Наркомпочтеля. О его существовании мало кто подозревал до тех пор, пока в обход СФА, под благовидным предлогом посещения Международной филателистической выставки «IPOSTA», Щ. не был командирован в Берлин. При этом он захватил с собой почти весь тираж уникальных беззубцовых марок «Пятилетку — в четыре года!», составлявший всего ОДНУ ТЫСЯЧУ серий (№№ 358, 359). В Берлине Щ. пытался продать марки знакомой ему фирме якобы для «мобилизации валютных ресурсов с целью дополнительной закупки телеграфных проводов». Незадолго перед своей поездкой, используя служебное положение в личных целях, Щ. отправил из Москвы с дирижаблем «Граф Цепедлин» 12 конвертов, франкированных беззубцовыми сериями марок этого выпуска на свое имя в Берлин, до востребования.

СФА случайно узнала об этой афере, получив резкие протесты зарубежных филателистических фирм, с которыми налаживала деловые отношения. Пришлось в очередной четверг докладывать об этой истории М. И. Калинин. Усмотрев здесь явное нарушение монополии внешней торговли, он тут же позвонил наркому почт и телеграфов, предложил немедленно отозвать Щ. из Берлина, а уникальные серии почтовых марок все до единой передать СФА, что и было выполнено. Так, у Щ. сорвалась затея с присвоением уникальных филателистических ценностей. Конверты с беззубцовыми марками, погашенными штемпелями рейса «Москва—Фридрихсгафен», были переданы Центральному музею связи.

³ Подробнее см. сборник «Советский коллекционер», вып. 8, 1970, стр. 17, 18.

...Шел 1933 год. Советское почтовое ведомство отметило серией коммеморативных марок 50-летие со дня смерти Карла Маркса (№№ 406—408). Как обычно, СФА разослала зарубежным фирмам и филателистической прессе информацию о новой почтовой эмиссии. Вскоре из Лондона было получено письмо редакции популярного филателистического журнала: «Благодарим Вас за присылку информации о новых марках, посвященных памяти Карла Маркса. Но, прежде чем поместить это сообщение в нашем журнале, просим не отказать в любезности сообщить: кто такой был Карл Маркс?». При очередном докладе автор передал М. И. Калининну это удивительное послание. Михаил Иванович весело рассмеялся и сказал: «Напишите этим твердолобым, чтобы они пошли и поклонились праху Карла Маркса на Хайгетском кладбище в Лондоне!».

Вежливо ответив на письмо редакции, СФА подробно разъяснила содержание рисунков всех трех марок коммеморативной серии. Спустя примерно месяц получили из Лондона очередной номер журнала. В его разделе новинки были воспроизведены марки, и под ними поставлен следующий текст: «Как нам сообщают из Москвы, Карл Маркс был основоположником научного коммунизма, но мы за достоверность этих сведений не ручаемся... Чего здесь больше: глупости или пресловутой английской «сдержанности?»

...В том же году Народный комиссар по иностранным делам М. М. Литвинов собирался в поездку за океан на переговоры с президентом Ф. Рузвельтом об установлении дипломатических отношений между СССР и США. При очередном докладе М. И. Калинин вспомнил, что Рузвельт увлекается филателией. Он поручил СФА подготовить для президента памятный сувенир — альбом марок. Разумеется, задание было выполнено. Альбом, оформленный лучшим советским художником-марочником Василием Завьяловым, был передан М. М. Литвинову. А вскоре газета «Нью-Йорк Таймс» сообщила, что «коллекция советских почтовых марок произвела сильное впечатление на президента США».

... Шел 1935 год. До старта перелета Героя Советского Союза Сигизмунда Леваневского по маршруту Москва—США через Северный полюс оставались считанные дни. И тут выяснилось, что типография Гознака не в состоянии выполнить заказ Наркомпочтеля — срочно сделать памятную надпечатку на 40 тысячах экземпляров почтовой марки с портретом Леваневского. Придавая важное значение предстоявшему перелету и его филателистическому «сопровождению», М. И. Калинин распорядился передать заказ типографии ВЦИК. Надпечатка была сделана за один день. По указанию Михаила Ивановича летчику Леваневскому перед стартом были переданы два листа этих марок. Один предназначался президенту США Ф. Рузвельту в качестве личного дара М. И. Калинина, другой — для американской прессы. Как известно, перелет не удался...

До тех пор, пока СФА находилась в непосредственном подчинении Комиссии ВЦИК по организации и распоряжению фондом им. В. И. Ленина, ежегодно М. И. Калинин заслушивал ее отчеты о финансово-хозяйственной и филателистической деятельности. Обычно эти отчеты проходили в приемной Председателя ВЦИК, размещавшейся в Москве, на Моховой улице, против Манежа. В обсуждении принимали участие ответственные работники ВЦИК и некоторые наркомы. Мне особенно запомнилось выступление М. И. Калинина во время обсуждения одного из ежегодных отчетов СФА в 1936 г. В пространной речи он особо подчеркнул значение филателии и деятельности СФА в коммунистическом воспитании молодежи. Говоря о советской филателии, Михаил Иванович подвел итог: «Чтобы это дело развивалось, его надо любить!».

...Шел 1945 год. Во время Великой Отечественной войны СФА прекратила свое существование. Ей на смену пришла скромная филателистическая контора КОГИЗ. Несмотря на это, М. И. Калинин не утратил интереса к филателии. Дело, по всей видимости, было не в ведомственной подчиненности, а в существе — в советской филателии и ее воспитательном значении.

19 ноября 1945 г. Михаилу Ивановичу Калининну исполнилось 70 лет. В знак признательности за постоянное внимание и помощь руководство филателистической конторы вместе с сердечными поздравлениями ко дню рождения направило ему отчет о своей деятельности за последние пять лет с альбомом марок и художественных открыток. Михаил Иванович сердечно поблагодарил коллектив и от души пожелал всем советским филателистам дальнейших успехов в их полезной деятельности.

Весь советский народ хорошо знал и искренне любил Михаила Ивановича Калинина. Советские филателисты хранят о нем благодарную память.

СОВЕТСКАЯ ПОЧТА НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ

В первом десятилетии нашего века далеко за пределами освоенных человеком территорий — среди «белых пятен», в суровых районах Арктики и Антарктики, стали возникать своеобразные почтовые отделения. Это были «эфемеры», лишь отдаленно напоминавшие нынешнюю стационарную почтовую службу высоких широт.

Примерами первых заполярных почтовых отделений, имевших чисто символическое значение, могут служить: в Арктике — почта при обслуживавшем любителей туристской экзотики отеле на Шпицбергене, в Антарктике — почта первой английской экспедиции. В обоих случаях применение почтового штемпеля носило местный характер. По этой причине число филателистов, собирающих гашения полярной почты, долгое время оставалось незначительным. Вплоть до середины нашего века поиск коллекционного материала, доставлявшегося с большими трудностями, был уделом энтузиастов-одиночек.

Ожиданию в рядах поклонников полярной почты вызвала подготовка к Международному геофизическому году (1957/58 г.) — согласованной акции ученых разных стран. В соответствии с программой МГГ быстро росло количество постоянных полярных станций в Арктике и Антарктиде. Советский Союз расширил тогда количество своих полярных станций на побережье и островах Северного Ледовитого океана. Первые станции СССР в Антарктиде, а также первые дрейфующие станции СП работали по программе МГГ.

Полюсы земли постепенно «оживаются» человеком. В руки филателистов стало попадать больше почтовых отправлений из этих труднодоступных районов. Полярная филателия пошла в гору. Однако и сейчас еще нелегко достаются конверты с желанными штемпелями почтовых отделений, обосновавшихся где-либо на малоизвестных островках высоких широт, на предательских льдинах, дрейфующих в Северном Ледовитом океане, на кончике, на суровых ледниках Антарктического континента. Нелегко достаются потому, что надежность и регулярность письменного общения полярников с внешним миром остаются весьма относительными. Доставка полярной корреспонденции отнюдь не является регулярной, а почтовые учреждения высоких широт не включаются в систему государственных почтовых линий. Пересылка скопившихся писем производится от случая к случаю на попутных морских судах и самолетах. Современная «почта высоких широт» таит испытание для обеих сторон: для отправителя она является дополнительным бременем, для получателя — экзаменом на терпение.

Раздаются голоса, уверяющие, что почта на полюсах земли — анахронизм. Якобы она становится жертвой своей технической невооруженности перед лицом такого мощного конкурента, как радиоволны. Насколько обоснован такой скептицизм и правомерны ли предсказания об отмирании полярной почты?

Связь — очень важный фактор освоения полярных районов. В научной деятель-

ности полярных станций и экспедиций, которые не могут ни дня обойтись без передачи оперативной информации, почтовая корреспонденция полностью вытеснила радиогруппы. В системе средств оперативной связи, действующей в Арктике и Антарктике, почте принадлежит второстепенная роль: ей не обойтись без самолетов или ледоколов, а использование их для поддержания ежедневной связи не всегда возможно и обходится слишком дорого. Поэтому полярные станции общаются между собой и с остальным миром преимущественно с помощью радио.

Так было уже во время известной полярной экспедиции Г. А. Ушакова и И. П. Урванцева на Северную Землю в 1930—1931 гг. Исследователи регулярно связывались с помощью наблюдений тогдашней Всесоюзной Арктической институт в Ленинграде, не отправив ни одного письма. Теперь радио служит не только для передачи служебной информации, но и прочно вошло в быт полярников. Подсчитано, что за годовой период работы 11-й Советской антарктической экспедиции только на Мирного ушло 4600 частных телеграмм. В последние годы этот вид связи уступает место более удобному. Значительная часть информации передается с помощью радиотелеграфа. Вошла в обиход и передача факсимильных изображений по радиотелеграфу.

Однако и в век радиотелеграфа полярник не может обойтись без почты! «Радио, несомненно, замечательное изобретение, но почта — это чудо», — писал знаменитый американский полярный исследователь Ричард Бэрд¹. С тем, что почта действительно чудо, согласится пожалуй, кому хоть однажды довелось побывать среди зимовщиков далекой полярной станции. Для них письма с Большой земли — самые желанные вестники. Там они останутся навсегда.

Но следует забывать, что полярная почта имеет значение не только в качестве одного из элементов системы средств связи в Арктике и Антарктиде. Как повела история освоения обоих полюсов, для зарубежных стран роль почты определяется там подчас совершенно иными факторами. Известный советский по-

лярник А. Ф. Трешников в книге «История открытия и исследования Антарктиды» рассказал об особой миссии полярной почты. В главе, посвященной экспедициям на Землю Грейама в первые послевоенные годы и особой активности англичан в этом районе Антарктики, он писал: «Английские корабли в течение летнего сезона неоднократно заходили на одну и ту же базу. Целью этих визитов, помимо снабжения баз всем необходимым, было собирание почты. Дело в том, что согласно международным нормам ответственность государства считался тот пункт или район, где действует какое-либо правительственное учреждение. Такими учреждениями были почтовые конторы. Поэтому начальники всех английских баз являлись одновременно почтмейстерами, а следовательно, официальными представителями правительства. Каждая база имела свой почтовый штемпель и, как правило, специальные почтовые марки»². (подчеркнуто мною — Е. С.).

Так или иначе, по современным действительности почтовых учреждений в Арктике и Антарктике дает возможность филателистически документировать работу высокоширотных воздушных или морских экспедиций. И если верно, что история непременно оставляет своей неизгладимый след в почтовой миниатюре, то почта на полюсах — это фиксированный штемпелем след истории, дополняющий «биографию века».

Есть какая-то особая прелесть в конвертах, доставленных с одного из полюсов Земли, оттуда, где сияет Полярная звезда или мерцает созвездие Южного Креста. В письмах с полюсов отражается романтика нашего времени. В руках умелого коллекционера они становятся «строительным материалом» для оригинальных коллекций. И пусть подчас попадают они к нам тернистым путем! Тем приятнее свидание с письмами полярной почты — посланцами мужествой вахты на переднем крае науки.

С чего начинается, в сущности, филателистическая привлекательность «полярного письма» — конверта с почтовым штемпелем станции «Северный полюс» или одной из станций в Антарктиде? С

¹ Ричард Бэрд. «Слова в Антарктике». Л., 1937, стр. 310.

² А. Ф. Трешников. История открытия и исследования Антарктиды. М., 1963, стр. 193.

Илл. 1

его несомненной исторической значимости. Любой выдавший виды конверт, составленный с советской научной станции, дрейфующей во льдах Северного Ледовитого океана в каких-то полутора милях от полюса³ (илл. 1), или открытия, бывшая на затерянном в снегах Антарктиды крошечного поселения, уже сами по себе являются свидетельствами победы человека над суровой стихией.

Каким бы богатым материалом ни оперировал коллекционер, он рано или поздно приходит к выводу, что в коллекции полярной почты марки всего лишь дополняют и разнообразят документальную информацию, которую способен дать только почтовый штемпель. Именно этот филателистический компонент служит единственным доказательством географической «прописки» почтового отправления. Он доминирует по двум причинам: почтовая марка сама по себе может и не иметь полярных опознавательных знаков, а всю тематическую нагрузку несет на

себе штемпель; документировать же полярную экспедицию может, как правило, только штемпель в совокупности со специальным конвертом. Образная оценка роли почтовых штемпелей, принадлежащая немецкому филателистическому исследователю Герду Шарфенбергу, в значительной мере применима и к штемпелям полюсов Земли: «Они являются в нынешнее богатое марками время трофеями истинной филателистической деятельности»⁴.

Изучая полярные штемпеля, точнее — почтовые штемпеля полярных станций СССР, коллекционеру часто приходится иметь дело с разновидностями. Следует ли подходить к ним с той же меркой, с какой подходят к разновидностям в тематическом коллекционировании?

Ответ на этот вопрос, по всей вероятности, вправе дать сама полярная филателия. Все зависит от того, что хочет сказать своей коллекцией ее автор, как подается им почтовый материал — по-

средством тематического раскрытия или с помощью хронологической разработки и углубленного исследования. В общем плане подход к разновидностям в филателии лучше всего оформулрировал, пожалуй, В. П. Устиновский в одной из публикаций журнала «Филателия СССР»: «В тематическом коллекционировании разновидности вредны, в хронологическом — ответственны, в специальном — необходимы»⁵.

Нельзя, что, желая продемонстрировать в почтовых штемпелях некоторые стороны их истории освоения, скажем, Северного Ледовитого океана, коллекционер не найдет дополнительных аргументов в демонстрации разновидностей. Зато в исследовании, которое рассматривает условия обращения почтового материала в полярных районах, предметом которого служат сама полярная почта, разновидности являются важным подспорьем. Они не только не уведут от главного, а, наоборот, помогают в нем разобраться.

ПОЧТОВЫЕ ШТЕМПЕЛЯ СТАНЦИЙ «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС»

Первая в мире научно-исследовательская дрейфующая станция, созданная в 1937 г., сразу же привлекла внимание филателистов. Однако ни на «лапачинской» станции, ни на станциях СП-2 и СП-3 не было почтовых отделений, не было и штемпелей.

Почты был оделан в период дрейфа второй смены станции СП-4. Первую полярную почту организовал начальник этой станции, ныне известный советский полярник, профессор П. А. Гордиенко, сам увлекшийся коллекционированием⁶. Заходящий связью экспедиционной группы Ф. Ф. Вахарьян стал руководителем первого в мире «дрейфующего почтового отделения».

Как же организована почтовая служба на советских станциях «Северный полюс»? Этот вопрос, еще не исследованный в филателистической литературе, по-

видимо, представляет особый интерес для коллекционеров.

В периодически издаваемом Министерством связи СССР «Алфавитном списке предприятий связи СССР» почтовые отделения станций СП и станций в Антарктиде не регистрируются. Многие думают, что это объясняется временным характером их действия и использования почтовых штемпелей на этих станциях. В действительности же все объясняется, так сказать, «почтовым статусом» полных отделений.

Инициатива в организации почты на полюсах принадлежит Арктическому и антарктическому научно-исследовательскому институту (ААНИИ). Каждый раз, когда готовится очередная высокоширотная экспедиция, в программе которой высадка новой станции СП, руководство ААНИИ направляет официальное письмо в Министерство связи СССР с просьбой дать разрешение на изготовление календарного почтового штемпеля для будущей полярной станции. Как правило, такое разрешение дается. Штемпеля изготавлиются в Граверной мастерской Дирекции по изданию и экспедированию знаков почтовой оплаты Министерства связи СССР и выдаются институту. Дирекция ААНИИ вручает штемпель начальнику полярной станции, который несет ответственность за правильное его использование. После окончания работы станции СП ее почтовый штемпель возвращается Министерству связи СССР.

По внешнему виду почтовые штемпеля станции СП ничем не отличаются от стандартных календарных штемпелей, принятых для всех почтовых учреждений нашей страны. Они имеют форму круга. В верхней части — аббревиатура СССР и пятиконечная звездочка с серпом и молотом в центре. По кругу надпись: «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС» и порядковый номер дрейфующей станции. В центре — сменная дата: день, месяц, год и час приема корреспонденции (арабскими цифрами). Две последние цифры, обозначающие час приема, не имели, конечно, никакого значения для отделения, отправляющего корреспонденцию «по мере возможности». Эти цифры послужили причиной многих

³ «Филателия СССР», 1969, № 12, стр. 9.

⁶ Небольшая часть коллекции П. А. Гордиенко включена в постоянную экспозицию Музея Арктики и Антарктики в Ленинграде.

¹ Например, со станции «Северный полюс-15», прошедшей в районе полюса 4 декабря 1967 г. На конверте — географические координаты станции к моменту отправки письма и автографы экспедиции.

² Герд Шарфенберг. «Медицина и филателия». Берлин, 1968, стр. 153.

недоразумений и поэтому начиная с 1959 г. (СП-8) они исчезли со штемпелей.

Обычно почтовые отделения станций СП возглавляются на общественных началах товарищами, ведающими радиоопвязью. На них возлагаются все обязанности, связанные с почтовым обслуживанием зимовиков. Институт снабжает их необходимым запасом почтовых марок и конвертов. Они принимают, обрабатывают и отправляют всю частную корреспонденцию, следят за своевременной сменой календарных дат на штемпеле. Служебные или экспедиционные штампы, применяемые на станциях, находятся в распоряжении начальников станций.

На всех станциях СП, независимо от количества смен и продолжительности их дрейфа, применялось по одному почтовому штемпелю. Единственное исключение — станция СП-8. Правда, довольно часто менялся цвет краски. Обо всем этом пойдет речь ниже.

В 1956—1961 гг. впервые получили распространение полярные письма, погашенные так называемыми «дубликатными» штемпелями. Они описаны в филателистической литературе⁷ в качестве штемпелей «второго типа». Как правило, их нетрудно отличить по начертанию шрифта, размерам букв и их расположению. Кроме того, на письмах, погашенных такими штемпелями, нередко имелся даже штамп заказного отправления. Подобные штемпеля и штампы ввели в филателистический оборот Всесоюзное объединение «Международная книга», чтобы удовлетворить возникший спрос на гашения, но прошедшие почту. Гашение таких чисто «коллекционных» или «филателистических» материалов, поскольку оно не регламентировалось почтовой доставкой, производилось небрежно. Многие даты на отписках штемпелей могли не совпасть со сроками работы почтовых отделений на станциях СП. Например, известно гашение штемпелем СП-4 с датой 8 апреля 1955 г., тогда как время появления штемпеля на этой станции — октябрь 1955 г. Разумеется, подобные конверты имеют лишь относительную коллекционную ценность.

Неопытность общественных «почтмейстеров», зимовавших на первых станциях СП, и неопытность филателистов, заверженных в 50-х г. одним видом гашения «Северный полюс», отсутствие надежной информации о точных сроках применения почтовых штемпелей на разных станциях СП привели к засорению многих коллекций. Возникло парадоксальное на первый взгляд противоречие: не всякий почтовый штемпель станций СП документирует событие. Постараемся разобраться.

Важно не только сам штемпель, но и дата, на нем обозначенная. Именно даты помогут воссоздать истинную картину развития почтовой службы на Северном полюсе. Достоверность даты (а следовательно, и того немаловажного обстоятельства, что данный экспонат получил гашение на Северном полюсе!) определяется двумя обстоятельствами:

— во-первых, документально подтвержденными сроками не пребывания очередной станции СП в дрейфе, а применения на ней почтового штемпеля. А эти сроки во многих случаях не совпадают⁸;

— во-вторых, тем, что доставка корреспонденции с дрейфующих станций СП происходит преимущественно осенью, накануне нового года, и весной — в период наиболее интенсивного воздушного сообщения между станциями СП и Большой землей.

В стремлении уточнить сроки применения почтовых штемпелей автор последовательно обращался к начальникам и заведующим радиосвязью всех дрейфовавших и дрейфующих станций СП. И сразу столкнулся с немаловажным фактом. Как сообщил, например, заведующий радиосвязью СП-5 М. М. Любарев, почтовый штемпель был доставлен ему только 4 ноября, а первое письмо им было погашено на следующий день, 5 ноября 1955 г., т. е. спустя более полугода после начала работы станции. Филателистам следует также иметь в виду, что данные, приведенные в «Каталоге советских специальных почтовых штемпелей» (изд. Главной филателистической конторы, М., 1963, стр. 88—89), относятся к началу и окончанию работы дрейфующих станций СП, а

не и срокам применения их почтовых штемпелей.

В начальном периоде «полярные почтовики» гасили частную корреспонденцию в день приема, и после этого она немедленно направлялась в ожидании транспортным авиалайном. Впоследствии почту стали обрабатывать в день отправления самолета. Это дало возможность, — правда, в порядке исключения, — предоставлять на конвертах географические координаты местонахождения станции в момент гашения почтовым отправление. Подобная документальность делает их филателистически уникальными, превращает в жемчужины любой коллекции.

На конвертах многих писем, отправленных с Северного полюса, кроме календарного почтового штемпеля, имеются еще отгашенные служебных штампов. Почтовые отделения СП-4, СП-5 и СП-6 пользовались штампами «заказное» и «телефон». Много лет применялся крупноформатный служебный экспедиционный штамп прямоугольной формы. Текст его в годы видоизменился.

Конверты в отписком служебного штемпеля всегда пользовались большим успехом у филателистов. Они видели в нем явное доказательство подлинности почтового отправления.

Штемпеля арктической почты применялись на 16 станциях СП, дрейф которых благополучно закончился (с четвертой до восемнадцатой и на двадцатой) и используются до сих пор на СП-19 и 21, дрейф которых продолжается. Накопилось огромное количество коллекционного материала. Пришло время последовательно описать его и хоть как-то классифицировать. Попытаемся сделать это.

Станция СП-4. Начало работы — 8 апреля 1954 г., завершение — 19 апреля 1957 г. Как свидетельствует заведывавший радиосвязью СП-4 Ф. Ф. Захарин, открытие первого в мире советского почтового отделения на Северном полюсе состоялось в октябре 1955 г. — после того, как на СП-4 был доставлен почтовый штемпель.

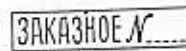
Календарный штемпель СП-4, как и всех последующих полярных почтовых отделений, — круглый, стандартного размера, принятого почтовым ведомством СССР. В верхней части аббревиатура СССР и пятиконечная звездочка с изо-

бражением серпа и молота внутри. По кругу надпись: «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС-4». В центре штемпеля в рамке сменяемая календарная дата арабскими цифрами, включающая день, месяц, год и час приема корреспонденции. Филателистам известны два типа штемпелей СП-4:

— тип I: надпись «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС», сделанная крупными буквами, находится над обрамлением передвигного указателя даты; перед номером станции — дефис (короткая соединительная черточка). Линии обрамления тонкие;

— тип II: первая буква надписи, сделанной более мелкими буквами, расположена на уровне верхней части обрамления даты; перед номером станции — тире (длинная соединительная черта). Верхняя и нижняя линии обрамления толстые, а боковые — тонкие.

Для оформления заказной корреспонденции на станции СП-4 применялся штамп «Заказное №...», имевший свободное место для вписывания номера отправления от руки. Прямоугольный штемпель заказного отправления, выполненный на французском языке, встречается только на конвертах, погашенных штемпелем второго типа (илл. 2).

Илл. 2

Анализ почтовой корреспонденции, которая приходила на Большую землю в течение 18 месяцев (ноябрь 1955—апрель 1957 гг.), показывает, что цвета отписков были неодинаковы. Первоначальный цвет — грязно-фиолетовый, так как первое время приходилось гасить марки не

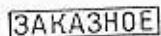
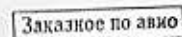
⁷ См. журналы: «Sammler-Express» (ГДР), № 6 — 1959; № 1—1961, № 10—1966 и «Sammler-Dienst» (ФРГ), № 9—1961.

⁸ См. таблицу, помещенную в конце статьи.

штемпельной мастикой, а чернилами, предназначенными для приборов-самописцев. Наиболее редким цветом гашения был черный. Он встречается в коллекциях в соотношении примерно 1:10. Оттиски фиолетового и синего цветов встречаются поровну: первых значительно больше.

Станция СП-5. Начало работы — 21 апреля 1955 г., завершение — 5 октября 1956 г. В каталоге ГФК «Советские специальные почтовые штемпеля» и в зарубежных публикациях начало работы почтовой службы отнесено к 21 апреля. На самом деле это произошло на целых полгода позже, а точнее — 5 ноября 1955 г.

Почтовое отделение станции СП-5 пользовалось стандартным круглым календарным штемпелем. Известны два типа этого штемпеля. Их отличия аналогичны штемпелям СП-4. Дополнительное отличие — в штемпеле типа I отсутствует тире (соединительная черточка) перед номером станции. Кроме штемпелей, отделение располагало тремя почтовыми штампами: «заказное», «заказное №...» и «заказное по авио», — все штампы в рамочках. Только в сочетании со штемпелем второго типа встречается штамп «заказное. Северный полюс — 5 №...» на французском языке (илл. 3).

Илл. 3

Общая продолжительность использования календарного штемпеля станции СП-5 составляла всего 11 месяцев. Для гаше-

ния применялась фиолетовая, синяя и черная мастика. Наиболее редкий цвет оттисков — черный.

Среди коллекционеров широко распространено мнение, что самыми редкими являются штемпеля СП-4 — первой станции, имевшей свою почтовую службу. В действительности, как показало тщательное изучение, на первом месте остаются письма, отправленные со станции СП-5. Степень филателистической редкости обусловлена, в первую очередь, непродолжительностью их почтового обращения.

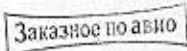
Станция СП-6. Начало работы — 19 апреля 1956 г., завершение — 14 сентября 1959 г. Начиная с СП-6, почти на всех станциях действие их почтовых отделений по срокам совпадает с временем их дрейфа.

Известно два типа календарного почтового штемпеля СП-6. Основное отличие:

тип I — надпись «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС-6» занимает точно нижнюю половину круга;

тип II — надпись начинается и заканчивается на уровне верхней линии обрамления календарной даты.

Кроме календарного штемпеля применялся почтовый штамп «Заказное по авио» в рамке. Штамп заказного отправления, исполненный на французском языке, встречается на конвертах лишь в сочетании с календарным штемпелем второго типа (илл. 4).

Илл. 4

Интересная особенность отличает гашения, сделанные на станции СП-6 в 1959 г. на третьем году ее дрейфа. На

номераторе действовавшего почтового штемпеля было установлено четырехзначное годовое обозначение (1959), а то время как обычно обходится двумя последними цифрами годовой даты. Этим поларные почтовики устранили раздражающую безымясленность — обозначение часа гашения. Однако впоследствии решено было вернуться к обычному обозначению часа поочередно цифр годовой даты. Цифры для обозначения часа приема корреспонденции со штемпелем полярной почты не использовались вообще.

На станции появился служебный эквивалентный (или адресный) штамп прямоугольной формы. В рамку заключен текст в четыре строки: «Дрейфующая станция «Северный полюс» № 6 Арктического и Антарктического научно-исследовательского института ГУСМП-ММФ» (илл. 5).

Илл. 5

Большинство оттисков штемпеля станции СП-6 сделано черной краской, встречаются и синие. Фиолетовая краска, как правило, применялась для штемпеля типа II.

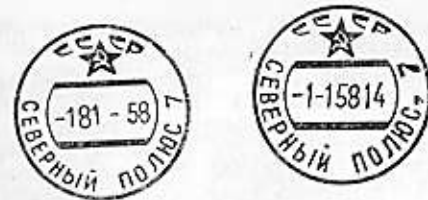
Станция СП-7. Начало работы — 23 апреля 1957 г., завершение — 11 апреля 1959 г. Почтовые операции производились со дня открытия по день закрытия станции.

Известен календарный почтовый штемпель СП-7 двух типов. Основное отличие (илл. 6):

— тип I — надпись «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС-7» начинается и заканчивается несколько ниже верхней линии обрамления даты; разделительная черточка между надписью и номером станции отсутствует;

— тип II — надпись начинается и заканчивается на уровне верхней линии обрамления даты; вместо разделительной черточки — запятая.

* «ГУСМП-ММФ» — сокращенное обозначение ведомства, которому был подчинен институт. Главное управление Северного морского пути Министерства морского флота СССР.

Илл. 6

Почтовое отделение станции СП-7 и все последующие не пользовались почтовыми штампами заказных отправок.

Для гашения использовалась краска трех цветов — фиолетового, синего и черного. Оттиски штемпеля второго типа — чаще всего черного цвета, но встречаются и фиолетовые.

Станция СП-8. Открыта 27 апреля 1959 г., работала до 19 марта 1962 г. Особенность станции состоит в том, что в ее почтовом отделении применялось два почтовых штемпеля: малый (диаметр — 26 мм) — в течение восьми месяцев дрейфа первой смены и большой (диаметр — 30 мм) — в последующие полтора года (илл. 7).

Как сообщил начальник первой смены станции СП-8 В. М. Рогачев, цифровой механизм штемпеля оказался неисправным. 1 января 1960 г. на нем не удалось сменить годовую дату. Был срочно

Илл. 7

заказан новый штемпель, а до его присылки отправляемая почта гасилась неисправным штемпелем с датой «31.12.59». В феврале 1960 г. новый штемпель был получен, но оказалось, что он не соответствует традиционному стандарту. Оттиски малого штемпеля встречаются почти исключительно фиолетового, оттиски большого — черного цветов. Кроме поч-

ового штемпеля, на станции СП-8 при-
ковидеся экспедиционный штамп.

Станция СП-9. Открыта 28 апреля
1960 г., завершила работу 29 марта
1961 г. Сроки действия почтового отде-
ления совпадают со временем дрейфа
станции. Применялся стандартный поч-
товый штемпель с надписью «СЕВЕРНЫЙ
ПОЛЮС-9». Большинство оттисков черно-
го цвета.

Станция СП-10. Начало работы стан-
ции и ее почтового отделения — 17 ок-
тября 1961 г., завершение — 29 апреля
1964 г. Применялись стандартный кален-
дарный штемпель с надписью «СЕВЕР-
НЫЙ ПОЛЮС-10» и прямоугольный экс-
педиционный штамп нового типа с тек-
стом, расположенным в 5 строк (илл. 8).

ДРЕЙДУЮЩАЯ СТАНЦИЯ
«СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС-10»
Арктического и Антарктического
Научно-исследовательского института
ГУСМП-ММФ

Илл. 8

Первые полгода гашение производилось
черной краской, с апреля 1962 г. и на
всем протяжении второго полугодия —
фиолетовой, с октября 1962 г. и до мая
(конца апреля) 1964 г. — снова черной.

Станция СП-11. Начало работы стан-
ции и почты — 16 апреля 1962 г., окон-
чание — 20 апреля 1963 г. Применялись
стандартный почтовый штемпель и экс-
педиционный штамп несколько изменен-
ного вида. Текст, как было на СП-6, рас-
положен в четыре строки, но слово «ин-
ститут» дано в сокращении. Гашение про-
изводилось в основном фиолетовой крас-
кой, несколько реже — черной и зелено-
вато-серой (чернилами).

Станция СП-12. Сроки дрейфа и дей-
ствия почтового отделения совпадают: с
30 апреля 1963 г. по 25 апреля 1965 г.
Помимо стандартного календарного штем-
пеля с соответствующей надписью, приме-
нялся экспедиционный штамп. Известна
разновидность этого штампа, мало знако-
мая филателистам. В июне 1963 г. дрей-
фующие станции СП перешли из ведения
Главного управления Северного морского
пути Министерства морского флота СССР
в подчинение Главного управления Гид-
рометеослужбы при Совете Министров
СССР.

В связи с этим из штампа были уда-
лены буквы: «ГУСМП ММФ». На первом
конверте с оттиском измененного штампа
имеется почтовый штемпель с датой
«14.6.63».

Первая смена зимовщиков станции
СП-12 в течение года применяла для поч-
товых гашений черную краску, вторая
смена — фиолетовую.

Станция СП-13. Открыта 22 апреля
1964 г., закончила работу 26 апреля
1967 г. Почтовым отделением станции
применялся стандартный календарный
штемпель. Известен экспедиционный
штамп. В его последней строке отражена
новая подчиненность: «ГУГМП при Со-
вете Министров СССР».

Станция СП-13 дрейфовала в течение
трех лет, за это время трижды сменился
состав зимовщиков. Все гашения сделаны
только краской фиолетового цвета.

Станция СП-14. Начало работы — 1 мая
1965 г., окончание — 12 февраля 1966 г.
После завершения дрейфа почтовое от-
деление продолжало функционировать еще
в течение месяца (до 12 марта 1966 г.),
обслуживая бригаду, вывозившую имуще-
ство станции.

Календарный почтовый штемпель стан-
ции СП-14 отличается от всех иных по-
лярных штемпелей одной деталью: в его
нижней части, под обрамлением даты,
имеется буква «л», наклоненная вправо
(курсив). Чем вызвано появление этой бу-
квы, пока не ясно. Применялся экспеди-
ционный штамп обычного образца. Для
гашения отправляемой корреспонденции
использовались фиолетовая и черная
краски.

Станция СП-15. Открыта 15 апреля
1966 г., дрейф завершился 25 марта
1968 г. Применялись стандартный почто-
вый штемпель с надписью «СЕВЕРНЫЙ
ПОЛЮС-15» и обычный экспедиционный
штамп. На дате штемпеля, как дань
прошлому, снова появилось обозначение
часа приема корреспонденции.

В течение всего дрейфа гашение про-
изводилось черной краской; встречается
незначительное количество фиолетовых
оттисков штемпеля.

Станция СП-16. Работала с 10 апреля
1968 г., дрейф завершился 22 марта 1972 г.

Кроме стандартного почтового штем-
пеля, применялся экспедиционный штамп
с несколько измененным текстом: вме-
сто слов «научно-исследовательский ин-
ститут» сокращение — «НИИ». Для гаше-
ния использовалась только черная краска.

Станция СП-17. Открыта 18 апреля
1968 г., закончила дрейф 16 октября
1969 г. Почтовое отделение имело кален-
дарный штемпель стандартного образца.

Применялся экспедиционный штамп, от-
личавшийся тем, что аббревиатура
«ГУСМП» перенесена в четвертой строки
на третью. До 16 апреля 1969 г. для га-
шения использовалась черная краска, по-
сле этой даты — фиолетовая.

Станция СП-18. Зимовщики были вы-
везены на лед 9 октября 1968 г. Рабо-
та закончена, и почтовое отделение за-
крыто 24 октября 1971 г. Почтовый штем-
пель был доставлен только в канун
1969 г. Известны конверты, погашенные
штемпелем с датой до «1.1.69». По-види-
мому, после доставки штемпеля не сразу
переделана календарная дата.

Как правило, оттиски штемпеля стан-
ции СП-18 черного цвета, но в день 100-

летия со дня рождения В. И. Ленина —
22 апреля 1970 г. — небольшое количе-
ство писем было погашено красной крас-
кой. Экспедиционного штампа на стан-
ции не было.

Станция СП-19. Начало работы — 7 но-
ября 1969 г. Дрейф продолжается. При-
меняется стандартный почтовый штем-
пель. Экспедиционного штампа нет. До
октября 1971 г. гашение производилось
черной краской, а позже — фиолетовой.

Станция СП-20. Открыта 22 апреля
1970 г. Дрейф завершился 17 мая 1972 г.
Почтовое отделение пользовалось стан-
дартным календарным штемпелем. Экс-
педиционный штамп не применялся. Все от-
тиски штемпеля, встречающиеся у филат-
елистов, — черного цвета.

Станция СП-21. Открыта 1 января
1972 г. Дрейф продолжается. На станции
применяется традиционный почтовый
штемпель, а экспедиционный отсутствует.
Все оттиски — фиолетового цвета.

Сроки действия почтовых отделений дрейфующих станций «Северный полюс»

Дрейф станции	Продолжительность дрейфа	Продолжительность использования штемпеля
СП-4	8.4.1954—19.4.1957	Октябрь 1955—19.4.1957
СП-8	21.4.1955—5.10.1956	5.11.1955—5.10.1956
СП-6	19.4.1956—14.9.1959	19.4.1956—14.9.1959
СП-7	23.4.1957—11.4.1959	23.4.1957—11.4.1959
СП-8	27.4.1959—19.3.1962	27.4.1959—19.3.1962
СП-9	28.4.1960—29.3.1961	28.4.1960—29.3.1961
СП-10	17.10.1961—29.4.1964	17.10.1961—29.4.1964
СП-11	16.4.1962—20.4.1963	16.4.1962—20.4.1963
СП-12	30.4.1963—25.4.1965	30.4.1963—25.4.1965
СП-13	22.4.1964—26.4.1967	22.4.1964—26.4.1967
СП-14	1.5.1965—12.2.1966	1.5.1965—12.2.1966
СП-15	15.4.1966—25.3.1968	15.4.1966—25.3.1968
СП-16	10.4.1968—22.3.1972	10.4.1968—22.3.1972
СП-17	18.4.1968—16.10.1969	18.4.1968—16.10.1969
СП-18	9.10.1968—24.10.1971	1.1.1969—24.10.1971
СП-19*	7.11.1969	7.11.1969
СП-20	22.4.1970—17.5.1972	22.4.1970—17.5.1972
СП-21*	1.1.1972	1.1.1972

* Дрейф продолжается.

Сто лет русской почтовой карточки

1 января 1972 г. исполнилось 100 лет со дня введения в обращение первой русской почтовой карточки. С первых дней своего существования она стала предметом коллекционирования, однако ее подлинная история еще не нашла серьезного отражения. В современной литературе по филателии и филокартии начальному периоду истории русской почтовой карточки посвящались обычно считанные строки. При этом многие авторы, некритически воспринявшие публикации дореволюционных журналов, внесли в ее историю немало фантастического. К почтовым открыткам, например, были отнесены... памятники древней письменности в пещере в Бенигассане, поздравительные и даже визитные карточки.

Впервые обратившись не к сомнительным литературным источникам, а к хранящимся в советских архивах историческим документам, автор стремится показать историю русской почтовой карточки со времени появления ее в почтовом обращении до наших дней. Мы публикуем краткий вариант этой интересной работы; полностью она скоро выйдет отдельной книгой.

РУССКАЯ ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПОЧТОВОЙ КАРТОЧКИ — одна из страниц истории развития почтовой связи в нашей стране. Как новый вид почтового отправления открытое письмо было введено в обращение в России с 1 января 1872 г. (ст. ст.) почтовой реформой 70-х гг. прошлого столетия. Необходимость реформы диктовалась глубокими переменами в экономической и общественной жизни страны, связанными с развитием капитализма в России. Отмена крепостного права, рост промышленности, огромный размах железнодорожного строительства вызвали резкое увеличение количества рабочих — выходцев из деревни. Подвижность населения вызвала, в свою очередь, небывалую для России потребность в дешевой почтовой связи. Эта общественная потребность нашла отражение в документе того времени «Об устройстве почтового дела в империи», в котором отмечалось: «Чем проще и удобнее для корреспондентов формы операций и дешевле плата за них, тем более усиливаются обороты таких операций и чрез то увеличиваются сборы с них» [1].

В октябре 1870 г. министр внутренних дел, в ведении которого находился почтовый департамент, докладывал, что большая часть суще-

ствовавших в России форм почтовых операций, почтовых правил и такс не соответствовала требованиям времени. «По сравнению с действующими за границей, они представляются весьма отсталыми» [2], — к такому выводу приходил министр. Его доклад послужил основой предстоявшей почтовой реформы, которая завершилась в 1874 г. разработкой нового Почтового Устава [3].

30 января 1871 г. директор Почтового департамента представил министру доклад, в котором содержались первые соображения об улучшении почтового дела в России. Одним из них оказалось предложение о введении в почтовое обращение открытых писем. На илл. 1 мы впервые воспроизводим две странички из этого доклада. В нем говорилось:

«2. Подобно тому, как введено в Пруссии и Австрии, возможно установить и у нас особый способ корреспонденции, дающей возможность частным лицам вести переписку открыто, не в запечатанных конвертах. Эти открытые письма состояли бы из 1/16 доли листа плотной цветной бумаги (например, палевой), одна из сторон его предназна-

*2. Подобно тому как введено
в Пруссии и Австрии, возможно уста-
новить и у нас особый способ кор-
респонденции, дающей возможность част-
ным лицам вести переписку откры-
то, не в запечатанных конвертах.
Эти открытые письма состояли бы
из 1/16 доли плотной листа цветной
бумаги (напр. палевой) одна из сто-
рон его предназначалась для
адреса, а другая для писания. Эти письма
могли бы повсюду опускаться в почто-
вые ящики, давали бы возможность
отправления и переписки на равном*

для писания... Бланки открытых писем изготавливаются от Почтового ведомства и пересылка открытых писем на иных бланках не допускается.

Статья 17. За пересылку открытого иногородного письма взимается 5 коп., а за пересылку открытого городского письма 3 коп.».

1 ноября 1871 г. почтовый департамент разослал «Указатель почтовых чинам при руководстве временными постановлениями по почтовой части». В нем содержалось, в частности, такое разъяснение:

Илл. 3

«К статье 16. На бланках открытых писем на стороне для письма допускается писать не только на всяком языке, как русском, так и иностранном, но даже и шифром.

Почтовые штемпеля о времени отправления и получения открытых писем накладываются на той стороне бланка, где пишется адрес.

Если на адресной стороне бланка, кроме адреса хотя и самого подробного (т. е. титула, должности, звания, чина, имени, отчества, фамилии, места жительства, места назначения или до востребования), будет написано еще что-нибудь, то такие открытые письма не должны быть отправляемы по назначению» [6].

18 ноября 1871 г. «Временные постановления по почтовой части» были вторично опубликованы в «Правительственном вестнике», а всем губернаторам предписывалось

перепечатать их в губернских ведомостях.

Первые русские почтовые карточки («Открытые письма») были отпечатаны на плотной серо-белой бумаге форматом 125—100—90 мм (илл. 4). Адресная сторона обрамлена рамкой шириной 4,5 мм. Под рамкой служебный текст: «Информации изготовления государственных бумаг». В рамке, в верхнем левом углу, герб России, под ним — два скрещенных почтовых ролика. В верхнем правом углу точно обозначен прямоугольник, внутри которого помещалась надпись: «Место для марки».

Между гербом и местом для марки слова: «Открытое письмо». Место для адреса обозначено пятью пунктирными линиями. Вдоль левой внутренней стороны рамки текст: «Место для адреса». Над нижней частью рамки два примечания:

1. Открытое письмо должно быть сполна оплачено соответствующей почтовой маркою.
2. На этой стороне кроме адреса не допускается ничего другого писать».

Оборотная сторона открытки, предназначенная для письменного сообщения, также имела рамку, состоящую из толстой и тонкой прямых линий. В разрывах верхней и нижней частей рамки надписи: «Место для письма», «Почтовое управление за содержание письма не отвечает».

Всего пять месяцев спустя, 1 мая 1872 г., в почтовое обращение поступили почтовые карточки второго выпуска. Они отличались цветом краски, которой печатались надписи и рамка на лицевой и обратной стороне; более крупным шрифтом надписи «Открытое письмо»; дополнительными надписями; дополнительной рамкой из тонких линий с орна-

Илл. 4

ментом по углам, помещенной внутри широкой рамки на лицевой части открытки; шестью адресными линиями (вместо пяти). Сокращенный служебный текст («Экспед. Заготовл. Государств. Бумаг.») помещен на самой рамке, а не под ней. Обратная сторона оставалась прежней. На двух открытках нового выпуска впервые появились знаки почтовой оплаты (илл. 4).

Первая напечатана черной краской. Справа наверху в рамочке надпись: «Место для марки». Первое примечание, помещенное над нижней частью обрамления, сформулировано так: «1. Открытое письмо должно быть сполна оплачено соответствующую почтовую маркою, городское — 3 коп., иногороднее — 5 коп.».

Вторая напечатана коричневой краской, имеет дополнительную надпись: «городское». На месте марки напечатан знак овальной формы с государственным гербом в середине и цифрой «3» внизу. Внутренняя надпись по овалу: «три копейки за письмо». Первое примечание сформулировано так: «Это письмо может быть опущено в почтовый ящик и переслано только в городе, по городской почте, где таковая учреждена».

Третья напечатана светло-зеленой краской, имеет дополнительную надпись: «иногороднее». На месте марки — аналогичный знак с внутренней надписью по овалу: «пять копеек за письмо». Новая формулировка первого примечания: «Это письмо может быть опущено в почтовый ящик и отправлено во все почтовые места империи и за границу».

19 июня 1875 г.¹ в связи с изменением почтовых тарифов сбор за иногороднее открытое письмо был понижен с пяти до четырех копеек. Соответствующий новым тарифам выпуск открыток отличался только новым номиналом знака (4 коп.) и несколько измененным цветом (светло-сине-зеленый).

20 марта 1879 г. сбор за пересылку иногородних открытых писем был понижен еще раз — с четырех до трех копеек. Это означало, что для иногородних и городских открыток устанавливался единый тариф. Надобность в надписях «иногороднее» и «городское» отпала. В обращении появились открытки, по внешнему виду существенно отличавшиеся от всех предшествовавших выпусков. На лицевой стороне вместо широкой появилась узкая рамка, образованная двумя линиями с узорным орнаментом по углам. Вместо условного знака почтовой оплаты на открытке впервые появилось одноцветное изображение государственной почтовой марки 3-копеечного достоинства образца 1866 г. (по каталогу под ред. Ф. Чучина № 19). По-новому сформулированы примечания, помещенные, как обычно, над нижней частью обрамления: «1. На этой стороне кроме адреса не допускается ничего другого писать. 2. Почтовое управление за содержание письма не отвечает». С лицевой стороны исчезла служебная надпись (ЭЗГБ), а с оборотной — рамка и надписи (илл. 5)

На открытке без марки имелось дополнительное примечание: «Это письмо должно быть оплачено (включенной почтовой маркой)». Почтовые карточки четвертого выпуска печатались черной краской на желтовато-серой плотной бумаге.

В 1883 г. Международное бюро Всемирного почтового союза ввело цветовую унификацию знаков почтовой оплаты. Члены Союза были обязаны выпускать в обращение марки цветов: красного — для открытого письма, синего — для закрытого и зеленого — для международных отправок. Реализуя это предложение, русское почтовое ведомство в апреле 1884 г. выпустило в обращение открытки нового типа — без рамки на лицевой стороне. Наверху справа красной краской печаталась 3-копеечная марка оригинального рисунка. Претерпело некоторые изменения и изображение государственного герба, помещенного, как обычно, наверху слева. Почтовые рожки, располагавшиеся прежде под гербом, перенесены на марку. Герб, надписи и адресные линии (6 шт.) на маркированных открытках отпечатаны черной, на открытках без марки — коричневой краской на желтоватой плотной бумаге форматом 123×90 мм (илл. 6). Бланки открытых писем всех прежних выпусков предписывалось изъять из обращения с 1 января 1886 г.; этот срок был продлен до 1 июля 1886 г.

Под влиянием Всемирного почтового союза русское почтовое ведомство постепенно изменяло внешний вид своих открытых писем. В

Илл. 5

Илл. 6

¹ В «Каталоге почтовых марок и ценных вещей. Основная Россия» (под ред. Ф. Чучина 1928) этот выпуск датирован 1 апреля 1875 г.

верхней части почтовых карточек, между гербом и маркой, впервые появилась двуязычная надпись: «Всемирный почтовый союз. Россия. Union postale universelle. Russie. Открытое письмо. — Carte postale», размещенная между гербом и маркой. Напомним, что французский — официальный язык Всемирного почтового союза. Многочисленные примечания, обычные для откры-

Илл. 7

ток прежних выпусков, были заменены одной фразой: «На этой стороне пишется только адрес», напечатанной также на двух языках (илл. 7).

Месяц спустя — в соответствии с циркуляром № 31 Главного управления почт и телеграфов от 18 июля 1866 г. — появились первые русские двойные почтовые карточки. Их внешнее оформление отличалось от одинарных дополнительными, также двуязычными, надписями: «С оплаченным ответом. — Avec réponse payée» и «Для ответа. — Réponse». По сути дела это были две одинаковые почтовые карточки, напечатанные на одном, согнутом пополам, листе плотной бумаги. Отправитель, оплачивая обе открытки, использовал для письма одну из них. Получателю оставалось только отделить чистую открытку от написанной и использовать ее для ответа. Такие открытки служили как бы вежливым напоминанием получателю о необходимости быстрого ответа. Двойные почтовые карточки быстро завоевали популярность и вошли в традицию русской почты. Много лет спустя (в 1926—1927 гг.) они выпускались и советской почтой. Формально обе открытки нового типа предназначались для заграничной корреспонденции, но ими можно было пользоваться и внутри страны.

Начиная с выпуска 1886 г. русские почтовые открытки изготовлялись по международному стандартному формату (140×90 мм), принятому Всемирным почтовым конгрессом еще в 1878 г.

Как известно, в 1884 г. произошло слияние русского почтового управления с телеграфным. Впервые это было отражено на открытках уже в 1886 г. на их марках почтовый знак был заменен почтово-телеграфным: к почтовым рожкам добавлены перекрещивающиеся телеграфные стрелки. На стандартных марках почтово-телеграфный знак впервые появился лишь три года спустя — в 1889 г.

Илл. 8

С 24 января 1889 г. почтовый сбор с открытых писем, отправляемых за границу, был повышен до 4 копеек. Находившиеся в обращении открытки с двуязычной надписью стали пригодными только для переписки внутри страны. В июле 1889 г. их заменили открытками образца 1884 г. с короткими надписями на русском языке: «Открытое письмо» (сверху) и «На этой стороне пишется только адрес» (внизу). Одновременно поступили в обращение новые открытки для международной корреспонденции с двуязычной надписью. От бланков образца 1880 г. они отличались номиналом и формой марки. На них печаталась 4-конечная стандартная марка образца 1889 г. с отсеченными углами (илл. 8).

Первые 10 лет существования русской почтовой открытки можно назвать годами эксперимента. В почтовом обращении появились один за другим восемь выпусков, каждый из которых по внешнему виду и формату чем-то отличался от предыдущего. Карточки совершенствовались, упрощались, постепенно приближаясь к международному стандарту. Одно оставалось неизменным — двухцветность. Изображение герба и надписи на них печатались одной краской (черной, зеленой или

Илл. 9

Илл. 10

Илл. 11

коричневой), а марка — другой (красной). В марте 1890 г. на русской почте впервые появились одноцветные открытки, напечатанные одной, светло-красной краской. Эксперимент закончился. Русская почтовая открытка обрела свое лицо. В принципе, оно оставалось неизменным до 1917 г. В обращении находились два типа открыток: с двуязычной надписью для международной и с надписью на русском языке для внутренней корреспонденции. Однако изменения в деталях некоторых выпусков дают три разновидности:

— выпуск 1907 г. Герб заключен в рамку без растительного орнамента. Новый рисунок марки, по типу превосходящий русские стандартные марки, появившиеся в 1909 г.;

— выпуск 1909 г., осуществленный в соответствии с новыми «Постановлениями по почтовой части», введенными в действие с 1 мая того же года [7]. Надпись «Открытое письмо» заменена надписью «Почтовая карточка» (илл. 9). Этот термин сохранился до наших дней;

— выпуск 1913 г. на открытках, предназначенных для международной корреспонденции, двуязычная надпись предельно сокращена: «Россия. — Russie. Почтовая карточка. — Carte postale». 3- и 4-копеечные марки из юбилейной серии 1912 г. (илл. 10).

Последний выпуск почтовых карточек дооктябрьского периода был осуществлен уже при Временном правительстве. Новый герб — двуглавый орел, лишенный короны и прочих царских регалий. Герб повторен на марке того же рисунка, что и на открытках выпуска 1907—1909 гг., но 5-копеечного достоинства. Открытка напечатана коричневой краской (илл. 11).

СОВЕТСКИЕ ПОЧТОВЫЕ КАРТОЧКИ

26 ЯНВАРЯ 1918 г. Наркомат почт и телеграфов РСФСР утвердил новые почтовые тарифы. Сбор за пересылку открытого письма был установлен в 20 коп.

Почтовая традиция требовала помещения на открытке изображения государственного герба. Первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян рождалось в ожесточенной борьбе со свергнутыми эксплуататорами и вооруженными силами международного империализма. Геральдические вопросы оказались отложенными до более подходящего времени, и Наркомпочтелю пришлось 2 июля 1918 г. принять решение: выпустить первую советскую почтовую карточку по старому образцу. Она отличалась от открытки, изданной почтовым ведомством Временного правительства только цветом (синий) (вместо коричневого) и номиналом марки (20 коп. вместо 5 коп.).

21 ноября 1918 г. В. И. Ленин подписал декрет Совнаркома РСФСР «Об установлении бесплатной пересылки писем». С 1 января 1919 г. вводилась бесплатная пересылка простых, закрытых (весом до 15 г) и открытых писем. В собраниях коллекционеров бережно хранятся открытки, прошедшие почту в 1919—1921 гг. без знаков почтовой оплаты

(илл. 12). Это — документ невиданного в истории государственного акта, сделавшего почту доступной всему населению.

В конце гражданской войны экономическое положение страны оказалось в крайне тяжелом состоянии. А съезд РКП(б), состоявшийся в марте 1921 г., принял решение о переходе к новой экономической политике. Основой социалистической экономики становился хозрасчет. 18 июля 1921 г. декретом Совнаркома РСФСР была вновь введена платность всех почтовых услуг. Такса за пересылку открытки установлена в 100 рублей. Продолжавшаяся инфляция вынуждала Наркомпочтель по нескольку раз в год менять почтовые тарифы². Так, с 15 апреля 1922 г. пересылка открытки уже стоила 20 тыс. рублей. По вполне понятным причинам они в эти годы не издавались.

Первая почтовая карточка СССР появилась в обращении 15 декабря 1923 г. — вскоре после того, как Советское правительство приняло решение о выпуске денег в золотом исчислении. Тариф на пересылку открытки в то время составлял 3 коп. золотом. По формату, цвету и плотности бумаги новые открытки соответствовали дореволюционным. На адресной стороне красной краской были напечатаны государственный герб СССР и безвалютная марка с изображением рабочего (первый стандартный выпуск СССР, № 99). Вместо номинала на ней значилось: «Почтовая карточка». Между гербом и маркой надпись: «Исключительно для внутренней корреспонденции» (илл. 13).

20 октября 1924 г. была выпущена оригинальная почтовая открытка, посвященная памяти В. И. Ленина. Ее адресная сторона стандартная: герб, надпись «Почтовая карточка», 3-копеечная марка (№ 101), 5 адресных линий. На стороне для письменного сообщения около половины места занимал портрет В. И. Ленина (фрагмент фотографии А. Левинского «В. И. Ленин в своем кабинете в Кремле беседует с американским экономистом П.-П. Христиансенем» [8]). Эта уникальная поч-

² Не имея возможности подробно останавливаться на изменениях почтовых тарифов, касающихся стоимости пересылки открыток, мы отсылаем интересующихся к исчерпывающим таблицам, опубликованным в сборнике «Советский коллекционер» 1971, вып. 9, стр. 57—61.

Илл. 12

Илл. 13

международного стандартного формата 148 × 105 мм — первые советские открытки международной корреспонденции. Их отличительные признаки: 7-копечная марка первого стандартного выпуска (№ 113) и надпись «Почтовая карточка», повторенная на трех языках — французском, одной из союзных республик СССР и эсперанто. Карточки печатались коричневой краской (илл. 15). Этот выпуск отличался двумя характерными особенностями:

— адресные линии без всяких дополнительных надписей занимали только правую половину адресной стороны. Левая половина и обратная сторона карточки отводились под письменное сообщение;

Илл. 14

товая карточка была напечатана во 2-й типографии Гознака тиражом всего 50 тыс. экземпляров на белой плотной бумаге. Фотография воспроизводилась краской синего и серо-стального цветов (илл. 14).

12 ноября 1925 г. были выпущены в обращение почтовые карточки нового

Илл. 15

выпущенные открытки международной корреспонденции имело надписи на французском, русском и эсперанто, второе — на французском, украинском и эсперанто, третье — на французском, белорусском и эсперанто и т. д.

Французский — язык Всемирного почтового союза, затем язык одной из суверенных республик, входящих в Советский Союз. Но почему еще эсперанто? Это — своеобразная дань веяниям времени.

Созданный в 1887 г. Л. Заменгофом (Варшава) международный вспомогательный язык эсперанто получил неожиданно широкое распространение после первой мировой войны. Одно время — как раз в 30-е гг. — ему придавалось большое значение как языку, при помощи которого трудящиеся всех стран смогут легче понять друг друга. Память об этом осталась не только на советских открытках. В 1926 г. была выпущена в обращение серия из двух почтовых марок в честь VI Международного конгресса пролетарских эсперантистов (№№ 243, 244), а в 1927 г. — такая же серия, посвященная 40-летию языка эсперанто и в память 10-летия со дня смерти его создателя Л. Заменгофа (№№ 271, 272).

24 февраля 1926 г. в обращении появились еще две почтовые карточки:

Для внутренней корреспонденции. Между гербом и 3-копечной маркой (№ 101) — двуязычная надпись «Почтовая карточка» на русском и одном из пяти языков союзных республик. Ниже адресных линий располагались надписи, напечатанные на языке той республики, для которой предназначалась открытка: «Куда (наименование ближайшего почтового пункта или станции железной дороги; наименование области,

¹ В то время азербайджанская письменность пользовалась арабским алфавитом. Поэтому азербайджанские надписи на открытках выполнялись на основе арабской графики. В каталоге 1925 г. № 142 они именовались в духе существовавших в то время понятий, но фактически назывались «Туркский текст» (прим. ред.).

— впервые появилась надпись «Почтовая карточка» на одном из языков шести республик, входивших тогда в состав Советского Союза¹. Вследствие этого все выпуски почтовых карточек, осуществленные Наркомпочтелем с 1925 г. по 1928 г., выходили в шести изданиях, каждое из которых продавалось в почтовых учреждениях той республики, на языке которой была воспроизведена надпись. Таким образом, пер-

округа, уезда или железной дороги; наименование сельского совета и деревни или улицы, № дома и № квартиры); Кому». В нижней части открытки — характерное примечание: «Если открытка посылается за границы республики, адрес пишется на русском языке». Карточки печатались форматом 138×91 мм карминовой краской.

Для международной корреспонденции. Двойные карточки с оплаченным ответом. Герб, 7-копеечная марка (№ 113) и трехязычная надпись (на французском, языке одной из шести союзных республик и эсперанто), четыре адресные линии без текстов. Вся адресная сторона заключена в двойную рамку, а герб, марка и надписи — в сложную систему рамок. Печатались международным стандартным форматом (148×105 мм) коричневой краской (илл. 16).

Продолжая экспериментировать, Наркомпочтель всего через три месяца выпустил новую пару почтовых карточек. По вычурности формы это был беспрецедентный выпуск! На открытке, предназначенной для внутренней корреспонденции, герб, окруженный надписями, как орнаментом, оказался в середине верхней части. Широкая полоса орнамента украсила многорабочную конструкцию международной открытки (илл. 17).

Илл. 16

Илл. 17

16 мая 1927 г. наметился резкий перелом. Поступившая в обращение очередная пара почтовых карточек отличалась строгостью традиционной почтовой формы. Обе открытки — для внутренней и международной корреспонденции — впервые были напечатаны одной карминовой краской.

15 августа 1928 г. были введены новые почтовые тарифы: пересылка местной почтовой карточки (в пределах города) — 3 коп., иногородней — 5 копеек. Вновь выпущенные местные открытки печатались синей, а иногородние и международные — красной красками.

В 1930 г. выпущены в обращение местные и иногородние открытки нового типа. Надписи «Почтовая карточка», «Куда» и «Кому» — на них печатались столбиками по восемь строк в каждом: на шести языках союзных республик и французском, который заменил эсперанто. Надписи на азербайджанском языке дублировались русским и арабским шрифтами. К тому времени азербайджанская письменность была переведена на основу русской графики и требовался какой-то срок, пока ею овладеет все население республики (илл. 18).

Илл. 18

Период экспериментов завершился в основном к 1933 г., когда была найдена наиболее совершенная — простая и одинаково удобная почта и ее клиентам — форма почтовой карточки. Она просуществовала 16 лет: слева — герб, затем — крупная надпись: «Почтовая карточка» на русском и французском языках, справа — изображение марки. Пять адресных строк с подробными указаниями, как именно располагать адрес. Под полужирной линией — две строки для адреса отправителя. С наименования почтовых тарифов и выпуском новых стандартных марок менялись номиналы и рисунки марок, но форма карточек, в принципе, оставалась неизменной. Однако, как говорится, «нет правила без исключений». В 1939 г. в обращении появился выпуск с крупной надписью между двумя полужирными линиями: «На каждом почтовом отправлении пишите свой обратный адрес...».

С 1948 г. все надписи на открытках печатаются на одном русском языке. Эта форма просуществовала до 1961 г., когда появилась самая лаконичная открытка, напечатанная фиолетовой краской. На ее адресной стороне герб, марка и всего шесть слов: вместо «почтовая карточка» — «Карточка почтовая», «Куда», «Кому» и «Адрес отправителя». Против последних слов — широкая прерывистая полоса. И цвет, и полоса были вызваны служебной необходимостью: почтовое ведомство испытывало новые сортировочные машины, которые реагировали именно на эти элементы открыток. Все остальные модификации стандартных почтовых карточек, появившиеся в последние годы, хорошо известны нашим читателям и не нуждаются в описании.

До сих пор речь шла о стандартных почтовых карточках, выпуск которых преследует одну-единственную цель: предоставить клиенту почты за минимальную плату простейший бланк для краткого письмен-

ного сообщения. Однако почтовое ведомство не ограничилось этим. Оно стремилось разнообразить ассортимент бланков для открытых писем, использовать часть свободной площади их адресной стороны для своеобразного разговора с миллионами своих клиентов — отправителей и получателей. Так в 1924 г. родились почтово-рекламные, а в 1927 г. — почтово-агитационные открытки. Они сохранились в коллекциях и демонстрируются на филателистических выставках как интересные исторические документы, воскрешающие героические страницы истории нашей Родины — тех лет, когда советский народ успешно решил ленинский вопрос «Кто кого?», эпохи первых пятилеток...

Первые почтово-рекламные открытки были незатейливы. Информационный текст, «разгороженный» рамочками, располагался на адресной и оборотной сторонах поло-

сами чуть шире одного сантиметра. Слева на адресной стороне колонка текста достигала по ширине пять сантиметров. В отличие от традиционного красного цвета служебных текстов и изображений, информационный текст печатался синей краской. С целью привлечения покупателей рекламные открытки продавались на почте по 2 коп., т. е. ниже почтового тарифа и номинала марка, составлявших 3 коп. (илл. 19). Позже, в 1927 г., почтово-рекламные карточки печатались одной краской, информационный текст занимал более широкие полосы только на адресной стороне. Появились первые несложные рисунки.

Такие открытки продавались по 3 коп., т. е. в соответствии с почтовым тарифом.

Илл. 19

Илл. 20

Илл. 21

сам. Открытки расходились в огромном количестве. На илл. 20 мы воспроизводим типичную рекламную открытку того периода, посвященную пропаганде сберегательного дела. Ее тираж составил 1 млн экземпляров.

Начиная с 1929 г. устанавливался новый тип рекламы — агитационной открытки. Отказавшись от многословных текстов и рамок, Наркомпочтель пришел к лаконичной и выразительной форме рисунка, который занимал от трети до половины адресной стороны открытки (илл. 21). В рисунках и кратких текстах агитационных открыток раскрывалось содержание наиболее актуальных задач социалистического строительства, решаемых в тот период всем советским народом. Судя по каталогу Советской филателистической ассоциации, изданному в 1933 г., за неполные десять лет почтовое ведомство нашей страны выпустило в обращение рекламные и агитационные открытки 210 сюжетов.

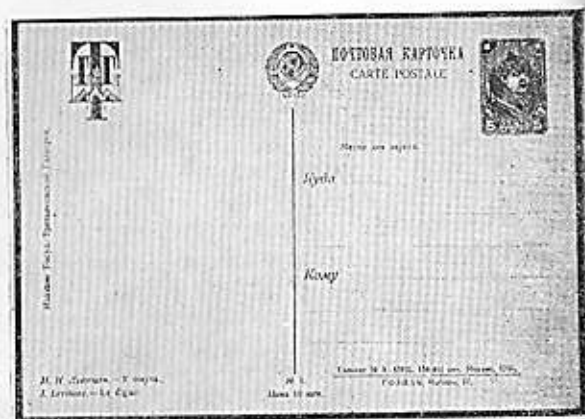
Вместе с излом ушли в прошлое и почтово-рекламные открытки. Агитационные сюжеты на маркированных почтовых карточках стали появляться не так уже часто. Они посвящались обычно революционным праздникам и годовщинам, очередным выборам депутатов в Верховный

Почтово-рекламные открытки хорошо выполняли свое назначение — информировать грамотное население страны о продукции, выпускаемой государственными и кооперативными предприятиями, издательствами и другими организациями. Эта пропаганда, противопоставленная рекламе продукции возрождавшегося частнокапиталистического сектора, пользовалась несомненным успе-

Совет СССР, освоению космоса и другим крупным событиям в жизни страны. Неизмеримо возросла их популярность. Тираж выпущенной в 1944 г. почтовой карточки с текстом гимна Советского Союза достиг 20 млн. экземпляров.

В 1929—1930 гг. Третьяковская галерея и Музей революции СССР положили начало изда-

Илл. 22

Илл. 23

лась по вертикали на две равные части. Левая, с изображением эмблемы музея, отводилась под письменное сообщение. Правая, с изображением герба, почтовой марки и двуязычной надписью «Почтовая карточка. — Carte postale», предназначалась для адреса (илл. 22).

С 1953 г. Министерство связи СССР начало массовый выпуск иллюстрированных маркированных почтовых карточек, главным образом, поздравительных и видовых. Эта продукция также широко известна коллекционерам.

В 1971 г. по просьбе Правления ВОФ Министерство связи СССР выпустило в порядке эксперимента почтовую карточку с односторонним расположением рисунка и марки. Необычность этого издания в том, что на нем напечатана оригинальная почтовая марка, заказанная специально для этой открытки. Отдельно такая марка в почтовое обра-

щению советских художественных маркированных открыток. Действуя от имени Наркомпочтеля, они выпустили по две серии почтовых карточек — всего около ста сюжетов, исполненных способом многоцветной автотипии. Изображение — репродукции произведений изобразительного искусства из фондов музеев-издателей — занимало всю оборотную сторону открытки. Ее лицевая сторона дели-

лась на поступала. Карточка с портретом Ю. А. Гагарина посвящалась 10-летию первого в мире полета человека в космос (табл. 23). Новшество понравилось филателистам, и в первую очередь, всем любителям почты и быстро разошлась. Многоцветные маркированные открытки с оригинальными марками стали все чаще выпускаться в обращение. В марте 1973 г. такая открытка была выпущена в честь юбилейной даты — 100-летия русской почтовой карточки (илл. 24).

Почтовая статистика содержит впечатляющие данные, свидетельствующие о постоянно растущей популярности открытых писем в нашей стране и росте их тиражей. В 1872 г. почтовое ведомство России продало всего 2,9 млн. открыток, в 1900 г. — 58,7 млн., в 1913 г. — 149,9 миллиона. В Советском Союзе за один только 1971 г. выпущено около 14 млрд. художественных маркированных почтовых карточек и 115 млн. стандартных. Средний тираж художественных почтовых карточек, издаваемых Министерством связи СССР, определяется цифрой 2,5 млн. экземпляров. Удельный вес почтовых карточек в общем выпуске маркированной продукции составляет в среднем 30 процентов.

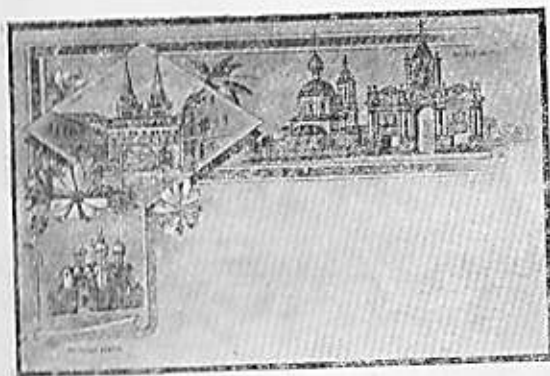
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ОТКРЫТКИ

ДО КОНЦА 1894 г. монопольное право изготовления бланков для открытых писем в России принадлежало почтовому ведомству. В циркуляре начальника Главного управления почт и телеграфов № 9711 от 14 марта 1886 г. говорилось: «Открытые письма допускаются к пересылке лишь на бланках, изготовляемых почтово-телеграфным ведомством, а посему такие письма на каких-либо других бланках не должны быть принимаемы на почту и вынутые из почтовых ящиков не подлежат отправлению».

Пересылка по почте открытых писем на бланках частного изготовления была разрешена распоряжением министра внутренних дел от 19 октября 1894 г. [9]. «Бланки открытых писем частного изготовления, — писалось в этом распоряжении, — по формату и плотности бумаги должны соответствовать бланкам, изготовляемым почтово-теле-

Илл. 24

Илл. 25

графным ведомством, и не превышать 14 см ($3\frac{1}{3}$ вершка) в длину и 9 см (2 вершка) в ширину. Бумага для бланков может быть употребляема только светлых цветов. Бланки открытых писем, предназначенные для внутренней корреспонденции, должны иметь на лицевой стороне заглавие «Открытое письмо»... Лицевая сторона бланка предназначается исключительно для знаков франкирования, указаний, касающихся почтовой службы (заказное, уведомление о вручении и пр.) и для адреса получателя. Почтовые марки должны быть наклеиваемы в одном из верхних углов лицевой стороны бланка. На бланках частного изготовления воспроизводится государственный герб и почтовые марки. Визитки и рекламы могут быть отпечатаны только на оборотной стороне бланка, причем печатание их во всем подчиняется правилам устава о цензуре и печати. С открытыми письмами на бланках частного изготовления, не удовлетворяющими в отношении размера, внешней формы и прочим условиям, требуемым настоящим постановлением, поступают как с «закрытыми письмами».

Под «открытыми письмами на бланках частного изготовления» подразумеваются иллюстрированные открытки, получившие уже довольно широкое распространение в странах Западной Европы. Они составляли значительную долю почтовой корреспонденции, получаемой в России из-за границы.

В 1895 г. иллюстрированные открытки появились и у нас. На илл. 25 мы воспроизводим одну из первых открыток из серии «Москва», выпущенной «Литографией высочайше утвержденного товарищества И. Н. Кушнарев и К^о». На ней дан монтаж графических изображений Успенского собора Московского Кремля, Иверских и Красных ворот в Москве. Монтаж напечатан одной краской (той серией) литографским способом. Вдоль левого обреза открытки надпись: «Дозволено цензурою. Москва, 18 ноября 1895 г.». Примерно треть площади под рисунками оставлена для письменного сообщения. На адресной стороне надписи: «Открытое письмо», «На этой стороне пишется только адрес», еще раз «Дозволено цензурою», шесть пунктирных линий и пунктирная же рамочка, указывающая место для наклейки марки. Все тексты и линейки на адресной стороне печатались красной краской.

Почти одновременно появилась многокрасочная открытка «Поклон из Киева», выпущенная местной типографией Петра Барского и про-

шедшая почту в 1896 г. На ее оборотной стороне однотипный монтаж рисунков, изображающих памятник князю Владимиру, собор Киево-Печерской лавры и цепной мост через Днепр. На адресной стороне обычные надписи, но на двух языках — русском и французском. Открытка с изображением герба и видов Харькова, погашенная почтовым штампом в 1898 г., издана фирмой Гранберг в Стокгольме.

Все первые русские иллюстрированные открытки, выпускавшиеся частными фирмами, по содержанию рисунков были видовыми. Кроме Москвы и Киева, они вскоре стали выходить в Петербурге, Риге, Одессе и других крупных городах страны.

Планомерный массовый выпуск иллюстрированных открыток начал Петербургский почечительный комитет о сестрах Красного Креста (община св. Евгении). Первой вышла серия, воспроизводившая акварели известного русского художника Н. Н. Каразина (1842—1908): «Паркер», «У часовни», «Весна», «Тройка летом».

О дате выпуска первых открыток Евгенинской общины имеются разноречивые сведения. В журнале «Открытое письмо» назван апрель 1896 г. [10]. В предисловии к каталогу открыток Евгенинской общины, изданном в 1915 г., указывается, что первая серия вышла из печати весной 1897 г. [11]. В более ранних изданиях этого каталога (1903, 1904 гг.) выпуск серии отнесен к 1898 г. [12]. На рисунках самих открыток отчетливо видна дата, написанная рукой художника: «98». К тому же первое объявление о выпуске серии открыток с рисунками Н. Н. Каразина было опубликовано в «Санкт-Петербургских ведомостях» 31 марта 1898 г. и в «Вестнике Российского общества Красного креста» 2 апреля 1898 г. Следовательно, вопреки давно сложившемуся мнению, следует считать, что первая серия открыток Евгенинской общины вышла не в 1897, а в 1898 г.

Серией Н. Каразина было положено начало большой издательской деятельности общины. За 20 лет ею было издано более 6400 наименований открыток, имевших порядковую нумерацию. Тематика открыток была самой разнообразной: видовые, репродукции произведений изобразительного искусства, архитектурные памятники, портреты исторических деятелей, писателей, художников, композиторов, артистов. Это было заслугой И. М. Степанова (1857—1941). Организовав художественное издательство Евгенинской общины, он сумел привлечь к работе в нем лучших художников, искусствоведов, знатоков старины.

По примеру Евгенинской общины многоцветные художественные открытки высокого качества с репродукцией произведений русских и зарубежных художников выпускали: в Петербурге Русский музей и издательства «Ришар», А. Маковского и А. Лажечникова, в Москве — И. Селина и И. Дацнано, в Киеве — «Рассвет», в Риге — «Ленц и Рудольф», в Нижнем Новгороде — В. Бреве, в Лодзи — А. Островского и некоторые другие. В дореволюционной России также широко распро-

Илл. 26

Илл. 27

странялись открытки зарубежных издательств: Лапина (Париж), Гранберга и Сванстрема (Стокгольм), TSN (Нюрнберг) и др.

К началу нашего столетия выпуск иллюстрированных открыток приобрел широкий размах. Пользуясь их популярностью у покупателей, открытки печатали все, кому не лень — от крупных типо-литографских фирм до владельцев писчебумажных магазинов и мелочных лавок. В этом стихийном «открыточном потоке» все чаще стали попадаться выпускаемые «анонимными издателями» сатирические открытки обличительного характера и даже революционного содержания, замаскированного по широко распространенному в ту эпоху «эзоповскому» способу. На адресной стороне этих открыток с особом

тщательностью воспроизведены все почтовые тексты, не забыта даже рамочка с надписью «Место для марки», но опущены лишь сакрентальные слова «Дозволено цензурою»... (илл. 26 — «Кровавое воскресенье»; илл. 27). Все это не могло не обеспокоить царскую цензуру. 1 апреля 1902 г. Главное управление по делам печати разослало в подведомственные учреждения циркуляр № 3037, в котором говорилось

«С 1901 года как в столицах, так и в провинции торговля всякого рода открытыми письмами приняла обширные размеры не только в торговых книжных, но и табачных, канцелярских принадлежностей галантерейных, аптекарских, мелочных и пр. Вследствие сего, принимая во внимание, что на основании ст. 2 Устава о цензуре и печати и примечания 1 к этой статье, рисунки, эстампы и всякого рода изображения с текстом и без оного, подлежат ведению цензуры. Министерством внутренних дел признано необходимым, чтобы продажа этих предметов бы-

ла допускаема, кроме лавок и магазинов, получивших в установленном порядке право на торговлю произведениями печати, лишь в тех торговых заведениях, которые на производство подобной торговли испросят, применительно к ст. 175 Устава о цензуре и печати, особое разрешение [13].

Первоначально письменное сообщение на иллюстрированных открытках писалось на стороне, заполненной рисунком; другая сторона предназначалась только для адреса. Циркуляром начальника Главного управления почт и телеграфов № 21 от 16 февраля 1904 г. [14] был установлен более рациональный порядок. Адресную сторону открытки представлялось разделить вертикальной линией на две части. Левая предназначалась для письменного сообщения, правая — для адреса, марки и почтовых отметок. Обратная сторона целиком отводилась под изображение. Этот циркуляр сыграл свою положительную роль — впервые создав возможность для издания многоцветных репродукционных художественных открыток.

7 сентября 1908 г. почтовое ведомство своим циркуляром № 66 воспроизведение надписи «Открытое письмо» на бланках открытых писем частного изготовления признало необязательным [15].

После Великого Октября одним из первых издателей иллюстрированных открыток выступила Секция изобразительных искусств Московского Совета. В 1918 г. она выпустила большую серию, состоявшую из открыток с лиричными открыток. На них были воспроизведены памятники и проекты памятников, созданных в соответствии с ленинским планом мемориальной пропаганды⁴. Меньше чем через год — летом 1919 г. — начал свою деятельность Литературно-издательский отдел Политического управления Реввоенсовета республики. За короткое время он выпустил более тридцати многоцветных агитационных открыток, нарисованных в большинстве видными советскими художниками⁵. В годы пятилетия завоевали широкую популярность художественные репродукционные открытки, издававшиеся Музеем революции, Третьяковской галереей, Русским музеем, Эрмитажем, а также Госиздатом, издательствами Ассоциацией художников революционной России (АХРР) и «Искусство», Советской филателистической ассоциацией и другими организациями.

Бурное развитие советская художественная открытка получила в послевоенные годы. Кроме центральных художественных издательств Москвы и Ленинграда, сейчас они выпускаются издательствами союзных республик. О небывалой популярности советских художественных, явочных и поздравительных открыток свидетельствуют внушительные цифры. Только в 1970 г. в нашей стране было выпущено 8378 наименований открыток общим тиражом 3,4 млрд. экземпляров. Общая стоимость их годового тиража составила 136,9 млн. руб. — около 70 процен-

⁴ Подробнее см. «Советский коллекционер», 1968, вып. 6, стр. 135—143.

⁵ Подробнее см. «Советский коллекционер», 1970, вып. 7, стр. 119—127.

тов стоимости всей печатной изобразительной продукции (плакаты, портреты, репродукции, эстампы), выпускаемые в стране. В среднем каждый советский человек покупает 14—15 иллюстрированных открыток в год!

Открытка нашей Родины вступила во второе столетие в зените своей популярности в народных массах. Она и дальше будет вносить свой вклад в важное дело воспитания трудящихся в духе советского патриотизма, гордости за социалистическую Родину, за великие свершения советского народа — строителя коммунизма.

ИСТОЧНИКИ

1. Центральный Государственный исторический архив СССР в Ленинграде (ЦГИА СССР). Фонд 1289, опись 1, ед. хр. 2992, лист. 9.
2. Там же, лист 2.
3. Собрание узаконений и распоряжений русского правительства за 1870 г., № 95, стр. 815.
4. ЦГИА СССР, Фонд 1289 оп. 1, ед. арх. 2992, л. 11 с оборотом.
5. Там же, лист 62.
6. Временные постановления по почтовой части с января 1872 г. Издание почтового департамента, СПб, 1871, стр. 6, 7.
7. Почтово-телеграфный журнал, 17 января 1909 г., № 3, Отдел официальный, стр. 27, 28.
8. «Ленин. Собрание фотографий и кинокадров». М., «Искусство», 1970. Т. 1, стр. 360.
9. Газета «Правительственный вестник», СПб, № 237 от 23/ХІ 1894 г.
10. Журнал «Открытое письмо», 1934, № 1, столб. 9.
11. Справочный указатель художественных изданий Петроградского попечительного комитета о сестрах Красного Креста. Изд. 6-е. Петроград, 1915, стр. IX.
12. Каталог «Открытые письма и другие художественные издания Красного Креста», изд. 2-е, СПб, 1903, стр. 24; изд. 3-е, СПб, 1904, стр. 37, 38.
13. Справочная книга о печати всей России. Составил Д. В. Вальденберг. СПб, 1911, ч. II, стр. 591, 592.
14. Почтово-телеграфный журнал, 28 февраля 1904 г., № 8, отдел официальный, стр. 137.
15. Почтово-телеграфный журнал, 13 сентября 1908 г., № 37, отдел официальный, стр. 506, 507.

Некоторые открытки, использованные для иллюстрирования настоящей статьи, были предоставлены автору московскими филателистами С. М. Блехманом, В. А. Пантюхиным и О. В. Фарафоновым.

И. ЛКОВС,

ведущий технических наук

ДВА ЮБИЛЕЯ

На истории отечественных специальных почтовых штемпелей

1972 г. дважды юбилейный для отечественных почтовых штемпелей.

Ровно 100 лет назад — в 1872 г. — появился первый русский специальный почтовый штемпель. Он был посвящен Политехнической выставке в Москве (на базе которой в том же году был основан Политехнический музей). На выставке, организованной Московским обществом друзей отечественных наук, антропологии и этнографии при Московском университете, открылось специальное почтовое отделение, которое и применяло особый штемпель. Изготавливался по образцу обычных календарных штемпелей того времени, он имел памятный текст: «Москва, почт. (овое) отд. (авские) политехн. (ической) выстав. (ки)». Хотя выставка открылась в мае 1872 г., появились первые оттиски штемпеля известной датой «12 августа 1872 г.». Они сделаны масляной черной и сине-зеленой краской (илл. 1).

Некоторые филателисты-исследователи и среди них ленинградец Я. Вовин считают первым русским специальным почтовым штемпелем штемпель ярмарки в Нижнем Новгороде¹ (ныне город Горький). Однако это не соответствует действительности. Как убедительно доказал москвич О. Фарафонов, временное почтово-телеграфное отделение, работавшее на Нижегородской ярмарке ежегодно, применяло обычные календарные штемпеля². Когда эта статья готовилась к печати, редколлегия сборника «Советский коллекционер» получила свидетельство очевидца, подтверждающее справедливость утверждения О. Фарафопова. Старейший работник отечественной почты Василий Иванович Туляков, ныне пенсионер, пишет: «Товарищ Вовин в журнале «Филателия СССР» описывает некоторые старые русские почтовые штемпеля и называет их «специальными». Я не согласен с ним. Штемпеля: Нижний Новгород ярмарка, Старая Русса курорт, Парголово, Серюводск и другие не относятся к спецштемпелям. Это были обычные почтовые календарные штемпеля, употреблявшиеся из года в год в течение длительного времени во временных почтовых отделениях. По прежней службе мне хорошо известны штемпеля знаменитой Нижегородской ярмарки. Они были обычными, календарными.

Илл. 1

Ярмарка официально открывалась 15 июля и продолжалась до 25 августа, а нередко и до 1 сентября. На ней действовало временное почтово-телеграфное отделение. Помещалось оно в главном доме выставки, на втором этаже. Обслуживали отделение работники почты, командированные со всех концов необъятной России (по 3—4 работника от каждого почтово-телеграфного округа). Штат работников отделения доходил

¹ Вовин Я. Специальные почтовые штемпеля России. — Журнал «Филателия СССР», 1969, № 8, стр. 8, 9.
² Фарафонов О. Поиск продолжается. — Журнал «Филателия СССР», 1969, № 12, стр. 9—11.

до сотни человек, что равнялось или даже превосходило численность работников Нижегородского почтамта того времени.

Отделение применяло несколько календарных штемпелей. Отличались они только литерами А, Б, В, Г, Д и друг., размещенными под датой. По этим литерам каждый штемпель закреплялся за определенным почтовым чиновником и применялся только им на его рабочем месте для простых писем, для заказных, для посылок, для переводов, для квитанций и приеме телеграмм. Причем, для переводов, посылок и заказных писем было несколько штемпелей, так как их прием производился в разных почтовых «окошках».

Все это я передаю достоверно, как очевидец, так как в 1916 г. я работал в Нижегородском армарзном почтово-телеграфном отделении, как командированный на время армарки от Тамбовского почтово-телеграфного округа».

Пожалуй, можно считать вопрос исчерпанным: документальное исследование подтверждено воспоминанием живого человека, который лично гасил марки на письмах календарным штемпелем Нижегородской армарки. Однако история русских специальных почтовых штемпелей в значительной части подобна белому пятну на карте. Практически за полвека, миновавшие после применения первого памятного штемпеля, нам известно всего несколько фактов подобных гашений и все они связаны с выставками.

После тяжелого поражения в войне 1870—1871 гг., постоянно ощущая угрозу возобновления агрессии со стороны милитаристской Германии, Франция настойчиво искала поддержки у России. Одним из проявлений франко-русского сближения стала французская выставка, открывшаяся в 1881 г. в Москве. По-видимому, ей придавалось большое значение — она была отмечена необычным для тех лет памятным гашением. На выставке применялся специальный почтовый штемпель в форме двойного круга с текстом «МОСКВА ПОЧТ. (ОВОЕ) ОТД. (ЕЛЕНЕ) НА ФРАНЦУЗСК. (ОЙ) ВЫСТАВКЕ», в центре — крестообразно расположенная дата «1881.5.VIII». Известен также памятный штемпель юбилейной выставки, посвященной 700-летию Риги в форме одинарного круга с текстом: «РИГА-ВЫСТАВКА» I ВР. (ЕМЕННОЕ) П. Т. (ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФИОЕ) ОТД. (ЕЛЕНЕ) I с датой «1901.10.VIII».

Эти факты сообщает Я. Вовин в цитированной выше статье. Его дополняет О. Форафонов, размышлявший еще три старых специальных штемпеля русской почты, применявшихся на областной южнорусской выставке в Екатеринославе (ныне Днепрпетровск) с 1 июля по 25 сентября 1910 г.; на фабрично-заводской, художественной и сельскохозяйственной выставке в Одессе с 15 мая по 10 октября 1910 г. и на Костромской губернской земской выставке с 19 мая по 1 сентября 1913 г. (илл. 2).

Илл. 2

И, наконец, счастливая находка известного московского филателиста-исследователя проф. К. А. Бернгарда, сделанная в марте 1972 г. — открытка с специальным почтовым штемпелем в форме двойного круга с текстом: «ОМСК. ВЫСТАВКА» и датой в середине: «11.VII.(19)11». Эта находка весьма многозначительна. Она определяет какое-то направление поисков. Интерес к специальным гашениям, возникший у советских филателистов, дает надежду на то, что история русского памятного почтового штемпеля найдет своего исследователя.

Второй юбилей 1972 г. — 50-летие первого советского специального почтового штемпеля. Он применялся всего один день — 19 августа 1922 г. — на Московском почтамте в честь «Дня филателии». По своему оформлению он мало от-

Илл. 3

личался от обычных календарных почтовых штемпелей. Однако в центре его вместо календарной была выгравирована памятная дата «19.VIII.22», а в нижней части — вместо обычного наименования предприятия — использованного штемпель, — текст: «ДЕНЬ ФИЛАТЕЛИИ».

Штемпель был изготовлен Наркомпочтотом по заказу Организации Уполномоченных филателии и боном при Центральной помощи голодающим в честь 10-летнего юбилея первого советского государства. В этот день в почтовое отделение поступили шесть марок известной филателии — «детям» (№№ 43—48) из выпуска ЦФА). Они продавались на Московском почтамте, только 19 августа и могли быть погашены только специальным штемпелем. Таким образом, этот памятный почтовый штемпель стал также и первым советским штемпелем первого дня.

История эволюции почтовой марки, вращением ее из обычной квитанции в материальную об оплате почтового отправления, в художественную миниатюру, в значительной мере определенное смысловое и эстетическое содержание, происхождение эволюции почтового штемпеля. На этом этапе чаще появляются специальные гашения, выпускаемые в память тех или иных событий и юбилейных дат. Выполняя определенную определенную служебно-почтовую функцию, такой штемпель становится важным историческим документом.

Специальные почтовые штемпеля выпускаются уже много лет, а их оттиски — специальные гашения — давно признаны полноценным коллекционным материалом. Однако в филателии до сих пор не сложилось четких определений, единой терминологии

и принципов классификации как самих специальных почтовых штемпелей, так и их оттисков. Попытаемся восполнить этот пробел, не претендуя, впрочем, на исчерпывающую точность и полноту формулировок. Будем все же надеяться, что эта попытка послужит основанием для окончательной выработки понятий, относящихся к сравнительно новой, но вполне определившейся отрасли филателии.

Специальными условиями называть такие штемпеля, выпущенные в обращение почтовыми предприятиями, которые по цели применения и внешнему виду (дополнительный текст, рисунок, оформление) отличаются от обычных календарных штемпелей, а применение которых при обработке почтовой корреспонденции регулируется «Почтовыми правилами СССР». Под специальным гашением мы будем понимать процесс и результат наложения специального штемпеля на оболочку почтового отправления или на знаки почтовой оплаты. В этом смысле определения «коллекционирование спецгашений» и «коллекционирование оттисков специальных почтовых штемпелей» понимаются как синонимы.

Предлагаемое определение, в отличие от проекта Я. Вовина³, носит общий характер. Оно исходит из самой природы, а не из частного случая данного явления. Определение же Я. Вовина скорее формулирует понятие «памятный», а не общее — «специальный» штемпель.

Аргументация по аналогии с почтовыми марками столь же безупречна, если исходить опять-таки из самого общего в понятиях, из природы явления. Стандартные марки и календарные штемпеля наделены всего лишь одной служебной функцией: первая предназначена для франкировки почтовых отправлений, второй — для гашения марок и контроля за сроками продвижения тех же отправлений. Иное дело почтовые марки специальных выпусков (не только памятные, юбилейные, но и все художественные, посвященные любой теме: искусству, этнографии, флоре, фауне и пр.) и специальные почтовые штемпеля. Они имеют ту же почтовую природу, но их служебная функция отодвигается на второй план. Цель их выпуска и применения носит

³ Вовин Я. Что такое специальный почтовый штемпель. — Журнал «Филателия СССР», 1968, № 1, стр. 9, 10.

ной — главным образом, пропагандистский — характер. При этом сроки их почтового обращения не играют никакой роли.

Промежуточное положение между стандартными календарными и специальными занимают машинные рекламно-информационные и агитационные почтовые штемпеля. Обычный оттиск валика штемпелевальной машины представляет собой сочетание календарного почтового штемпеля и волнистых линий для гашения марок. Для информационных целей изготавливались съемные металлические пластинки с нужным текстом, заменявшие пластинки с волнистыми линиями. В нашей стране рекламные-информационные почтовые штемпеля получили широкое распространение в 1920—1930-х гг. В их текстах нашли отражение многие актуальные задачи, встававшие перед советским народом в годы первых пятилеток, в эпоху индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. С конца 50-х гг. наша почта применяла машинные штемпеля с текстами, призывающими правильно адресовать почтовую корреспонденцию.

Классифицировать советские специальные почтовые штемпеля можно по таким, например, признакам:

I. По цели выпуска:

— юбилейные, которыми отмечаются юбилейные даты, — «100-летие со дня рождения В. И. Ленина», «800-летие Москвы», «10-летие первого в мире полета человека в космос» и т. д. Юбилейные штемпеля имеют ограниченный срок обращения, совпадающий с периодом празднования юбилея и применяются, как правило, в постоянно действующих учреждениях связи;

— памятные, которыми отмечаются различные знаменательные события в жизни страны, — «День космонавтики», «Успешный полет космической станции «Луна-16», «Праздник Севера» и т. п. Памятные штемпеля часто применяются в выездных отделениях связи, открываемых на различных съездах, конгрессах, спортивных соревнованиях, выставках, фестивалях и т. д. Примером могут служить штемпеля: «Всесоюзная филателистическая выставка «50 лет Октября», «Первенство мира по шахматам», «Международный конкурс имени П. И. Чайковского» и др.;

— памятно-сувенирные, которые применяются в качестве постоянных штемпеля

лей гашения отделениями связи, размещенными в памятных местах нашей Родины, — «Ленинский мемориальный комплекс в Ульяновске», «Брестская крепость-герой», «Пушкинский заповедник — село Михайловское» и др.;

— особых видов перевозки почты, которыми гасится корреспонденция, отправляемая с первыми или специальными рейсами, — «1-й рейс авиапочтовой линии Москва—Иркутск—Москва—1928 г.», «Специальный полет дирижабля «Цепелин» в Москву», «Первый рейс Москва—Женева», «Земля—Космос, Космос—Земля», «Открытие трансатлантической линии Ленинград—Монреаль на теплоходе «Александр Пушкин» и др. (илл. 4);

Илл. 4

первого дня, которые предназначаются для гашения почтовых марок в первый день выпуска в почтовое обращение. Характерным признаком такого штемпеля могут явиться «Первый день», обычно дублирующийся на двух языках — русском и французском. Регулярное применение постоянных штемпелей «первого дня» в нашей стране относится к концу 1968 г. Важнейшая особенность специального штемпеля «Первый день» состоит в том, что он может быть погашен только почтой первого дня, марки, которые выпущены в этот день в день применения данного штемпеля.

II. По времени применения:

— календарные. Такие штемпеля изготавливаются в определенном событиям и используются в течение строго ограниченного срока времени. К ним относятся все юбилейные штемпеля, а также большинство памятных, а также особых видов перевозки почты в первый день;

— памятно-сувенирные. Такие штемпеля применяются к событиям, которые могут повторяться, — «Неделя письма», «Фестиваль «Звезда ночи» в Ленинграде», «Международный праздник Севера» и т. д. Штемпеля многообразны и используются также обычно в течение ограниченного периода времени.

— постоянные. Как правило, к ним относятся памятно-сувенирные, а также памятные штемпеля для особых видов перевозки. Из довоенных выпусков к постоянным штемпелям «Воздушная почта Берлин» — им в течение 1941 г. гасилась почтовая корреспонденция, прибывавшая в Ленинград из Берлина, а также штемпеля «Новое в СССР» и «Новое в Ленинграде», использовавшиеся особым отделением связи, работавшим в 1939—1940 гг. в связи с изъятием Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

С момента применения постоянных почтовых штемпелей возобновилась в нашей стране и практика использования штемпелей «первого дня» в ознаменование успехов и достижений народного хозяйства в Москве. В 1960—1964 гг. постоянные памятные штемпеля находились в обращении также на территории нашей страны почте-автомате. С каждым

годом в почтовом обращении увеличивается количество постоянных спецштемпелей. Вот их примерный перечень:

С 1965 г. введены постоянные спецштемпеля: «Пушкинский заповедник» (село Михайловское, Псковской области); «Брестская крепость-герой» (Брест, узел связи); «Борнослабская ГЭС» (Мурманская область). С 1968 г. — «Родина-мать» — фрагмент памятника-ансамбля героям Сталинградской битвы (Волгоград, почтамт); «Музей детства А. М. Горького. Домик Каширина» (Горький, Д-1). С 1970 г. — «Факел» — фрагмент памятника-ансамбля героям Сталинградской битвы (Волгоград, Мамаев курган). С 1971 г. «Ленинский мемориал» (Ульяновск); «Дом-музей А. П. Чехова» (Ялта, узел связи); «Ласточкино гнездо» (Ялта, узел связи); Пионерская почта «Дорогой героев» (Пружаны, Брестской области). С 1972 г. «Алуштинский дворец-музей» (Алушка, отделение связи); «Одесса — город-герой» (Одесса, почтамт) (илл. 5).

Приведенный перечень нельзя считать исчерпывающим хотя бы потому, что пос-

Илл. 5

тоянно действующие календарные специальные почтовые штемпеля приобретают популярность и их количество постоянно возрастает. Отводя им в нашем проекте классификации рубрику «постоянные», мы создаем ее условность: пока трудно определить, как именно будет развиваться это новшество в практике почтового ведомства нашей страны.

III. По характеру обозначения календарной даты:

— с переводной календарной датой, в некоторых случаях даже с указанием часа гашения. К сожалению, в последнее время такие штемпеля изготавливаются все реже;

— с выгравированной однодневной календарной датой;

— с выгравированной многодневной календарной датой;

— штемпеля-суррогаты, на которых календарная дата вообще отсутствует. Следует отметить, что гашение «без времени» — явление удивительное, не отвечающее своему почтовому назначению.

IV. По характеру применения:

— штемпеля гашения. Как и стандартным, календарным штемпелем, ими гасятся знаки почтовой оплаты;

— сопроводительные штемпеля. Их оттиск делается на почтовых отправлении рядом со знаками почтовой оплаты. Примерами сопроводительных штемпелей могут служить: «Международная филателистическая выставка. VI-й фестиваль молодежи и студентов в Москве. Первый день работы выставки», «Юбилейная выставка — 100 лет русской почтовой марки в Ленинграде. День открытия» или «Первый воздушный полярный рейс 1932» (илл. 6).

Илл. 6

Последнее время сопроводительные специальные штемпеля не применяются.

V. Серии и разновидности.

Иногда специальное гашение, которым почта отмечает важное событие, произво-

дится одновременно в нескольких местах. В таких случаях выпускается в обращение серия специальных почтовых штемпелей. Обычно такие штемпеля имеют одинаковый рисунок и отличаются лишь текстом, указывающим место применения каждого. Примерами серий могут служить штемпеля, применявшиеся в день 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Эта серия включает 44 одинаковых штемпеля, отличающихся наименованиями городов, где они применялись. В серию могут объединяться специальные штемпеля, посвященные одному событию, имеющие общие элементы оформления, но отличающиеся по сюжетам своих рисунков. Примером такой серии служат три специальных почтовых штемпеля, выпущенных по поводу 125-летия со дня смерти А. С. Пушкина (1837—1962) (илл. 7). На первом штемпеле, посвященном на московском почтамте,

Илл. 7

изображение памятника поэту в Москве; на втором, изготовленном для ленинградского почтамта, — изображение памятника на месте дуэли; на третьем, — коп-

ию памятника в контуре связи города Пушкина, — изображение адмирала Ливадия в море. Все три штемпеля имеют одинаковый текст и общую композицию. В 1962 году Министерство связи СССР по специальному выпуску в обращение было выпущено 50-летие автономного почтамта в г. Ленинград. Эти штемпеля при этом же времени в разных городах выпускались.

В некоторых случаях условия предстоящих мероприятий делают необходимым выдать почтамтам совершенно одинаковых рисунком, но отличающиеся друг от друга текстом. Первые выпуски штемпелей имели служебную надпись: «Почта», или цифру, иногда даже «1962». Это практиковалось в некоторых штемпелях «VI Всемирный конгресс писем». В последующих выпусках служебная отметка исчезла. Однако штемпеля нельзя признать стандартными. Специальные штемпеля отличаются обычно способом выгравировки рисунка и текста (медной) заготовке. Такого различия по необходимости — отличия в рисунке, в размере шрифта, в наличии надписей и т. д. Такого различия, при взгляде на первый взгляд незаметного, можно назвать разновидностями по типам. Изучение разновидностей — интересная область исследования коллекционирования спе-

циальных штемпелей. Кроме различия по цвету, обычно используется черная мастика, а лишь на Международном почтамте в работе корреспонденции применяется специальная мастика красного цвета, чтобы подчеркнуть особый характер почтового гашения, некоторые предприятия используют штемпельную краску фиолетовую, синюю, зеленую и т. д. Иногда это оговаривалось специальным распоряжением Министерства связи СССР, например, применение мастики фиолетового цвета предприятиями связи городов и столиц союзных республик при гашении специальными штемпелями «50 лет Октября». Разнообразности штемпелей по цвету оттисков являются предметом коллекционирования специального характера, в том случае, когда эта разновидность

носит официальный характер, а не является продуктом местной самостоятельности.

Минуло полвека с памятного дня 19 августа 1922 г., когда на главном почтамте Москвы появился первый специальный почтовый штемпель РСФСР. Своим первым специальным гашением советская почта возвещала о рождении новой, советской филателии. К двум традиционным видам коллекционного материала филателии — к почтовым маркам и цельным вещам — прибавился третий — спецгашение. С тех пор в почтовом обращении побывало свыше трех тысяч специальных штемпелей, а оттиск первого из них приобрел общепризнанное значение филателистического паритета.

В первый период своей истории (1922—1956 гг.) советский специальный штемпель по своему оформлению мало чем отличался от обычных календарных почтовых штемпелей. Та же форма, тот же размер, и всего лишь несколько слов дополнительного текста. Специальные штемпеля того периода, отличавшиеся оригинальным рисунком, можно буквально перечислить по пальцам (илл. 8). Всего же за первые 35 лет на предприятиях связи нашей страны применялось около ста специальных штемпелей.

1957 г. оказался переломным. Последующий подъем филателистического движения в нашей стране, показателем которого служили многочисленные филателистические выставки, побудил почтовые предприятия к выпуску специальных почтовых штемпелей. И он сразу приобрел массовый характер. Щедрость почты казалась беспредельной. Около 100 специальных штемпелей появи-

Илл. 8

димостью в мерах, упорядочивающих их выпуск. Такой мерой был призван стать изданный в марте 1959 г. приказ министра связи СССР. Изготовление, рассылка и места, применение и последующее хранение специальных почтовых штемпелей эти приказом были возложены на Дирекцию по изданию и экспедированию знаков почтовой оплаты Министерства связи СССР. Сам же выпуск штемпелей строго ограничивался ежегодным планом министерства.

Эти же правила были подтверждены в новой инструкции «О порядке изготовления, применения и хранения почтовых штемпелей спецгашения», утвержденной Министерством связи СССР 7 июля 1972 г.

Слишком бурный, похожий на взрыв, расцвет специального почтового штемпеля имел свою теневую сторону. В среде филателистов быстро распространилась своеобразная «мода на спецгашения». Возникли по всей стране многочисленные местные общества, кружки и клубы коллекционеров, не удовлетворяясь официальными гашениями, организуемыми Министерством связи СССР, стали проводить свои так называемые «клубные гашения». Грамотные филателисты относились к числу «диких гашений». Их природа была раскрыта уже в первом выпуске сборника «Советский коллекционер». «Изготовление таких «клубных гашений», — говорилось в сборнике. — их авторы начинают рассылать их доверчивым советским и даже зарубежным филателистам. Не сколько подобных «штемпелей спецгашения» (в основном «космические») ввели в заблуждение редакции филателистических изданий социалистических стран и были опубликованы в них⁴. Против засорения коллекций подобными суррогатами выступило правление Московского городского общества коллекционеров. Оно решило допустить их на свои выставки, а также призвало все местные общества и кружки строго соблюдать существующие правила.

Одновременно правление МГОК обратилось к Министерству связи СССР с просьбой установить контроль за тем, чтобы местные почтовые учреждения не допускали использования календарных штемпелей и незаконных гашений.

Действенность мер, принятых филателистической общественностью против «диких гашений», оказалась весьма результативной. С прекращением спроса прекратился выпуск. Однако режидны «диких» гашений время от времени появляются до сих пор. Иногда они принимают форму всякого рода местных надпечаток на маркированных конвертах, выпускаемых Министерством связи СССР. Причиной их, на наш взгляд, служат отсутствие четко сформулированных филологических требований, которые следует предъявлять к конвертам со специальными как коллекционному материалу. Надо бы сформулировать основу таких требований.

Естественность почтового применения. В этом требовании мы понимаем, во-первых, почтовое происхождение применяемых для спецгашения материалов (штемпелей, конвертов, цельных вещей, т.е. в-вторых, их принадлежность к почтовой почте и, в-третьих, их совместимость по времени почтового обращения с применением специального штемпеля. Следовательно:

для коллекционного спецгашения не использовать либо специальные марки и конверты, выпущенные к тому же событию, что специальный штемпель, либо конверты и марки, которые тематически или сюжетно связаны со специальным штемпелем, а в случае отсутствия тех и других — стандартные марки и конверты.

Не рекомендуется заклеивать знак почтовой оплаты, запечатанный на маркированном конверте или открытке, другой штемпель. Это относится также и к гашениям специальным штемпелем «Первый день»;

нельзя использовать для советского гашения любые иностранные марки, маркирующие советские почтовые марки, выпущенные в обращении до 1961 г.) и выпущенные в обращении после применения специального штемпеля, так же как и ранее погашенные марки. Если коллекционеры характерно использование иностранных марок, а также изъятых из почтового обращения или гашеных отечественных марок, то организация, распространяющая готовые «спецгашения», не должна использовать конверты и марки, выпущенные значительно позже, чем применение специального штемпеля. Примеры: «40 лет ленинского плана ГОСПРО» (29 декабря 1960 г.), сделанное

на маркированных конвертах с изображением стандартных марок образца 1961 г. (конверт, распространявшийся Московским городским обществом коллекционеров). Конверт первого дня «Человек Страны Советов в космосе», на котором наклеена полная серия выпущенных по этому поводу марок, погашенная соответствующим специальным штемпелем 12 апреля 1961 г. Распространявшей этот конверт «Международной книге», по-видимому, было неизвестно, что спецштемпель применялся на московском почтамте 13 и 14 апреля, а последняя марка этой серии номиналом в 3 коп. поступила в обращение только 17 апреля. Конверт первого дня «Кижис», марки на котором погашены штемпелем первого дня с датой «28.12.68», распространявшийся Центральным филателистическим агентством «Союзпечать». На клапане второго выпуска этого конверта указана дата его издания — «1969»... К сожалению, перечень примеров можно продолжать и продолжать;

— номинал всех наклеенных на конверт марок в сумме должен соответствовать минимальному из действующих к моменту гашения тарифов на пересылку почтовых отправлений. Это правило иногда нарушается. В продаже встречаются конверты первого дня, выполненные с произвольной франкировкой их марками. Так, например, 8 мая 1970 г. серия «25-летие победы над фашистской Германией» наклеена на шесть конвертов в таком порядке: 1 коп., 2 коп., 3 коп., 4 коп., 10 коп. и 30 коп. (блок). Официальные конверты первого дня с такой фантастической франкировкой не могут быть признаны полноценным коллекционным материалом филателиста;

— нельзя на одном и том же почтовом отправлении ставить спецштемпеля, применявшиеся различными предприятиями связи (например, на одном конверте спецштемпеля «День космонавтики» (Москва-почтамт и Москва-Международный почтамт); спецштемпеля, применявшиеся на одном предприятии связи, но с разными датами (например, на одном конверте спецгашения «Неделя письма» с датами первого и последнего дня); спецштемпеля, применявшиеся на одном предприятии связи с одной датой, но посвященные различным событиям (например, спецгашения филателистических выставок «Советско-кубинская дружба» и «100-летие русской карточкой» из одном конверте или карточке).

⁴ «Против «диких» гашений», см. сб. «Советский коллекционер». Вып. 1, 1963, стр. 164.

2. Эстетика внешнего вида коллекционного спецгашения. Нельзя забывать, что спецгашение занимает свое место в коллекции или на выставочном листе рядом с почтовыми марками. Следовательно, по своему внешнему виду оно призвано украшать коллекцию, а не портить ее своей неряшливостью.

Все марки на конверте должны быть наклеены ровно и аккуратно таким образом, чтобы оставить место для написания адреса. Нельзя наклеивать марки одну на другую, заклеивать ими рисунок конверта или хотя бы часть его. В качестве наглядного примера того, как не следует оформлять спецгашения, укажем на конверты первого дня (КПД-69, №№ 4, 5 по каталогу ЦФА 1970 г.), на которых практически не осталось места для адреса, или на КПД-69 № 22, где блоком заклеена добрая треть рисунка на конверте.

Оттиски спецштемпелей должны быть сделаны четко и аккуратно, хорошо различимы, не быть грязными и жирными, не портить и закрывать рисунки марок и иллюстрации конвертов.

И, наконец, «извечный вопрос»: какими должны быть конверты коллекционных спецгашений — чистыми, без адреса, или прошедшими почту? Мне кажется, что на них распространяются те же рекомендации, что даются при коллекционировании почтовых марок: и те, и другие; и без адреса, и прошедшие почту. Каждый из них имеет свои преимущества и свои недостатки. Поэтому окончательное решение определяется вкусом коллекционера.

Как уже отмечалось, в нашей стране находилось в обращении свыше 3000 специальных штемпелей. Их тематика широка и разнообразна. Многие выдающиеся события истории Советского государства, достижения советского народа в строительстве коммунизма нашли в них документальное отражение.

Много специальных почтовых штемпелей было посвящено памяти основателя Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленина. Один из первых ленинских штемпелей применялся 22 апреля 1965 г. на почтамте города Ульяновска — родины Владимира Ильича. На Всесоюзной филателистической выставке «50 лет ВЛКСМ» 6 октября 1968 г. проводился День ленинской марки. Он был отмечен специальным художественным штемпелем.

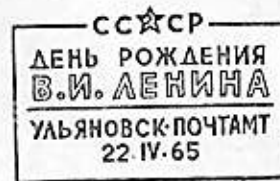
Штемпель с аналогичным текстом применялся 8 ноября 1969 г. на 1-й Всесоюзной юношеской филателистической выставке в Киеве. «По ленинским местам» — так назывался специальный штемпель первого дня, который применялся 18 апреля 1969 г. на почтамте Москвы в день выпуска одной из именной серии почтовых марок. На специальном штемпеле, применявшемся в Рижском почтамте 7 ноября 1964 г., изображен памятник В. И. Ленину в Риге. Особенно много специальных штемпелей находилось в обращении в ленинском юбилейном году. Начало было положено новым годовым спецгашением «С новым годом, 100-летие со дня рождения В. И. Ленина», которое проводилось в девяти памятных местах (Москве, Ленинграде, Ульяновске, Куйбышеве, Пскове, Шушенском, Разливе, Казани и Горках Ленинских). Обе серии почтовых марок, посвященные 100-летию В. И. Ленина, в день выпуска почтового обращения гасились специальными штемпелями «Первый день». 22 апреля 1970 г. Министерство связи СССР организовало гашение почтовой корреспонденции юбилейными штемпелями на предприятиях связи 44 городов нашей страны. Специальные гашения были организованы на Всесоюзной в Москве и республиканских в Киеве, Минске, Риге, Таллине и Баку филателистических выставках «100 лет со дня рождения В. И. Ленина». Всего же памяти Ленина посвящено свыше ста специальных почтовых штемпелей.

5 мая 1968 г. на почтамтах Москвы, Ленинграда и Пензы — в день 150-летия со дня рождения К. Маркса и 28 ноября 1970 г. на почтамте Москвы — в день 100-летия со дня рождения Ф. Энгельса применялись памятные штемпеля.

Впервые специальными штемпелями гасилась почтовая корреспонденция делегатов XVII и XVIII съездов ВКП(б). Теперь специальные гашения встречаются довольно редко. Начиная с XX съезда КПСС, специальные почтовые штемпеля применяются в дни работы всех съездов Коммунистической партии в отделениях почтовых штемпелей в разные годы были отмечены съезды компартий Украины, Белоруссии, Абхазии, Байджана, Киргизии.

Ежегодно юбилейными штемпелями отмечаются годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Впервые такой штемпель применялся в Москве

1957 г. в дни празднования 40-летия Великого Октября. Начиная с 1961 г. это гашение становится традиционным и проводится

Илл. 10

в 300 специальных штемпелях. Ими зафиксированы все этапы развития космических исследований: успешные запуски искусственных спутников Земли, полеты советских космонавтов, изучение Луны и планет солнечной системы. Первое «космическое» гашение состоялось 21 марта 1958 г. на почтамте Москвы. Им отмечено 2000 оборотов вокруг Земли, совершенных вторым советским искусственным спутником. Затем были отмечены 3000 (19 декабря 1958 г.), 5000 (8 мая 1959 г.) и 10 000 оборотов (4 апреля 1960 г.), а также последний оборот (6 апреля 1960 г.), совершенный третьим советским искусственным спутником Земли. Специальные гашения были посвящены 2-, 5- и 10-летию со дня запуска первого в мире советского искусственного спутника Земли.

8—9 января 1959 г. в Москве, на почтамте и в отделении связи К-9, применялись специальные почтовые штемпеля с текстом: «Первая искусственная планета солнечной системы». На их рисунке дана схема полета автоматической станции «Луна-1». Специальными штемпелями зафиксированы: первое приращение советской космической ракеты «Луна-2», первое фотографирование обратной стороны Луны автоматической станцией «Луна-3», мягкая посадка на Луне автоматической станции «Луна-9», полет станции «Луна-10», ставшей первым спутником Луны. На специальных штемпелях мы можем увидеть и схему полета космической станции «Луна-16», впервые в мире совершившей посадку на Луне и возвратившейся обратно на Землю, а также изображение Лунохода-1 — первого автоматического аппарата, передвигавшегося по поверхности Луны. Специальный штемпель был выпущен в память полета автоматической межпланетной станции «Венера-4».

Первый в мире полет человека в космос открыл новую страницу в истории космических исследований и в истории «космических» штемпелей. 12 апреля 1961 г. совершил свой исторический полет Ю. Гагарин, и уже в тот же день его полет был отмечен специальным почтовым штемпелем на Киевском почтамте. На следующий день штемпеля с памятным текстом «Человек Страны Советов в космосе» начали применяться и в Москве — на почтамте и в отделении связи К-9. Советская почта отметила специальными гашениями полеты всех космических кораблей серий «Восток» и «Восход», многие полеты космических кораблей «Союз».

Рассказывая о «космических» гашениях, нельзя не вспомнить о специальном календарном штемпеле с текстом «Земля — Космос, Космос — Земля». Он применялся в январе 1959 г. на космодроме Байконур, и им была погашена первая в мире космическая почта, доставленная на «Союз-4», с помощью космического корабля «Союз-5» (илл. 11).

Традиционным стало и памятное гашение в День космонавтики. Оно проводится в нашей стране регулярно уже десять лет. 12 апреля 1971 г. в день 10-летия полета Ю. Гагарина проводилось специальное гашение. Много «космических» штемпелей применялось на родине К. Э. Циолковского в Калуге.

Илл. 11

Регулярно изготавливаются специальные почтовые штемпеля, предназначенные для использования во временных или выездных почтовых отделениях, которые открываются

ся на различных съездах, конгрессах, конференциях, выставках, проходящих в Москве и других городах нашей страны. Как уже отмечалось, традиция временных почтовых отделений, расчленивших собственными штемпелями, сложилась в практике старой русской почты. Она возродилась полвека спустя, уже в советское время.

По инициативе В. И. Ленина 19 августа 1923 г. в Москве, на территории современного Парка культуры и отдыха им. М. Горького, открылась Первая Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка. «Придаю очень большое значение выставке, — писал В. И. Ленин, — уверен, что все организаторы окажут ей полное содействие. От души желаю наилучшего успеха»⁵. Так и началось. Эта выставка, ставшая средством массовой пропаганды ленинского колхозного плана, пользовалась огромной популярностью. Ее посетило около 14 млн экскурсантов.

В открытию выставки была выпущена специальная серия почтовых марок в вариантах — с зубцами и без зубцов (илл. 9). Наркомпочтелъ открыл на выставке временные почтово-телеграфные отделения и организовал специальное гашение. Это было второе советское памятно-гашение.

Существовали два типа специальных штемпелей, применявшихся на Первой Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке.

Тип I — стандартного образца, круглый, отличавшийся от обычного календарного штемпелем «МОСКВА П. Т. О. (почтово-телеграфное отделение) ВЫСТАВКА». В нем меняемая дата и номер: «№ 2», «21 VIII 1923», а в № 4 — «9 10 23».

Тип II — без номера, с иной надписью: «МОСКВА 1-Я ВСЕСОЮЗ. СЕЛЬ.ХОЗ. ВЫСТАВКА» (илл. 12).

В это время Первой Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки временные почтовые отделения применяющие специальные штемпеля, начали входить в практику советской почты. Это обычно организуется таким способом: объявлять памятных гашений в год

⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., 5-е изд., т. 45, стр. 298.

Илл. 12

Специальные гашения посвящаются многим событиям культурной жизни страны. Они были организованы, например, на всех Московских международных кинофестивалях, на всех фестивалях искусств, проводившихся в Ленинграде, Ташкенте и других городах страны. Памятными гашениями отмечены юбилейные даты выдающихся деятелей литературы и искусства — Л. Бетховена и П. Чайковского, В. Комиссаржевской и К. Станиславского, И. Репина и Т. Шевченко, Ф. Достоевского и М. Горького, Я. Райниса, Т. Сатылганова, А. Кузнецова и многих других (илл. 13).

Часто специальные штемпеля посвящаются различным спортивным соревнованиям

Илл. 13

иниям. История советских «спортивных» штемпелей начинается с календарного штемпеля с надписью «СПАРТАКИАДА» (илл. 14). Он был выпущен в обращение в августе 1928 г. в честь первых крупных

Илл. 14

состязаний по различным видам спорта, проведенным в СССР в память Спартаки — руководителя восстания рабов в Древнем Риме. Именно отсюда пошло,

получившее широкое применение, само слово «Спартакиада». Мы можем поздравить филателистов, в коллекциях которых сохранилось это памятное гашение: как и всякое первое, оно уникально. Ведь с тех пор в обращении находилось несколько сотен специальных штемпелей, посвященных достижениям советского спорта. Только за последние три года увидело свет свыше 50 штемпелей на спортивные темы. Ими отмечено участие советских спортсменов в летних и зимних Олимпийских играх, чемпионатах мира и Европы, крупных международных соревнованиях. Начиная с Международного шахматного турнира 1936 г. в Москве, специальные почтовые гашения практически состоялись на всех крупных шахматных соревнованиях и на всех первенствах мира по шахматам, проводившихся в нашей стране.

«Почта отмечает юбилей городов» — так называется тема, которая начинает привлекать внимание многих коллекционеров. Впервые специальным штемпелем отмечено 800-летие Москвы в 1947 г., затем только через десять лет — 250-летие со дня основания Ленинграда.

Илл. 15

Илл. 16

Температура нечитывается уже около ста специальных штемпелей, посвященных большим и малым, старым и молодым городам, городам, чья слава и доблесть в труде и боях посвящена нашей Родине (илл. 15).

Почта много делает для пропаганды филателии. Специальное гашение проводится на каждой всесоюзной, союзной или международной филателистической выставке. Специальными штемпелями отмечались систематически проводившиеся в нашей стране Дни филателии (илл. 16).

Коллекционирование конвертов специальных гашений — конвертов, марки на ко-

торых погашены специальными штемпелями, получило широкое распространение, признано в качестве одной из разновидностей филателии. Конверты спецгашений стали необходимым материалом филателистических коллекций как генеральных, так и тематических и мотивных.

Полувек история советских специальных почтовых штемпелей показывает, что коллекционирование специальных гашений — увлекательная область филателии, в которой много интересного и полезного.

НОВОЕ О ЗЕМСКОЙ ПОЧТЕ И ЕЕ МАРКАХ

ЗЕМСКАЯ ПОЧТА В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ¹

Земская почта Оханского уезда

ПЕРВОЕ ЗЕМСКОЕ СОБРАНИЕ Оханского уезда состоялось в 1870 г. Оно постановило: для доставки казенной и частной корреспонденции в пределах уезда учредить земскую сельскую почту. Одновременно был утвержден кольцевой маршрут почтарей, обязанных два раза в неделю объезжать все волостные правления. Принятые почтовые Правила предлагали «взимать с частной корреспонденции по 3 коп. за письмо»².

21 сентября 1871 г. уездная управа докладывала очередному земскому собранию, что почта была открыта «с 1 января настоящего года... учреждение ее отозвалось весьма благотворительно вообще на течение дел... С 1 января по 1 сентября пришло с земской почтой частных писем и объявлений 2841, частных газет и журналов 65 наименований, казенных 4 наименования, казенных пакетов 26.128. За пересылку частной корреспонденции через земскую почту взималось земской управою по 3 коп. с письма, собрано же всего по 1 сентября — 107 руб. 66 коп.» (Журнал земского собрания от 21 и 27 сентября 1871 г.).

Сбор «по 3 коп.» за частную корреспонденцию осуществлялся при помощи земских почтовых марок. В отчете земской управы за 1873 г. говорится: с 1 января по 25 октября было «употреблено почтовых земских марок на сумму 44 руб. 4 копейки, остается налицо на сумму 84 руб. 78 коп.».

На первых почтовых марках Оханского земства воспроизведен герб уезда «в голубом поле серебряные рыболовные сети, морюхи и саки, означающие, что жители сего города имели рыбный промысел».

В 1875 г. комиссия, назначенная земным собранием для выработки предложений по работе земской почты, рекомендовала управе обязать волостные правления всегда иметь «в запасе земские почтовые марки, покупая их из управы, и затем при получении от кого бы то ни было корреспонденции,

следующей в уезд для отправки по земской почте, наклеивать марки на конверты, сами имея расчет за них непосредственно с подавателями корреспонденции, не возлагая управу ни в какие расчеты (Доклад комиссии, сентябрь 1875 г.). 11 октября земное собрание обязало управу принимать частную корреспонденцию из волостей на иначе, как с наклеенными марками, «подобно тому, как это делается по почтовому ведомству».

Введенный порядок просуществовал до 1880 г., когда земское собрание постановило «уничтожить 3 коп. сбор с простых писем (подчеркнуто мною — Ю. Р.) по причине его незначительности и мелочного счетоводства по этому делу, а также вследствие затруднений получателей писем из бедных людей, часто не имеющих у себя 3 копейки». Это постановление не распространялось на частные денежные письма, посылки и периодические издания, сбор с которых был сохранен и введена отправлениями малочисленными: «с денежных писем страховых 1 коп. с писем и 3 коп. в виде весовых... с посылок за 1 фунт — взимать 5 коп., а также — в приплатой за каждый фунт — 2 коп.» (Журнал земского собрания от 18 октября 1880 г.). В отчете управы за 1887 г. есть интересная строка: «Выручка от продажи вышедших из употребления земских марок — 1 руб. 21 коп.».

Таким образом Оханская земская почта обходилась без марок в течение десяти лет, и только в 1890 г. земское собрание решило вернуться к маркам и установить с будущего января плату за почтовые отправления по земской почте в следующих размерах: простые письма обложены 2-копеечным, а заказные 10-копеечным оборотом» (Журнал земского собрания от 27 октября 1890 г.). Исполняя это решение, «уездная управа в ноябре месяце 1890 года заготовила для оплаты простой и заказной корреспонденции земские марки. Для простой 2, а для заказной 10-копеечного достоинства», а также «каучуковые штампы и печати для гашения марок» (Доклад управы от 27 октября 1890 г.). В отчете управы за 1891 г. указан расход «на заготовку каучуковых штампов и вырезку печати для гашения марок — 18 руб. 44 коп.».

На введенных с января 1891 г. почтовых марках Оханского земства воспроизведен полный герб уезда: на геральдическом щите, увенчанном короной, сверху — герб Пермской губернии, внизу — эмблема уезда (рыболовные снасти). Гашение марок производилось пером, круглой печатью с надписью «Оханская земская почта» и ovalным штампом с надписью «Оханская уездная земская почта» и датой.

Установленный размер почтового сбора с частной корреспонденции просуществовал недолго. Уже через 10 месяцев, 29 октября 1891 г., земное собрание решило «плату за заказные письма, идущие из уезда, взимать в размере 5 коп., а заказные и простые письма, получаемые с государственной почты, пересылать в уезде бесплатно». 10-копеечные марки были изъяты из обращения.

¹ Окончание. Начало см. в сборнике «Советский коллекционер», № 9 на стр. 87—105.
² Здесь и далее выделено мною. — Ю. Р.

личества земских почтовых марок. Так, в «Отчете о суммах состоящих в заведывании Пермской уездной земской управы за 1873 год», в графе «случайные доходы», указано: «за отправлением частной корреспонденции по земской почте и за марок 49 руб. 87 1/2 коп.». Это оказались деньги, вырученные волостными правлениями в 1872 г. и перечисленные уездной управе после января 1873 г.

Далее, в отчете «О суммах состоящих в заведывании Пермской уездной управы с 1 января 1875 г. по 1 января 1876 года» приводится сумма в 7 руб., вырученная «от продажи почтовых земских марок», а в 1878 г., в отчете «Пермской уездной земской управы о приходе и расходе уездного земского сбора», снова указано: «выручено от продажи почтовых земских марок — 7 руб.». Здесь имеется в виду продажа марок коллекционерам.

После отмены платы за доставку частной корреспонденции ее количество росло с каждым годом. Пересылка газет и журналов, например, за 5 лет увеличилась почти вдвое. Если с 1.IX 1875 г. по 1.IX 1876 г. их было переслано 25 663 экз. (Доклад управы от 18 октября 1876 г.), то с 1.I по 1.IX 1878 г. уже 36 636 экз. (Доклад управы от 12 октября 1878 г.), а с 1.IX 1879 г. по 1.IX 1880 г. — 52 279 (Доклад управы от 15 октября 1880 г.).

3 октября 1881 г. земское собрание утвердило новые почтовые Правила, согласно которым «полученная волостными правлениями корреспонденция должна выдаваться получателям немедленно без требования какой-либо платы, причем корреспонденция денежная и посылки выдаются не иначе, как с расписками в книгах». Новые Правила были введены в действие с 1 января 1882 г.

Бесплатная доставка корреспонденции по земской почте Пермского уезда продолжалась 16 лет, до 1889 г., хотя попытки восстановить оплату предпринимались уездной управой неоднократно.

5 октября 1883 г. Пермская управа заявила, что «находит необходимым учредить страховой процентный сбор с частной денежной корреспонденции». Однако земское собрание отвергло это предложение, отметив, что «Пермское земство в 1872 г. уже ввело плату за пересылку по земской почте корреспонденции, но собрание на следующий же год плату отменило».

Как видно из земских документов, датированных 1884—1887 гг., земская почта регулярно, один-два раза в неделю, отправлялась в уезд и следовала по Казанскому, Сибирскому, Чусовскому, Висерскому, Сергинскому, Ильинскому и Солянскому трактам. Количество доставляемой по ней корреспонденции продолжало увеличиваться, и, как отмечала уездная управа в докладе за 1884 г., «периодические издания по численности своей занимают первое место в ряду всего отправленного по земской почте». Значительно возросла пересылка посылок, «требующих от земства все больших и больших расходов. Особенно дорого обходится доставка посылок, часто довольно тяжелых; правило, воспрепятствующее прикипать для пересылки посылки не тяжелее 20 фунтов, на практике трудно удобоисполнимо» (Доклад управы от 29 октября 1888 г.).

Этим обстоятельством и воспользовалась управа, снова предложив «в виде опыта ввести оплату денежной корреспонденции и посылок». Судя по записке в журнале земского собрания от 29 октября 1888 г., по докладу управы было принято решение: «на первый раз установить плату за пересылку денежной корреспонденции, начиная с трех рублей и выше, и посылку всякого веса, взимая по одной копейке с рубля и фунта, предоставив управе самой разработку нового порядка». Из доклада управы в 1889 г. видно, что «таковой сбор и введен с 1 января 1889 года» и что это вызвало значительное уменьшение частных отправок по земской почте. В конце того же года уездное земское собрание решило управе «изменить пересылочный сбор с денежной корреспонденции, уменьшив до 1/2 коп.» (Запись в журнале уездного земского собрания от 12 октября 1889 г.). Несмотря на введение платы за пересылку частной корреспонденции применение земских почтовых марок не было восстановлено — почтовый сбор вносился наличными.

В 1891 г. Пермская уездная управа возбудила вопрос об оплате заказной корреспонденции. «Для большого удобства контроля, поступающего за такие письма почтового сбора, говорилось в этом ходатайстве, было бы целесообразно ввести для таких писем известный род марок, которые и должны быть каждый раз обязательно наклеиваемы на земское заказное письмо (Доклад управы от 27 октября 1891 г.). Земское собрание «с этим мнением согласилось» (Записки в журнале уездного земского собрания от 31 октября 1891 г.).

В следующем году управа доложила: «С 1 января текущего 1892 года по земской почте Пермского уезда... введена пересылка местных заказных писем с оплатой по 5 коп. за письмо; причем на каждое такое письмо наклеивался особого образца земские почтовые марки (Доклад управы от 20 октября 1892 г.).

В материалах под редакцией Ф. Чучина имеется примечание: «Почта закрылась в 1891 г. и вновь восстановлена в 1892 г.» (стр. 156). Земские документы утверждают, что почта Пермского уезда продолжала функционировать, но пересылка корреспонденции с 1 января 1873 г. велась бесплатно. В действительности земские марки в уезде стали применяться только с 1 января 1892 г.

В отчете управы об исполнении сметы расходов за 1891 г. указаны суммы, израсходованные на приобретение земских почтовых марок, двух стальных печатей и двух напочтовых штемпелей.

Назначение почтовых марок, вынужденных в обращение Пермским уездным земством в 1892 г., подчеркивалось надписью «Заказное письмо», расположенной в нижней части рисунка. Это были первые марки, на которых изображен в красной поле серебряный герб: медведь с евангелием на спине в золотом окладе и над ним серебряный крест. В течение 1892—1896 гг. марки этого выпуска издавались не менее 4 раз.

В 1896 г. земское собрание решило снизить плату за пересылку заказных писем до 2 коп. за письмо вместо ранее бывших 5 коп. (Запись в журнале уездного собрания от 5 октября 1896 г.). В отчете за 1896 г. значится: «израсходовано... на изготовление почтовых марок и другие расходы — 179 руб. 25 коп.».

Новый почтовый тариф на заказные письма, введенный в 1897 г., оставался неизменным, по крайней мере, до 1916 г.

Земские почтовые марки нового 2-копеечного номинала отличаются от прежних выпусков оригинальным рисунком. В центре марки — П-образная фигура с надписью «Земской почты заказное письмо». Над фигурой — номинал прописью «два копейки», под ней слова — «Пермского уезда», в центре — герб города Перми. Первое издание марок нового образца осуществлено в 1897 г. Второе издание было сделано в 1902 г. Впоследствии запас марок обновлялся каждые 2—3 года. В отчете земской управы за 1902 г. значится: «на отпечатание почтовых марок

20.000 штук — 30 рублей», затем, судя по тем же отчетам, марки заказывались в 1905 и 1907 гг. В отчете управы за 1909 г. говорится: «За отпечатание почтовых марок 25.000 штук — 50 руб. Какого расхода в 1908 г. не производилось, так как марки ввиду удешевления их стоимости печатаются раз в два года». В 1910 г. изготовлен новый тираж — 29 тыс., а в 1912 г. — еще 42 тыс. почтовых марок (Отчеты управы за 1910 и 1912 гг.).

В 1900 г. вступил в силу почтовый закон от 24 января. Он обязывал почтовое ведомство открывать в волостных центрах и на станциях железных дорог «почтовые пункты», имеющие право принимать и выдавать простую и заказную корреспонденцию, продавать знаки почтовой оплаты, в общем, производить только простейшие почтовые операции. Повышение активности государственной почты заметно сказалось и в Пермском уезде. «С 1 января 1903 года в Добрянском заводе и селе Ильинском, и с 5-го ноября в Лысьвинском заводе» открылись государственные почтовые отделения. «Почтовым уездной земской управы от 24 сентября 1904 г. «Почтовым ведомством открыто с 16 января 1912 г. производство почтовых операций по закону 24 января при Сенькинском волостных отделениях».

Таким образом, в Пермском уезде в 1912 году почтовым ведомством открыто вновь одно почтово-телеграфное отделение и в пяти пунктах производство почтовых операций по закону 24 января 1900 г.» (Доклад уездной управы от 6 января 1912 г.).

Земство активно помогало государственной почте, принимая на себя часть расходов по открытию и содержанию ее новых почтовых отделений. Например, в 1911 г. Пермское уездное земское собрание, ходатайствуя перед почтово-телеграфным ведомством «об открытии почтово-телеграфного отделения в селе Сергах», обязалось организовать за свой счет «перевозку почты от станции Сытва Пермской железной дороги до Села Сергов на паре лошадей один раз в неделю» (Запись в журнале земского собрания от 3 октября 1911 г.).

Охотно передавая государственной почте доставку почты на заводы и в крупные села, Пермское уездное земство продолжало развивать свою почту, охватывая новыми маршрутами удаленные от волостных правлений земские училища и фольклорские пункты. Штат земской почты к 1913 г. увеличился до 12 человек. Он состоял из заведующего почтой, трех его помощников, писца, двух рассыльных и пяти почтарей. Кроме этого, в Янгчевском, Филатовском, Добрянно-Заводском, Ильинском, Чусовском и Сергеевском волостных правлениях имелись так называемые «почтоприемники», в обязанности которых входила передача корреспонденции для смежных волостей, расположенных в стороне от почтовых трактов».

17 ноября 1916 г. земское собрание утвердило «распоряжение управы о доставке в течение одного года казенной государственной почты от станции Вальки в течение одного года казенной государственной почты от станции Вальки до В.Чусовских Городков, от станции Кукуштан до Курашима и от Перми до Култаева». Одновременно управа сообщала земскому собранию: «До 1 января 1916 г. в Пермском уезде функционировало 10 учреждений почтово-телеграфного ведомства» на заводах, а кроме того, «производится прием и выдача всякого рода корреспонденции на 12 железнодорожных станциях... Несмотря на расширение сети учреждений почтового ведомства, количество пересылаемой на земской почте корреспонденции в общем не уменьшается, а наоборот, увеличивается». Справедливость этого утверждения подтвердилась тем, что в Пермском уезде земская почта продолжала функционировать после того, как было ликвидировано само земство, — в первые годы Советской власти.

Земская почта Соликамского уезда

29 сентября 1870 г. земское собрание Соликамского уезда постановило: «На 1870—1871 гг. оставить земскую почту (при полицейском управлении) на прежнем основании с тем изменением, чтобы для земских почтарей было обязательно принимать и сдавать в волостные правления, кроме казенных и земских пакетов, простые частные письма». За доставку частной корреспонденции платы установлено не было.

16 лет спустя Соликамская управа представила земскому собранию проект новых почтовых Правил, которыми предусматривалась оплата частной корреспонденции 3-копеечными земскими марками. Специальная комиссия, рассмотрев проект, сочла 3-копеечную плату обременительной для клиентов земской почты и предложила снизить ее до 2 копеек. Введение марок комиссия признала возможным при условии такого ограничения: «с простых писем, если бы кто пожелал, взыскивать стоимость 2-копеечной марки с обязательством таковые письма записывать в особые книги, поручив управе ныне же заказать и отпечатать до ста тысяч марок 2-копеечного достоинства с надписью «Почтовая марка Соликамского земства» (Доклад комиссии от 22 октября 1886 г., утвержденный земским собранием).

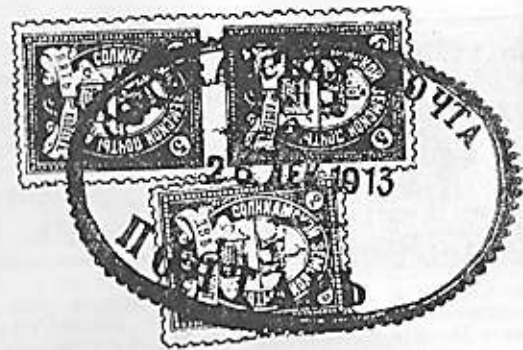
Следовательно, обязательная оплата марками простой корреспонденции частных лиц отнюдь не вводилась. По желанию отправителей, устанавливалась регистрация их писем, гарантирующая доставку. Лишь такие отправления оплачивались 2-копеечной земской маркой.

Отчитываясь о своей работе за 1897 г., управа доложила, что «взыскания, по желанию отправителей, с простых писем 2-х копейной марки управою введены с начала настоящего года. Почтовых земских марок отпечатано на первый раз 10.224 штуки на сумму 204 руб. 48 коп. Разослали их по 1 сентября сего года для распродажи: в волостные правления 3947 штук и корреспондентам 3948 штук, всего 7445 штук. По собранным ныне сведениям действительный расход марок за 8-месячный период времени выразился всего в 4300 штук» (Доклад управы от 5 октября 1897 г.).

Операции Соликамской уездной земской почты ярко свидетельствуют об огромной потребности населения в почтовой связи. Прежде всего, она приняла на себя стремительно возрастающее количество «денежных пакетов» — того, что теперь называется «переводами по почте». 7 октября 1888 г. управа сообщала земскому собранию такие многозначительные данные: в 1872 г. земская почта доставила 884 денежных пакета на общую сумму 21 133 руб., в 1883 г. — 5114 пакетов на сумму 117 569 руб., а в 1888 г. — 8578 пакетов на сумму 200 265 рублей. Количество пакетов возросло в десять раз, а средняя пересылаемая сумма практически осталась неизменной — около 24 рублей. Становится ясно, кто пользовался услугами земской почты: крестьяне, искавшие заработка на заводах, переводили деньги своим семьям.

Еще более весомым свидетельством массовости Соликамской земской почты служат данные о количестве доставляемых ею простых писем. Как будет видно из дальнейшего, расход земских марок, употреблявшихся на франкировку таких пи-

*) «Корреспондентами» назывались лица, принимавшие от земских почтарей корреспонденцию и доставлявшие ее адресатам, проживающим в волости. Они же собирали отправления частных лиц для сдачи на земскую почту.

Чердынская
Земская почта
№ 1

ЛАНТЕГ. К О С А.

в 4 коп.—11.500 шт., в 5 коп.—19.000 шт., всего 103.100 шт., уплачено 96 руб. 05 коп. и за пересылку 1 руб. 85 коп.»

Начиная с 1906 г. земские эмиссии Соликамской почты осуществлялись ежегодно. С 1909 г. заказы на изготовление марок всех номиналов были снова переданы московской типографии Кушнерова.

С 3 июля 1907 г. по ходатайству XXXVII очередного земского собрания государственные телеграфные отделения в населенных пунктах Пожвы, Майкоре и Чермозо были преобразованы в почтово-телеграфные «при условии провоза наемных почт от Пожвы до села Ильинского и обратно, в течение первых 3-х лет на земских подводах» (Доклад Соликамской земской управы от 29 сентября 1907 г.). В 1910 г. открылось еще 3 почтовых отделения, а с 10 октября 1915 г. начали работать почтово-телеграфные отделения в селах Юсьве, Орле, Курросе, Дедюхино и Воросовке. Сфера действия земской почты сильно сократилась. К началу 1916 г. она обслуживала всего 4 волости.

Начиная с 1910 г. документы Соликамской земской управы отражают повышение интереса филателистов к ее маркам. Так, в 1910 г. было «выслано в кассу управы частными лицами за марки 13 руб. 09 коп., в 1911 г.—47 руб. 26 коп., в 1913 г.—36 руб. 71 коп., в 1915 г.—100 руб. 57 коп.»

Земская почта Чердынского уезда

Почта в Чердынском уезде была учреждена на основании решения первого земского собрания, постановившего: «устроить земской почтой... возложить на управу» (Запись в журнале земского собрания от 21 сентября 1870 г.).

В 1871 г. управа доложила земскому собранию: «по исполнению означенного постановления... (управа) просила Чердынское уездное полицейское управление прекратить пересылку им земской почты с 16 ноября 1870 года, с какового времени почта перешла в ведение управы и ею введено в действие составленное расписание» (Доклад управы от 6 октября 1871 г.).

Земская почта отправлялась из Чердыни два раза в неделю в трех направлениях: юго-западном, северном и восточном. Несколько позже почта стала отправляться также «в волости, лежащие в стороне от главных путей движения ей: Пянгезскую, Лекмартовскую и Кушмангортекую» (Доклад управы от 5 октября 1874 г.).

В мае 1888 г. управа предложила «по примеру других земств... взимать плату за пересылку по земской почте частных писем, как простых так и денежных,

идущих из уезда в Чердынь на казенную почту и пересылаемых внутри уезда из одного пункта в другой, а также за пересылку частных посылок, а для чего ... установить свои земские почтовые марки». Собрание это предложение одобрило, а спустя год, 14 октября 1888 г., утвердило первые «Правила о сборе и пользе ведомства за пересылку по земской почте всякого рода частной корреспонденции, а именно: за письма и пакеты — по 2 коп. и за посылки: до 5 фунтов — по 4 коп., от 5 до 10 фунтов — по 6 коп., для чего и установить земские почтовые марки двухкопеечного достоинства. В смету расходов на 1889 г. на печатание почтовых марок внести 60 рублей» (Запись в журнале земского Чердынского собрания от 14 октября 1888 г.).

Еще через год управа доложила земскому собранию о введении с 1 января 1889 г. сбора за пересылку по земской почте корреспонденции и посылок от частных лиц: «Сбор взимается посредством оплаты таковых особыми почтовыми марками стоимостью в 2 копейки каждая. Таких марок было отпечатано в типографии Пермского губернского правления в два раза 32.646 штук... Из означенного количества марок продано по 1 сентября 19.699 штук» (Доклад управы от 4 октября 1889 г.). В последующих докладах «О земской почте» управа периодически сообщала о количестве вновь отпечатанных марок и их расходе: «марок с конца 1888 года по наст. время отпечатано 52.870 шт., из коих продано: в течение 1889 года — 27.213 и с 1 января сего (1890) года по 8 сентября — 13.827, а всего 41.040 марок» (Доклад управы за 1890 г.). «С конца 1888 г. и по наст. время было отпечатано 72.876 шт. Продано с 1 января 1891 года по 19 сентября 1891 г. — 15.081 шт.» (Доклад управы за 1891 г.). «Со времени установления земских почтовых марок и по наст. время (1 октября) таковых отпечатано 103.357 шт., из коих продано 88.911 шт.» (Доклад управы за 1892 г.).

Анализ приведенных сведений дает возможность определить количество марок, изготовленное в каждом году: в 1888 и 1889 гг. — 32.646, 1890 г. — 20.224, 1891 г. — 20.006 и 1892 г. — 30.481 шт.

В 1892 г. Чердынская земская почта стала отправляться три раза в неделю, а ее маршруты теперь проходили через большинство населенных пунктов уезда (Доклад управы за 1893 г.).

В 1894 г. управа предложила проект новых земских почтовых тарифов, которым предусматривалось «с частной корреспонденции взимать вместо 2-х по 3 коп. за каждый пакет. За посылки частных лиц, за первый фунт — по 6 коп., а за последующие — по 2 коп. за каждый фунт. За денежные письма и посылки частных лиц: за письмо 5 коп., за посылку от 1 до 10 фунтов — до 6 коп. Ввиду проектируемого земского почтового сбора в новых размерах необходимо кроме существующих в настоящее время марок Чердынской земской почты двухкопеечного достоинства, ввести в употребление марки стоимостью еще в 1 коп., 3 коп. и 10 коп.» (Доклад управы от 28 сентября 1894 г.).

Утвердить предложенные управой новые тарифы, земское собрание постановило ввести их в действие с 1 января будущего, 1895 г.». Одновременно управе было поручено «заказать, изготовить и затем снабдить все волостные правления уезда каучуковыми подорожными штемпелями для погашения земских почтовых марок на пакетах, письмах и посылках, принимаемых ими для пересылки по земской почте. На штемпелях этих должны быть вырезаны лишь одни названия селений, где находятся волостные правления (например: Губдор, Пянтег, Юрла и т. д.)». (Запись в журнале земского собрания от 28 сентября 1894 г.).

В 1895 г. в почтовом обращении Чердынского уезда появились новые марки, на которых был впервые воспроизведен герб уезда на щите, увенчанном короной. В верхней части щита, как обычно, помещен герб Пермской губернии, а нижней части — герб Чердынского уезда: «Лось, означающий, что жители округа оного города промысла имеют звериной ловлею и что платят ясак звериными кожами».

Новые тарифы просуществовали недолго. Уже в 1898 г. сметно-редакционная комиссия земского собрания предложила снизить почтовый сбор с частных писем с 3 до 2 коп., а также рекомендовала ввести прием страховых писем с оплатой по 4 коп. каждого, а «для погашения марок на письмах, принимаемых волостных правлений, снабдить штемпелями также и почтарей» (Доклад сметно-редакционной комиссии от 3 октября 1898 г.). Предложения комиссии были утверждены, однако прием страховой корреспонденции начался только с 1900 г. «Сбор отог до 1 января 1900 года взыскивался исключительно через оплату корреспонденции земско-почтовыми марками разных достоинств от 1 до 10 коп. С 1-го же января 1900 года введена на земской почте пересылка так называемой страховой корреспонденции⁶ с какового времени марками оплачивается исключительно только простая корреспонденция, т. е. письма, а сборы на пересылку денежных пакетов и посылок взимаются наличными деньгами» (Доклад управы за 1900 г.).

Новые «Правила пересылки корреспонденции», введенные 1 января 1901 г., устанавливали, что земскими почтовыми марками оплачивается только простая корреспонденция, для чего применяются «земские почтовые марки с надписью «Чердынская земская почтовая марка, в столько-то копеек» (§ 3 Правил, 1900 г.). Далее разъяснялось: «Простою корреспонденцией на земской почте считаются: а) простые казенные пакеты и посылки; б) простые закрытые и открытые письма частных лиц; в) простые бандерольные отправления; г) телеграммы; д) повестки; е) казенные письма, следующие не с государственной почты; ж) посылки без цены» (§ 7 Правил). Плата за пересылку простой корреспонденции устанавливалась в зависимости от веса отправления: «за письмо весом до 4-х лот (1/8 фунта) — 2 коп., от 4 до 8 лотов — 4 коп. и т. д. по 2 коп. с каждых 4 лотов» (§ 8 Правил).

В последующие годы Чердынская уездная земская почта продолжала развиваться непрерывно, увеличивая объем почтового обмена. Например, в 1909 г., как сообщала земская управа, «район почтовой сети ее (земской почты. — Ю. Р.) значительно увеличился вследствие открытия 28 новых школ и пачала движения земской почты в ряде населенных пунктов, которых она до этого времени не обслуживала» (Доклад управы за 1909 г.).

Сохранившиеся земские документы не дают исчерпывающей картины. Тем более, что земское счетоводство обычно отражало всего лишь общие суммы расходов на содержание почты, не всегда выделяя конкретное направление расходов. Данные же учета количества изготовленных марок вообще встречаются крайне редко, тем более в последний период деятельности почств (после 1910 г.). В поисках более надежных источников мы обратились в Ленинградский государственный исторический архив (ЛГИА). И там удалось разыскать документы Экспедиции заготовления государственных бумаг (ЭЗГБ), в которых отражены тиражи земских почтовых марок, изготовленных для отдельных уездов Пермской губернии. Эти данные совершенно по-новому осветили размах работы земских почт. Пользуясь ими, можно смело утверждать, что после 1909 г. Чердынская уездная

⁶ Страховой корреспонденцией, согласно § 16 Правил Чердынской земской почты, считались денежные и ценные пакеты, денежные переводы и ценные посылки.

земская почта пережила подлинный период расцвета. В 1909 г. она получила от ЭЗГБ 100 тыс., в 1913 г. — 135 тыс., а в 1915 г. — 116 875 марок [6]. Следовательно, ее ежегодный расход знаков почтовой оплаты в среднем превышал 50 тысяч. Столь значительный объем почтового обмена свидетельствует об огромном значении Чердынской земской почты для населения уезда. Она продолжала действовать даже в первые годы Советской власти⁷.

Земская почта Шадринского уезда

21 сентября 1870 г. земское собрание Шадринского уезда постановило: «Для устранения посылки нарочных поручить управе учредить сельскую земскую почту, сосредоточив ее в управе (для чего нанять почтарей за счет сумм канцелярии управы)... Почта из города в волости и обратно должна непременно отправляться из управы и приходить туда же три раза в неделю... Предоставить право всему населению уезда посылать и получать свою частную корреспонденцию в город и селения Шадринского уезда вне правительственных сообщений и не в ущерб им и исключая денежных и других посылок. За пересылку частной корреспонденции брать 5 коп. с каждого пакета, а с газет и журналов — по 1 копейке».

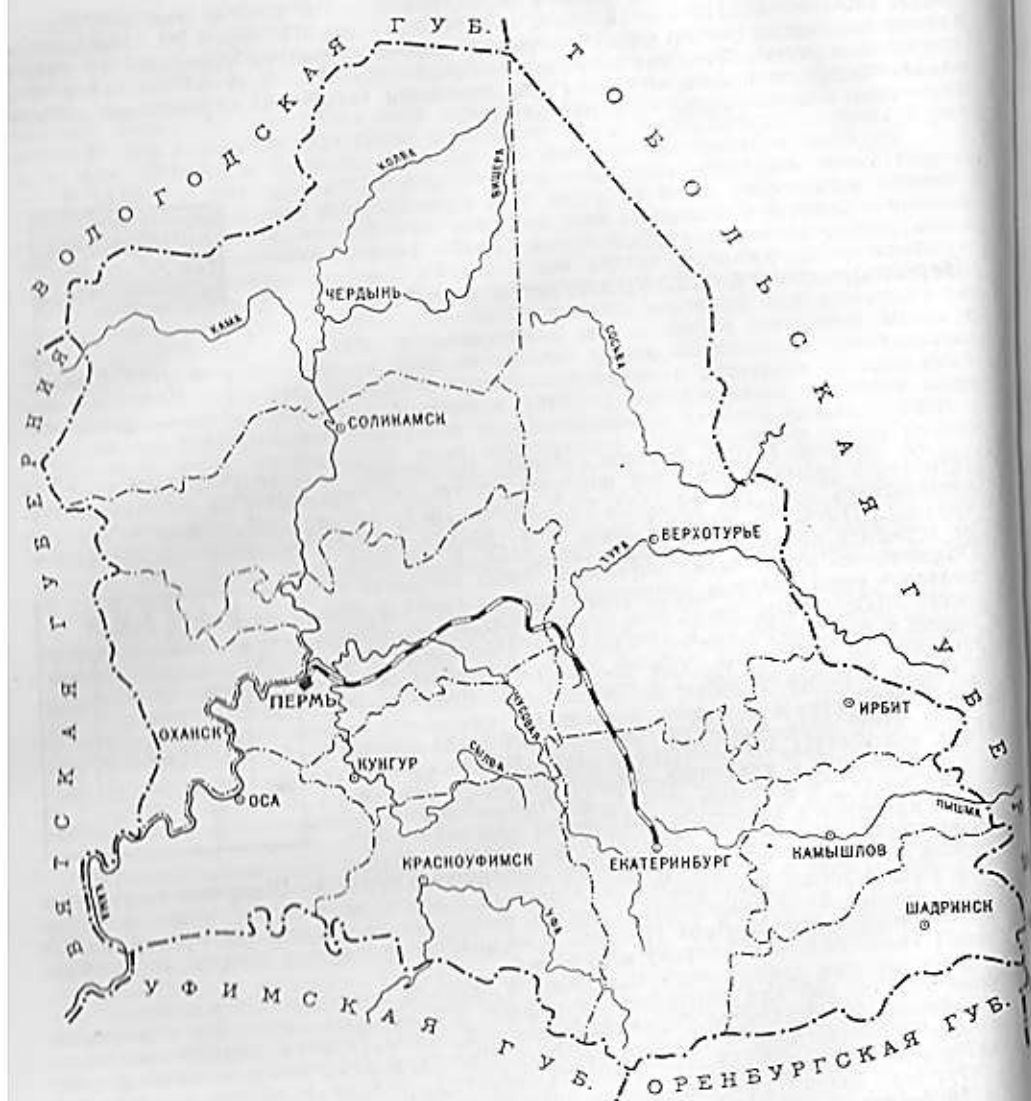
В марте 1871 г. в 20-м номере «Пермских губернских ведомостей» Шадринская земская управа поместила «Расписание о движении земской почты по Шадринскому уезду», в котором, между прочим, говорилось: «При принятии в волостных правлениях частной корреспонденции, следующей к отсылке через почту в другие города и губернии, и во все местности, состоящие в пределах Шадринского уезда, и при выдаче писем и журналов, получаемых с почты, волостные писаря, получая за пересылку их определенные 5 копеек, тотчас же наклеивают на пакеты особые марки, высылаемые земской управою, а до получения таких обязаны делать надписи: «пять коп. за пересылку получены».

Фактически деятельность Шадринской земской почты началась лишь в феврале 1871 г. Вот как объясняла этот факт управа: «Не приступая к введению в действие расписания об учреждении земской почты, (управа) препровождала его вместе с расписанием о земской почте в Пермскую губернскую земскую управу на утверждение губернского земского собрания, откуда в январе месяце сего (1871) года получено разрешение на приведение его в действие, которое и открыто с 10 февраля»... Для писем, пересылаемых с земской почтой, управою выписаны 2000 марок, и из них разослали по волостям 1625, а затем для того, чтобы иметь марки дешевле, управа приобрела штемпель, которым марки будут отпечатываться в самой управе» (Доклад от 22 сентября 1871 г.).

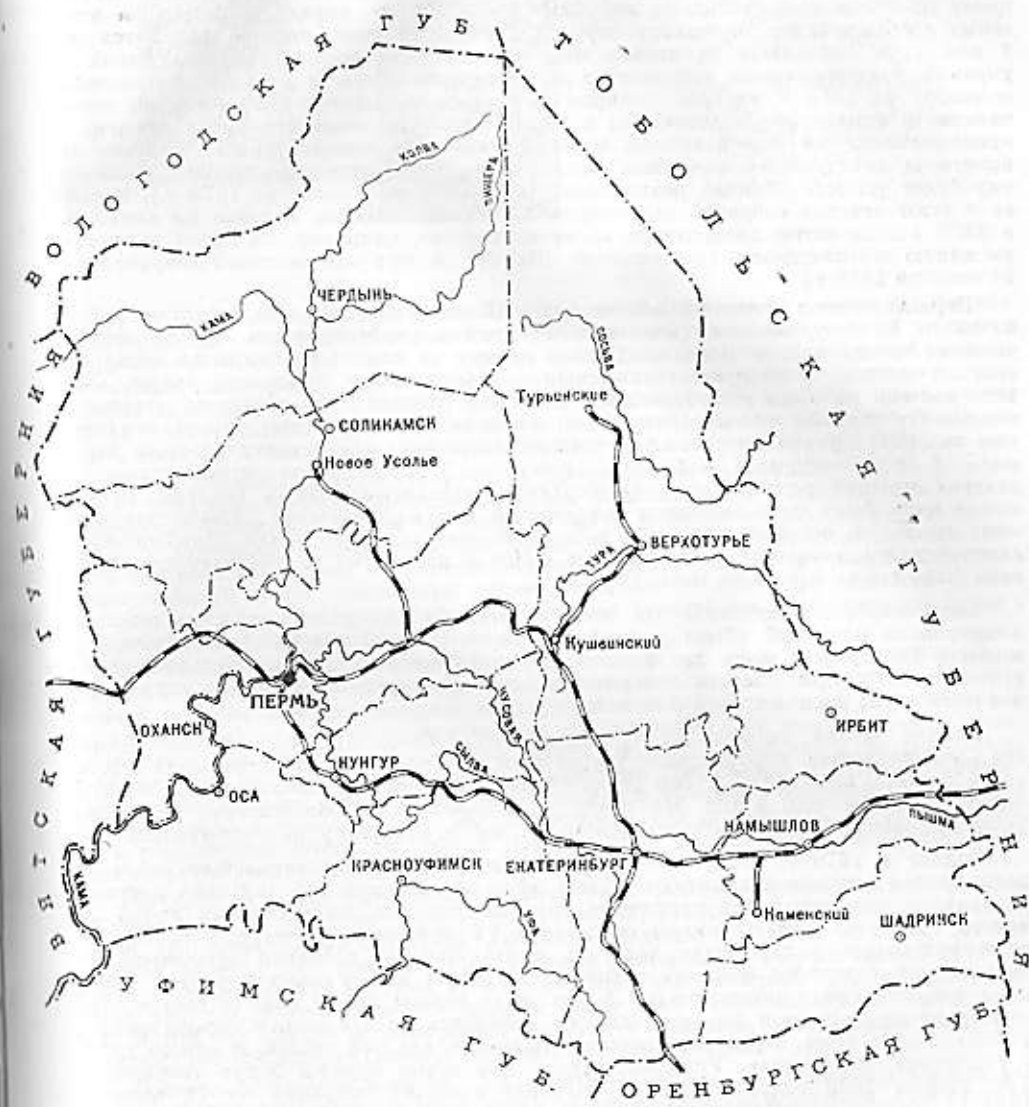

⁷ См. «Советский коллекционер», № 5, стр. 43; № 7, стр. 63-64; № 9, стр. 118.

⁸ В каталоге указано, что первые марки в Шадринском уезде якобы появились уже в 1869 г.

Железные дороги на территории Пермской губ. - 1876г

Железные дороги на территории Пермской губ. - 1902г

на земской почте в смысле увеличения платы за заказную корреспонденцию до 1 коп., с тем, чтобы эти письма оплачивались существующими для простых писем копейными земскими почтовыми марками».

Год спустя управа докладывала земскому собранию: «Наклейка земско-почтовых марок на заказные письма вызвала большой расход на марки. А потому карый запас марок израсходовался, что заставило сделать новый заказ в ЭЗГБ за марки 3-копеечного достоинства для простых писем и 6-копеечного — для заказной корреспонденции. Заказ был исполнен» (Доклад управы от 8 октября 1910 г.).

Здесь мы снова обращаемся к документам ЛГИА и из фондов ЭЗГБ извлекаем таинво впечатляющие данные. В 1909 г. ЭЗГБ изготовила для Шадринской земской почты 58 300, в 1910 г. — 28 750, в 1911 г. — 200 тыс., в 1913 г. — 126 175 в 1914 г. — 150 тыс. почтовых марок [7]. За шесть месяцев свыше полумиллиона марок для одного уезда! Следовательно, начиная с 1910 г. Шадринская земская почта расходовала в среднем около 100 тыс. марок ежегодно. Иными словами, ее почтовый обмен увеличился в 50 раз.

Начиная с 1913 г. в Шадринском уезде при участии и помощи земства стали открываться отделения государственной почты в селах Мехонском, Каргопольском, Песчанском, Бродокалмаковом и других.

В 1914 г. земское собрание отменило почтовый сбор «с писем в действующую армию на имя нижних чинов и от них и освободило от оплаты земским сбором на время войны также и другую корреспонденцию (переводы и посылки)» (Запись в журнале земского собрания от 28 октября 1914 г.). Одновременно были внесены частичные изменения в земские почтовые Правила: § 6. Земско-почтовые сборы. За пересылку по земской почте частной корреспонденции в пользу земства ... с выписывается: с денежных и ценных писем по 3 коп. за марку с каждого, ... с заказных писем и заказных бандеролей по 6 коп. за марку (наклеивается 6-копеечная марка); все частные простые письма: закрытые (местные и иногородние) оплачиваются тремя копейками или 3-копеечную земскою маркою каждое».

Исправленные почтовые Правила просуществовали до конца деятельности земской почты в Шадринском уезде.

* *

*

Пермская губерния — единственная среди губерний европейской России, где не только во всех уездах были созданы и действовали земские почты, но и появились земские почтовые марки. Земские почты в большинстве ее уездов были открыты в 1870—1871 гг. Ниже приводится таблица, в которой указываются подтвержденные земскими почтовыми документами фактические даты открытия земских почт каждого уезда, установления платы за пересылку частной корреспонденции и введения земских почтовых марок. Заметим, что они не всегда совпадают с данными каталогов.

Применение земских почтовых марок в уездах Пермской губернии отличалось своими особенностями. Если в большинстве уездов ими оплачивалась вся частная корреспонденция, то в Соликамском уезде с 1887 г. по 1891 г. оплате марками подлежали только «частные письма, записываемые в книги» (т. е. заказные письма). В Осинском уезде с 1900 г. по 1903 г. марками оплачивались только частные посылки, а в Пермском уезде с 1 января 1892 г. только заказные письма частных лиц. В Чердынском уезде с 1 января 1900 г. земскими марками оплачивалась доставка только простых частных писем.

При всем разнообразии рисунков, форм и размеров земские почтовые марки уездов Пермской губернии имеют определенную общность. Это объясняется, во-первых, тем, что значительная их часть изготовлялась в трех типографиях: Пермского губернского правления, московской И. Н. Кушнерова и Экспедиции изготовления государственных бумаг (ЭЗГБ); во-вторых, обязательным, объединяю-

Наименование уездов	Дата открытия действующей земской почты	Дата установления платы за частную корреспонденцию	Дата введения земских почтовых марок	Дата закрытия действующей земской почты
Верхотурский	1.01.1873	1.01.1881	1.01.1889	1.01.1911
Екатеринбургский	1871	1.01.1895	1.01.1895	1.01.1913
Ирбитский	1.01.1872	1.01.1875	1.01.1875	1917
Камышловский	1.VII.1871	1.VII.1903	1.VII.1903	1917
Красноуфимский	V.1871	1.II.1893	1.II.1893	1917
Кунгурский	15.01.1871	15.01.1871	1.01.1890	1917
Осинский	17.VI.1871	1.01.1890	1.01.1890	1.01.1911
Оханский	1.01.1871	1.01.1871	1.01.1871	1.01.1914
Пермский	1.01.1871	1.01.1872	1.01.1872	1917
Соликамский	11.1871	1.01.1887	1.01.1887	1917
Чердынский	16.XI.1879	1.01.1889	1.01.1889	1917
Шадринский	10.II.1871	10.II.1871	10.II.1871	1917

щим атрибутом большинства земских марок является уездный герб. Между прочим, невнимание к земской геральдике привело к неверным толкованиям этих символов в каталоге «Земские почтовые марки» (1925 г.). Изображенный в гербе Чердынского уезда лось там назван оленем, а мушкетер в гербе Шадринского уезда — волком.

Земские марки уездов Пермской губернии гасились разнообразными штемпелями, которые были изготовлены на месте. Автором штемпелей, по крайней мере, трех земских почт является пермский гравер И. М. Окунь⁹. Об этом свидетельствуют такие документы: «Резчику Окунь за штемпель для почтового отделения — 3 руб.» (Отчет о расходах Камышловской уездной управы в 1895 г.); «Резчику Окунь за штемпель для почтового отделения — 3 руб.» (Отчет о расходах Красноуфимской уездной управы в 1895 г.); «Окунь И. М., в Перми, за штемпеля 15 руб. 95 коп.» (Отчет о расходах Кунгурской уездной управы в 1908 г.).

ИСТОЧНИКИ

1. «Земские почтовые марки». Каталог под ред. Ф. Чучина. Изд. Уполномоченного по филателии и бонам в СССР, 1925, стр. 9.
2. *Grosser Ganzsachen-katalog*. Лейпциг, 1926.
3. *Центральный государственный исторический архив СССР* (ЦГИА), фонд 1289, опись 12, дело 102, стр. 116.
4. «Земские почтовые марки». Каталог под ред. Ф. Чучина, стр. 156.
5. *Catalogue Prix-courant*, J. V. Moens, Bruxelles. — 1892.
6. *Ленинградский государственный исторический архив* (ЛГИА), фонд 1458, опись 2, дела 2692, 2736, 2751, 2780, 2793.
7. ЛГИА, фонд 1458, опись 2, дела 2692, 2706, 2724, 2751, 2764.

г. Ленинград

⁹ Мецанин Ицко Мейеров Окунь в памятных книгах Пермской губернии указан как владелец граверного заведения в г. Перми.

Словари и энциклопедии о коллекционировании

Коллекционирование различных предметов материальной и духовной культуры или объектов природы имеет длительную историю. В процессе исторического развития менялись социальные основы, определявшие характерные черты коллекционирования, степень его распространения. На разных этапах к нему прибегали различные слои общества. Постепенно возникали и развивались новые виды коллекционирования, различные его направления. Менялись основные понятия коллекционирования, появлялись новые термины.

В условиях царской России с ее отсталой экономикой и культурой широким слоям народа коллекционирование было недоступно. Оно получило распространение преимущественно среди богатых людей, носило индивидуальный характер. Немногочисленные объединения собирателей носили замкнутый характер. Лишь немногие из них стремились придать своим коллекциям общественное значение, поставить их на службу обществу (Третьяков, Бахрушин, Цветаев и др.).

После Великого Октября Ленинская Коммунистическая партия подняла весь советский народ на строительство социализма. Неизмеримо возросли благосостояние и культурный уровень трудящихся, увеличилось свободное время для отдыха. В новых условиях старое увлечение впервые получило массовую базу и приобрело общественное значение. К коллекционированию прибегались широкие слои трудящихся, особенно молодежи.

В характере советского человека заложено стремление к коллективизму. Советские коллекционеры объединяются в кружки, клубы, общества. Достаточно

сказать, что только в одном Всесоюзном обществе филателистов (ВОФ), объединившем не только филателистов, но и коллекционеров некоторых других направлений, состоит более ста тысяч человек. Возникший недавно новый тип коллекционирования — коллективное создание экспозиций школьных «музеев боевой славы» — охватила сотни тысяч, если не миллионы учащихся — пионеров и комсомольцев.

Советским коллекционерам свойственно стремление к широкому использованию создаваемых ими коллекций для пропаганды знаний, марксистско-ленинской идеологии, нашего образа жизни. Коллекционирование, как сказано в Уставе ВОФ, является одним «из видов общественно полезной деятельности, сочетающей разумный отдых с расширением культурного и общеобразовательного кругозора граждан СССР» [35].

С другой стороны, коллекционирование является одним из методов научного исследования, который широко используется для создания научных, учебных и культурно-просветительных коллекций. Поэтому, естественно, что вопросы коллекционирования находят отражение на страницах научных справочных изданий — энциклопедических и специальных словарей, словарей русского языка и иностранных слов, а также общих и специальных энциклопедий.

Большой интерес представляет анализ того, как эти издания освещали и освещают проблемы коллекционирования, в какой мере они отражают характерные черты его развития. Такой анализ целесообразно начать с дореволюционных изданий, чтобы проследить, как складывались основные понятия коллекционирования и формирова-

лись различные его виды. Это необходимо и для того, чтобы правильно понять особенности освещения вопросов коллекционирования в словарях и энциклопедиях советского периода, поскольку имеется преемственность в их трактовке, а иногда и прямое заимствование некоторых представлений из дореволюционных изданий.

С такой целью было просмотрено и проанализировано 35 дореволюционных изданий словарей и энциклопедий, изданных в 1781—1916 гг.

В словарях XVIII в., даже в шеститомном Словаре Академии российской, вышедшем в 1789—1794 гг., сведений о коллекционировании не оказалось. В таком же словаре, изданном в 1806—1825 гг., удалось обнаружить всего лишь одно упоминание о собрании книг, минералов, растений. В словарях первой половины XIX в. появляются статьи, посвященные вопросам коллекционирования. Во второй половине столетия большинство словарных изданий не проходит мимо терминов «собрание», «собрание», «сбиратель», появляется и термин «коллекция». В русском энциклопедическом словаре, изданном в 1873 г. И. Н. Березиным, и во всенаучном словаре под редакцией В. Ключникова (1878 г.) вопросы коллекционирования объединены под термином «коллектор». В толковом словаре В. И. Даля о библиофилии и библиомании говорится в статье, посвященной... библии!

Впервые слово «коллекция» появилось в новом словотолкователе Н. М. Яновского в 1804 г., а слова «коллекционирование» и «коллекционер» стали встречаться в словарях лишь 90-х гг. этого столетия. Первые же статьи, посвященные этим терминам, удалось обнаружить только в словаре русского языка Академии наук, вышедшем в 1911 г.

В словарях XIX в. под коллекционированием (собранием) понималось отыскание в разных местах каких-либо вещей или предметов, накопление и соединение их воедино. Так, в словаре, составленном в 1834 г. П. Н. Соколовым, под коллекцией (собранием) понималось «Совокупление, скопление каких-либо вещей. Собрание книг, минералов, растений» [3, ч. II]. Определение этого понятия в словарях того времени созвучно с пониманием коллекции, которое дал еще в I веке до н. э. известный писатель и оратор Древнего Рима Марк Туллий Цицерон: «Собирание раз-

розненных частей в одно целое» [23, т. 21].

В 1866 г. В. И. Даль расширил трактовку, дав следующее определение: «Собирание, совокупление чего-либо однородного в одно место, с какой-либо целью. Собрание ископаемых, оружия, древностей, музей, кабинет, хранилище» [7, ч. 4]. Важно отметить, что Даль говорит уже о целенаправленном собирании коллекционных материалов. А еще в 1804 г. Н. М. Яновский в своем новом словотолкователе писал и о назначении коллекций, трактуя это понятие как «собрание многих вещей, могущих служить к успехам наук или к удовлетворению любопытства, как-то: коллекция картин, эстампов, медалей, насекомых и проч.» [1]. По существу, здесь говорится о коллекционировании как об увлечении, любительском занятии и как о научном методе, а также и о его познавательном значении.

В 1911 г. в словаре, составленном Вторым отделением Академии наук, коллекция рассматривалась уже как «систематическое собрание однородных предметов» [14, т. 4]. Такое представление о коллекции очень важно, так как систематизация собранных предметов не только упорядочивает их размещение в коллекции, но и позволяет выразить ее содержание, поскольку любая систематизация проводится с определенной целью. Несистематизированное собрание любых предметов не является еще коллекцией.

Начиная со второго тома настольного словаря, вышедшего в 1864 г. под редакцией В. Р. Зотова и Ф. Толля, а также в опубликованной в 1865 г. второй части словаря В. И. Даля под коллекцией стали понимать собрание однородных предметов — книг или монет, картин или гравюр, минералов или насекомых. Такое представление о составе коллекции затем стало традиционным и нашло отражение почти во всех словарях второй половины XIX и начала XX вв. Оно отражало фактическое положение дела в коллекционировании и в какой-то мере было правомерным.

Другой характерной особенностью было представление о том, что в состав коллекции входят не обычные, широко распространенные, а «чем-либо замечательные вещи и предметы» [7, ч. 2], преимущественно редкие, драгоценные или старинные. В словаре Зотова и Толля читаем: «коллекция — собрание однородных вещей, преимущест-

венно редких и ценных, например, картина, медалей, манускриптов, растений, минералов и т. п.» [8, т. 2]. Эта формулировка дословно воспроизведена во многих словарных изданиях XIX в. О книжном собирательстве говорилось как о «страсти к книгам, в особенности редким или роскошным типографским изданиям», а о библиофиле — как о «собирателе книжных редкостей» [14, т. 1].

Представление о коллекционировании как о собирании редких, драгоценных предметов было общим и нашло отражение в подавляющем большинстве словарей дореволюционного периода. В нем содержалась и социальная оценка. С точки зрения частнособственнической идеологии буржуазного общества, единственной ценностью вещей и предметов была их рыночная стоимость. Это в равной степени относилось и к предметам коллекционирования. Немногочисленные коллекционеры стремились блеснуть в обществе высокой стоимостью собранных картин, фарфора, бронзы, мебели, драгоценных камней и других предметов. Так создавались коллекции-сокровища, накопление которых побуждалось тщеславием.

В XIX и начале XX вв. одним из наиболее распространенных видов коллекционирования было собирание книг. Почти все словарные издания того времени посвящали библиофильству весьма обширные и содержательные статьи, особенно «Лексикон» А. А. Плюшара (1836 г.), словари В. Р. Зотова и Ф. Толля, Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (1891 г.), а также Энциклопедический словарь 1823—1825 гг. В 1890 г. Е. И. Аркадьев выпустил даже специальный Словарь библиофила, который в 1913 г. вышел вторым изданием.

Анализ этих публикаций показывает, что в книжном собирательстве получило широкое распространение направление, именуемое «библиоманией»¹⁾. В словарях подчеркивалось, что для библиоманов характерно «собирание книг без руководящей идеи и научной цели» в отношении их содержания [17, т. 1]. Библиоманы ценили книги «единственно по их редкости или по какой-нибудь причуде их собирателя» [4]; «Они с необыкновенной страстью покупают

за чрезмерную цену великолепные издания, с гравированными изображениями» [2]; Переплет также сделан предметом роскоши» [2], особенно обтянутый кожей, украшенный серебряными и медными с позолотой вензелями. Наиболее высоко ценились неразрезанные экземпляры роскошных изданий, которые сохранялись в библиотеках библиоманов в таком виде. Короче говоря, книги превращались в украшение кабинетов.

Стремление к собиранию редких книг оборачивалось извращенным стремлением завладеть единственным экземпляром, которого ни у кого нет. Такие «собиратели» сами создавали уникалы, «изобретая роскошные переплеты для своих книг», украшая их гравюрами и эстампами выдающихся художников. Нередко издавали книги в единственном экземпляре и «таким образом доставляли себе редкие и единственные экземпляры-уникалы» [2].

Дореволюционные словари подробно освещали и другое направление в книжном собирательстве — библиофилию²⁾. В словаре Березина сказано, что библиофил отличается от библиомана тем, что «ценит книги не столько по их редкости, сколько по их достоинству, по пользе, которую они могут, по его убеждению, принести науке и человечеству» [9, т. III]. Аркадьев в своем словаре подчеркивал, что для библиофилов «характерна идейность».

Истинные библиофилы создавали библиотеки ценных по своему содержанию книг, полезных для них самих и окружающих людей, а не библиотеки-сокровища. В словаре Березина подчеркивалось, что ученые предложили термин «библиофилия» «только для высшего благороднейшего проявления» страсти к собиранию книг [9, т. III]. Однако в словаре Павленкова подчеркивалось, что «библиофил — то же, что библиоман» [15].

Существовала еще одна категория собирателей книг, характерная для буржуазного общества, — «библиофафы»³⁾, о которых в одном из академических словарей сказано: «собиратели книг, не пользующиеся и не дающие другим пользоваться ими, скупяцы на книги» [14, т. 1]. Как подчеркивал Аркадьев, в то время в России их было

много, а библиофилов — мало. Однако именно эти немногие истинные любители книги положили начало прогрессивным традициям библиофилии, которые в условиях нашего общественного строя получили быстрое развитие. Уже в 20-х гг. библиофилия стала играть большую роль в пропаганде книг и приобретении к ним широких масс трудящихся.

Большинство словарей уделяло место и нумизматике. Как правило, ей посвящались краткие заметки и лишь некоторые издания давали обстоятельные статьи. Обычно нумизматика рассматривалась не как область коллекционирования, а как наука о древних монетах и медалях, монетоведение или же вспомогательная историческая дисциплина. Также трактовались и геральдика (собирание гербов) и сфрагистика (собирание печатей).

В словаре практических сведений (1884 г.), в энциклопедическом словаре Филиппова (1901 г.) и в новой энциклопедии под редакцией П. И. Осгровского и К. Г. Урусова (1904—1905 гг.) опубликованы большие статьи, посвященные созданию любителейских коллекций растений, бабочек, жуков и других насекомых, дается подробное описание методики собирания, оформления и хранения таких коллекций.

В Большой энциклопедии (1908 г.) опубликована статья «Книжный знак», в которой даны сведения по истории экслибриса на западе, даны сведения об обширных коллекциях экслибрисов, приведена литература по этому виду коллекционирования [19].

В словаре Брокгауза и Ефрона (1900 г.) дана обширная статья «Собирание животных или коллекционирование» [13], в которой описывается методика создания научных зоологических коллекций. Это — единственная обстоятельная статья в дореволюционных изданиях, в которой рассматривается метод создания научных коллекций. Кратко о коллекционировании с научными целями говорилось лишь в словаре Яновского (1804 г.) и словаре русского языка Академии наук (1911 г.) при определении понятия «коллекция».

В дореволюционных словарно-энциклопедических изданиях меньше всего повезло филателии. Нам удалось разыскать всего лишь краткое определение этого понятия, данное в энциклопедическом словаре под редакцией М. М. Филиппова (1901 г.): «Филателисты — так называют собирателей

почтовых марок» [17, т. III]. Даже такие издания конца XIX и начала XX вв., как 82-томный энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона и 22-томная Большая энциклопедия, не только умалчали о филателии, но и вообще не упомянули о коллекционировании.

Какое понятие вкладывается в термины «коллекционер» и «коллекция», как освещается проблема коллекционирования в научно-справочных изданиях советского времени? Ответ мы искали во всех энциклопедических и специальных словарях, в словарях русского языка и иностранных слов, а также в общих и специальных энциклопедиях, изданиях в нашей стране в 1926—1970 гг. Всего просмотрено более двадцати таких изданий.

Начиная с первого издания Малой советской энциклопедии, почти все современные научные издания, определяя понятие «коллекция», дают оценку значения предметов, входящих в ее состав, как предметов, представляющих научный, исторический, художественный интерес, а иногда добавляют и познавательное значение. Кроме того, они рассматривают коллекцию как систематическое собрание каких-либо предметов. Все это свидетельствует о более полной, современной трактовке понятия.

Однако, как это ни парадоксально, определение понятия «коллекционер» почти во всех этих изданиях находится в явном противоречии с термином «коллекция». Так, из новейшего энциклопедического словаря, вышедшего в 1926—1927 гг., мы узнаем, что коллекционер является «собирателем редкостей», библиофил собирает «редкие и красивые книги», а филателия является «коллекционированием редких почтовых марок» [22].

И это не случайность, относящаяся к изданию 20-х гг. В плену устаревших понятий, к сожалению, находятся советские словари и энциклопедии, вышедшие в свет совсем недавно. В словаре под редакцией Ушакова (1935 г.) коллекционер определяется как «собиратель коллекций, редкостей», а библиофил — как «собиратель книжных редкостей» [25, т. 1]. В МСЭ в 1937 г. дано такое определение: «Коллекционер — собиратель редкостей, произведений искусства и пр.» [24, т. 5]. В академическом словаре современного русского литературного языка (1948 г.) библиофил определяется как «собиратель редких и ценных изданий» [26, т. 1]. Буквально то же ска-

¹⁾ Библиомания от греческих слов: библион — книга, мания — страсть.

²⁾ Библиофилия от греческих слов: библион — книга и филео — люблю.

³⁾ Библиофаф от греческих слов: библион — книга и таφος — могила, гроб.

зано о библиофиле и в другом академическом словаре русского языка, где говорится также о коллекционировании «старинных монет и медалей», «драгоценных камней» и даже «красных ботанических редкостей» [1957—1961 гг.; 30]. Библиофильство и библиофилия в БСЭ (1970 г.) определяются как «собирачество редких и ценных изданий» [23, т. 3].

Как первое, так и последнее, восьмое, издания (1970 г.) словаря С. И. Ожегова дают следующие определения и примеры, характеризующие коллекционные предметы: коллекция «древних монет», «собиратель «редкостей», собрание «редкостей» [34].

Итак, начиная с 1925 г. и кончая 1970 г. в указанных изданиях неизменно говорится о коллекционировании редких, ценных, старых предметов, игнорируются те огромные изменения, которые произошли в коллекционировании в советский период.

Конечно, было бы неправильно вообще отрицать целесообразность, а в ряде случаев и необходимость коллекционирования редких, ценных и старых предметов, когда это требуется для полноты коллекций и для научных целей. Но в данном случае речь идет о том, что нельзя в современных изданиях не отражать характернейших особенностей состава коллекционируемых предметов и особенностей советских коллекционеров, а также и о том, что не следует сосредоточивать внимание читателей на коллекционировании редких, ценных, старых предметов, не являющихся в нашей стране объектами массового коллекционирования.

В современных словарях и энциклопедиях, далее, о коллекционере обычно говорится как «о собирателе коллекций» или «собирателе редкостей». Такое определение не раскрывает главного — творческого — характера советского коллекционера, того факта, что он не только собирает, но изучает коллекционные материалы и активно использует свои коллекции в общественных целях. Лишь одна Педагогическая энциклопедия (1965 г.) опубликовала обстоятельную статью, в которой показано, что коллекционирование «складывается из непрерывного накопления материала; обработки, хранения и его оформления; изучения и использования материалов коллекций в познавательных, учебных и других целях» [33]. В статье также говорится о большом воспитательном и познавательном значении коллекционирования и обществен-

но полезной деятельности коллекционеров.

Теперь, как правило, применяются термины «коллекция», «коллекционер» и «коллекционирование». Это обусловлено тем, что собрание и коллекционирование не являются синонимами, они выражают различные понятия. Под коллекционированием понимается не только собиране (накопление) предметов, а изучение, систематизация и оформление их в коллекцию, используемую для различных целей.

Из наиболее распространенных видов коллекционирования современные научные справочные издания освещают преимущественно филателию и библиофилию. Отдельные издания посвятили филателию большие статьи: например, в 1926 г. словарь Библиографического института «Гранат» и в 1956 г. второе издание БСЭ. Но в последней почему-то приводятся только иностранные каталоги марок, в то время как имеются отечественные, составленные на более высоком научном уровне. К сожалению, ряд многотомных словарей и даже энциклопедий дает о филателии слишком краткие сведения, а иногда ограничивается лишь ее определением.

В некоторых изданиях в перечень объектов филателии почему-то включаются предметы, не имеющие к ней никакого отношения. Так, в Словаре иностранных слов (1954 г.) говорится, что объектом филателии является «изучение, коллекционирование, собиране почтовых и гербовых марок, конвертов с марками и штампами, а также бумажных денежных знаков разных стран» [28]. Однако общеизвестно, что гербовые марки прямого отношения к филателии не имеют, а денежные знаки являются объектами бонистики. Кстати сказать, бонист отнесли к филателии также словари Ушакова, Ожегова и академический словарь современного русского литературного языка.

В большинстве изданий утверждается, что коллекционным материалом филателии являются только почтовые марки, тогда как к нему следовало бы отнести все знаки почтовой оплаты.

Думается, что нет никакой необходимости вместо утвердившегося термина «филателия» давать неуклюжее словообразование «филателизм», как это делают некоторые словари и энциклопедии [24, т. 9; 25, стр. 1079; 32], поскольку принятый термин сложился исторически, этимологически обоснован и нашел всеобщее признание во всех странах мира.

В наше время, когда библиофилия вышла широкого распространение и появился современный пылкий, ищущий новое, стремящийся к знаниям книголюб (кстати сказать, наши словарно-энциклопедические издания пока не заметили появления этого нового термина, подчас заменяющего термин «библиофил»), неправомерно утверждать, как это делается во втором издании БСЭ, что «центром внимания собирателя является, главное, не содержание книги, а ее внешние признаки. Книги для библиофила являются не столько источником научных знаний, сколько вещь, предметом коллекционирования» [23, т. VI], или в Энциклопедическом словаре (1948 г.), что библиофилия заключается в «коллекционировании книг, главным образом, из интереса к внешней стороне книги (формат, бумага, шрифт, рисунок, редкое издание и пр.)» [27]. Ведь, строго говоря, в данном случае речь идет даже не о библиофилии, а о библиомании, т. е. о таком направлении в коллекционировании, которое в нашей стране давно исчезло.

Надо признать, что статьи по библиофилии в современных изданиях в большей своей части обращены к ее прошлому и не дают возможности составить представление о состоянии, направлении и особенностях этого вида коллекционирования в наше время, а также о значении, которое книголюб играют теперь в пропаганде литературы, продвижении книг в массы.

В словаре иностранных слов (1949 г.) и в третьем издании БСЭ впервые появились статьи, посвященные бонистике, которая трактуется не как отрасль коллекционирования, а как «вспомогательная историческая дисциплина, изучающая вышедшие из употребления денежные знаки и бонусы как исторический документ» [23, т. 3].

Такие виды коллекционирования, как филокартия, филумения, фалеристика и жембристикка, получившие широкое распространение в наше время, не нашли отражения в современных словарях и энциклопедиях. Исключением снова служит Педагогическая энциклопедия, которая дает краткие сведения о филокартии и филумении. Следует только отметить, что почтовые открытки являются объектами коллекционирования филателии, а не филокартии, памятные же значки и жетоны относятся не к нумизматике, а к фалеристике.

Общеизвестно, что каждое новое издание словарей и энциклопедий освещает

современное состояние проблем науки, техники и культуры с учетом новых понятий и терминов. Почему же это не относится к коллекционированию? Почему оказалось возможным его освещение на уровне прошлого столетия, без учета огромных изменений, которые произошли в советский период в этой области культуры? В наши дни коллекционирование превратилось в массовое явление, приобрело серьезное культурное и воспитательное значение. Хотелось бы, чтобы в научных справочных изданиях вопросы коллекционирования нашли такое освещение, какого заслуживает эта область культуры.

На наш взгляд, есть необходимость более полного определения общих понятий коллекционирования, которое бы кратко, но с необходимой полнотой раскрывало их сущность и общественное значение.

Обобщив все, что уже сделано в этом отношении, а также используя основные положения Устава ВОФ, попытаемся предложить для обсуждения такие определения основных понятий:

1. Коллекция — систематизированное собрание предметов материальной и духовной культуры или объектов природы, с необходимой полнотой раскрывающее намеченное содержание, имеющее научное, историческое, художественное, познавательное или иное значение и оформленное для личного или общественного использования.

2. Коллекционер — собиратель предметов материальной и духовной культуры или объектов природы, изучающий, систематизирующий и оформляющий их в коллекцию определенного содержания, имеющую научное, историческое, художественное, познавательное или иное значение, и творчески использующий ее в личных или общественных целях.

3. Коллекционирование — целенаправленное собиране, изучение, систематизация предметов материальной и духовной культуры или объектов природы и оформление их в коллекцию определенного содержания, предназначенную для личного или общественного использования. Коллекционирование является одним из видов общественно полезной деятельности, сочетающей разумный отдых с расширением культурного и общеобразовательного кругозора трудящихся и особенно молодежи, а также методом научных исследований в различных областях науки.

своих собраний. Многие русские филателисты вступили в начале восьмидесятых годов в члены учрежденного в 1877 г. Дрезденского международного филателистического общества. Одним из первых русских филателистов, вступивших в это общество, был Г. Любкерт, впоследствии председатель Петербургской секции Общества. Спустя некоторое время членами того же Общества стали будущие председатели московского и петербургского филателистических кружков И. Зиверт и Ф. Брейтфус. В январе 1880 г. Дрезденское общество основало свой печатный орган — филателистическую газету «Der Philatelist» («Филателист»). Многие члены Общества из числа живших в России с самого начала стали ее корреспондентами.

Начало организованному отечественному филателистическому движению было положено только в 1883 г. 28 сентября этого года известные в Москве собиратели почтовых марок — члены Дрезденского международного филателистического общества — Э. фон-дер-Бек, Г. Штекель, И. Зиверт и другие собрались на квартире последнего для обсуждения вопроса о создании Московского общества собирателей почтовых марок. Они приняли решение «образовать в Москве такое общество или кружок», чтобы «сходиться в определенные дни, совершать между собой обмен дублетами, приобретать новые марки и, вообще, с большим удобством и единодушным заниматься филателией, этой новейшей отраслью человеческого знания» [1].

Было решено: до утверждения устава Общества объединиться в кружок в качестве секции Дрезденского международного филателистического общества и собираться для занятия филателией в первый и третий понедельники каждого месяца. Председателем кружка был избран И. Зиверт, секретарем — Г. Зикель. Такие собрания проводились с тех пор регулярно в течение многих лет.

Два месяца спустя, 5 декабря 1883 г., состоялось объединение группы петербургских собирателей почтовых марок. В этот день двенадцать коллекционеров — также членов Дрезденского международного филателистического общества — собрались в ресторане Лейнера на учредительное собрание. Оно открылось сообщением представителя инициативной группы о том, что петербургский градоначальник

ские замечания. Но надо с чего-то начать. Давайте обсудим и наиболее точно сформулируем столь близкие нам, коллекционерам, понятия.

ИСТОЧНИКИ

1. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Содержащий: разные в российском языке встречающиеся термины, значение которых не всякому известно... Изданный И. М. Яновским в СПб. [С.-Петербургской] имп. Академии наук, 1804, ч. 2, стр. 271.
2. Энциклопедический словарь. Составленный литераторами и отпечатанный в типографии С. Селивановского. М., 1823—1825, ч. 3, стр. 212—215.
3. Общий церковно-славянский словарь, или собрание речений как отечественных, так и иностранных... По поручению Комитета устроения ученых заведений составил П... С... [Соколов, П. И.]. СПб. [С.-Петербург], 1834, ч. 1, стр. 1176; ч. II, стр. 1295.
4. Энциклопедический лексикон. Издание А. А. Плюшара. СПб., 1836, т. 5, стр. 483—489.
5. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук. СПб., 1847, т. 1, стр. 46; т. IV, стр. 165.
6. Справочный энциклопедический словарь. Под редакцией А. Старчевского. Издание К. Крайи. СПб., 1849, т. II, стр. 332.
7. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863, ч. 1, стр. 75; 1865, ч. 2, стр. 747; 1866, ч. 4, стр. 128.
8. Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний. (Справочный энциклопедический лексикон). Составлен под ред. В. Р. Зотова и Ф. Толля. СПб., 1863, т. 1, стр. 258; 1864, т. II, стр. 509.
9. Русский энциклопедический словарь, издаваемый проф. СПб. Ун-та П. И. Березинным. СПб., 1873, отд. 1, т. III, стр. 634—637, 649—641; 1878, отд. II, т. III, стр. 274.
10. Всенародный (энциклопедический) словарь, составленный под ред. В. Клюшников. СПб., 1878, стр. 230, 941.
11. Словарь практических сведений, необходимых в жизни всякому. Издание Л. Смирнова. СПб., 1884, вып. 1, стр. 101; вып. 9, стр. 768—772.
12. Е. И. Аркадьев. Словарь библиофила, т. е. слов касающихся книжного и печатного дела. М., 1890, стр. 20, 21, 24. Изд. 2, Сызрань, 1903, стр. 12, 13.
13. Энциклопедический словарь. Ред. П. Е. Андреевский. Издание Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1891, т. III, стр. 785—787.
14. Словарь русского языка, составленный Вторым Отделением имп. Академии наук. СПб., 1891, т. 1, вып. 1, стр. 182; 1911, т. 4, вып. 5, стр. 1499.
15. Энциклопедический словарь издателя Ф. Павленко. СПб., 1899, стр. 222.
16. Настольный энциклопедический словарь Товарищества Бр. А. и И. Гранат и К^о. Изд. 5. М., 1901, т. 2, стр. 556; т. 5, стр. 2229.
17. Энциклопедический словарь. Составлен под ред. М. М. Филиппова. СПб., 1901, т. I, стр. 433; т. II, стр. 1701; т. III, стр. 3310, 3747.
18. Новая энциклопедия всех энциклопедий... Составленная кружком специалистов под общ.

- ред. П. И. Островского и К. Г. Урусова. т. II, ч. XIV. М., 1904—1905, стр. 105—112, 125—131, 131—136.
19. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. Т. 21. Под ред. С. Н. Южакова. СПб., 1908, стр. 548—549.
20. Энциклопедический словарь русского библиографического института «Гранат». 7-е переработанное издание. 1910, т. 5, стр. 551; 1920, т. 43, стр. 479—485.
21. Малый толковый словарь русского языка. Составил П. Е. Стоян. СПб., 1912, ч. I, стр. 456; 1913, ч. II, стр. 559.
22. Новейший энциклопедический словарь. Под общ. редакцией ред. коллегии «Вестник знания». Л., 1926—1927, кн. II, стр. 285; кн. VI, стр. 1241; кн. XI, стр. 2632.
23. Большая советская энциклопедия. М., 1927, т. VI, стр. 199—200. Изд. 2, 1953, т. 21, стр. 628; 1956, т. 45, стр. 87. Изд. 3, 1970, т. 3, стр. 312—313, 554.
24. Малая советская энциклопедия. М., 1929, т. IV, стр. 38. Изд. 2, 1937, т. 5, стр. 63; 1947, т. II, стр. 171. Изд. 3, 1959, т. 4, стр. 96; 1960, т. 9, стр. 980.
25. Толковый словарь русского языка. Ред. Д. Н. Ушаков. М., Огиз, 1935, т. I, стр. 139; 1934, 1936; 1949, т. IV, стр. 331, 333, 1079.
26. Словарь современного русского литературного языка. АН СССР. Ин-тут русского языка М.-Л., Изд-во АН СССР, 1948, т. 1, стр. 49; 1956, т. 5, стр. 1167; 1959, т. 8, стр. 701—702; 1963, т. 14, стр. 17; 1964, т. 16, стр. 1372.
27. Энциклопедический словарь. Ч. I. Гл. ред. Ф. И. Петров. М., «Советская энциклопедия», 1948, стр. 497.
28. Словарь иностранных слов. Под ред. И. В. Лейкина и Ф. И. Петрова. Изд. 4, переработанное и дополненное. М., Гос. науч. изд-во ин-та и национ. словарей, 1954, стр. 106, 116, 333, 734.
29. Энциклопедический словарь. Гл. ред. Б. А. Введенский. М., «Советская энциклопедия», 1954, т. 2, стр. 106; 1955, т. 3, стр. 510.
30. Словарь русского языка. Пред. ред. колл. С. Г. Бархударов. АН СССР. Ин-тут языкознания. М., Гос. науч. изд-во ин-та и национ. словарей, 1957, т. I, стр. 192; 1958, т. II, стр. 94, 704; 1961, т. IV, стр. 236, 772.
31. Педагогический словарь в двух томах. Т. 1. Гл. ред. П. А. Капиров. Изд-во Академии педагогических наук. М., 1960, стр. 533—534.
32. Энциклопедический словарь в двух томах. Т. 2. Гл. ред. Б. А. Введенский. М., «Советская энциклопедия», 1964, стр. 577.
33. Педагогическая энциклопедия. Гл. ред. П. А. Капиров. М., «Советская энциклопедия», 1965, стр. 439—442, 442—443.
34. Словарь русского языка. Состав. С. И. Ожегов. Изд. 8, стереотипное. М., «Советская энциклопедия», 1970, стр. 277, 729, 839.
35. Устав Всесоюзного общества филателистов (ВООФ). М., 1970, стр. 1, §§ а, б.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛАТЕЛИИ

СОБИРАНИЕ ПОЧТОВЫХ МАРОК
стало распространяться во многих странах в шестидесятых годах прошлого столетия. Но если на Западе к концу десятилетия и к середине следующего уже были созданы национальные и даже международные филателистические организации, то в России только стали выявляться отдельные, никак необъединенные собиратели-одиночки. Это были люди, по природе склонные к собирательству, увлеченные новым объектом коллекционирования, но были среди них и торговцы — чаще всего букинисты и антиквары, видевшие в почтовой марке лишь обещающий выгоду товар.

Некоторые филателисты-любители, как их, в отличие от торговцев, тогда часто называли, по мере возникновения иностранных филателистических организаций становились их членами. В этом выражалось стремление к общению с товарищами по увлечению, к обмену опытом и знаниями и, разумеется, к пополнению

оложительно отнесся к намерению членов Дрезденского общества собираться для занятий филателией и разрешил такие собрания отношением № 11520 от 17 ноября 1883 г. Собравшиеся приняли решение именовать себя «С.-Петербургской секцией Дрезденского международного филателистического общества». Председателем был избран В. Сабанин, а секретарем — Ф. Врейтфус. Собрания постановили проводить в том же ресторане дважды в месяц, в первый и третий вторники. Письмом от 6(18) декабря 1883 г. секретарь Секции Ф. Врейтфус довел это до сведения первого секретаря Дрезденского общества [2].

Оба филателистических кружка немедленно приступили к работе.

Деятельность Петербургской секции довольно легко проследить по протоколам ее собраний, регулярно публиковавшимся в дрезденском «Филателисте». С самого начала работы кружка было принято, что собрания, в основном, будут посвящаться просмотру и изучению знаков почтовой оплаты, находящихся в коллекциях присутствующих филателистов. К руководству был принят «новый каталог Моонса», а также другие известные каталоги. Проводил такие собрания Ф. Врейтфус. 20 декабря 1883 г. на первом после организации кружка собрании он предложил для обозрения новые русские государственные марки, только что выпущенные в обращение, а также новый выпуск марок Херсонского земства с лиловой надпечаткой вместо синей. 31 января 1884 г. после ознакомления с официальными документами о введении в Петербурге (1845 г.) и в Москве (1846 г.) штемпельных «кувертов» члены кружка демонстрировали все эти куверты и попутно эскизы кувертов, проектировавшихся тифлисским губернским почтмейстером Криденером для Кавказа и утвержденных 24 января 1848 г. кавказским наместником кн. Воронцовым, но отклоненных Почтовым департаментом и потому в обращение не поступивших. На другом собрании Ф. Врейтфус демонстрировал все первые русские марки с орлом и головой Меркурия (1856 г.), а также штемпельных конвертов общегосударственной почты на бумаге с водяным знаком «Орел», которые подготавливались для эмиссии 1848 г.

Намерение членов кружка и далее проводить на собраниях такую программу

занятий косвенно подтверждается принятием вскоре решения штрафовать в сумме 10 копеек каждого, не принесшего на заседание свой альбом марок. Накопленные таким образом деньги предполагалось тратить на приобретение и розгрыши между членами кружка «редкостей» [3].

Более четверти века (до 1910 г.) существовал петербургский кружок филателистов. Это была весьма замкнутая группа из очень состоятельных людей. В нее входили члены аристократических фамилий, владельцы и доверенные крупных промышленных и торговых фирм, преимущественно немецких, и высокопоставленные чиновники. Менялся состав Правления, естественные изменения претерпевал и личный состав кружка, но члены его систематически собирались в положенные дни в избранном для встреч ресторане и действительно «с большим удобством» занимались филателией. Не выходя за рамки Положения о секциях, они были вполне удовлетворены этим своим статусом, не пропагандировали свою деятельность и не стремились к пополнению своих рядов. Публикуя неизменно протоколы своих собраний в дрезденском «Филателисте», кружок даже впоследствии, в середине девяностых годов, когда уже появились русские филателистические журналы, не вышел со своей информацией на их страницы.

Состав московского кружка филателистов был демократичнее петербургского. В нем не царил немецкий дух и не господствовал немецкий язык. В отличие от своих петербургских собратьев, москвичи не склонны были замыкаться в своей среде. Наоборот, они усиленно пропагандировали филателию и боролись с существовавшим в то время в широких кругах пренебрежительным к ней отношением, а также с «неэтичной» деятельностью некоторых торговцев и собирателей марок.

Вынужденные временно пойти на оформление кружка как секции иностранного общества, члены его тогда же, на учредительном собрании, выразили желание именоваться не Московской секцией, а «Собранием московских членов Дрезденского международного филателистического общества». По поручению собрания его секретарь Г. Зикель в подробном письме от 3(15) октября 1883 г. сообщил об этом первому секретарю Дрезденского общества, доктору юридических наук

П. Клоссу и одновременно известил его, что собрания секции будут происходить на квартире председателя И. Зиверта в доме Торопова в Архангельском переулке¹ и что на собрания будут допускаться только члены Общества [4].

Определив свои цели и наметив программу деятельности, московские филателисты приступили к выработке проекта устава «Московского общества собирателей почтовых марок». В нем предусматривалось, что Общество, наряду с оказанием содействия своим членам в пополнении коллекций, должно вести широкую исследовательскую работу, заниматься классификацией «всех русских почтовых знаков, выпущенных в обращение правительственной и земскими почтами и, вообще, изучать русское почтовое дело во всех стадиях его развития». Кроме того, намечалось, пропагандируя филателию, «распространять в публике более трезвый и согласный с правдой взгляд на истинные задачи собирания почтовых марок, состоящие между прочим и в собирании материалов для изучения почтового дела» [1].

Ни первый, представленный в соответствующие органы, проект устава, ни второй, составленный «по образцу Устава Московского нумизматического общества», не были утверждены. Тем не менее кружок, продолжавший внутри страны именовать себя «Московским обществом собирателей почтовых марок», свою деятельность не прекратил. Три с половиной года (до мая 1887 г.) это Общество функционировало, не имея ни устава, ни хотя бы разрешения на проведение собраний. Затем деятельность кружка по указанным причинам пришлось временно прекратить, и только в феврале 1888 г. после долгих и упорных хлопот кружок был в известной мере легализован. Устав так и не утвердили, но полученное из канцелярии московского генерал-губернатора свидетельство № 1950 на право помещения публикаций в газетах косвенно разрешало деятельность «Московского общества собирателей почтовых марок». Она возобновилась в сентябре того же года и продолжалась еще почти 10 лет.

В трудных условиях пришлось московским филателистам осуществлять свою

деятельность; и не только из-за выпавших на их долю «административных испытаний», но и вследствие царивших в то время в среде филателистов нравов и обычаев. Большинство собирателей (не только профессиональные торговцы марками) стремилось лишь к максимальному накоплению марок, притом, по возможности, — ценных. Ведь собирание марок пришло в Россию с Запада, из Германии, и вместе с этим благородным увлечением в нашу страну были занесены сопровождавшие его с самого начала дух шаживы, недобросовестность и, по меньшей мере, «законный материальный интерес». Уже на заре филателии, в 1869 г. для борьбы с мошенничеством и недобросовестностью в этом занятии при Южно-Германском филателистическом союзе было создано «Общество по борьбе с антифилателистическими элементами» (Verein zur Unterdrückung antiphilatelischer Elemente), которое раскрыло в то время ряд махинаций и привлекло к суду многих фальсификаторов [5]. Однако родимые пятна продолжали уродовать тело филателии и повинны в этом были не только профессиональные марочные торговцы.

Уже в начале нашего века на съезде немецких филателистов в г. Пфорцгейме (1903 г.) отмечалось: «Не особенно приятно и лестно открывать мрачную и печальную сторону филателии, т. е. обман и подделки...», но «в филателии проделки недобросовестных собирателей и торговцев особенно резко бросаются в глаза...». За 4 года, прошедшие со дня основания «Доверительного корреспондентского листа филателистического общества» в нем опубликовано более 1000 фальсификатов и 1500 недобросовестных поступков [6]. Борьба с этими пороками по смыслу сделанного на съезде доклада должна была продолжаться, но материальный интерес при обмене и продаже коллекционных марок не только не преследовался, а даже поощрялся. Докладчик закончил свое выступление словами известного немецкого собирателя марок, говорившего: «...осмысленный обмен и продажа (почтовых марок) наверное часто приносили тебе барыши. Прими к этому делу органы Союза, и тогда ты вскоре ощутишь благословение дела» [7]. Такого рода со-

¹ В октябре 1884 г., в связи с переездом И. Зиверта на другую квартиру, местом собраний Московского общества стал дом Косова на Кисловке, а с декабря того же года — гостиница «Вилла» на Б. Лубянке.

ты, особенно учитывая социальный состав собирателей того времени, упали в сени на благодатную почву. Выгода чаще была импульсом к собиранию почтовых марок.

Встречи в кружках начинались, как авидо, с ознакомления с почтовыми рисами, как только что выпущенными, к прежним выпускам различных стран, ставшими на встречу членами кружков присланными для продажи марочными торговцами. Обмен марками или приобретение их друг у друга производилось между членами кружка непосредственно, а расчеты за марки, приобретенные из числа присланных торговцами, — реж секретари кружка или через уполномоченного на то члена кружка, имевшегося «заведующим обменом». Такое пополнение коллекций не всегда и везде протекало гладко, но лучшегоособа в то время не существовало.

На регулярно проводившихся встречах, наряду с пополнением своих коллекций, члены Московского общества занимались изучением не только иностранных, но и русских почтовых марок, главным образом земских. Результаты такого изучения отражались в докладах и сообщениях, которые делались на встречах, а в второй половине девятидесятых годов они стали публиковаться на страницах появившихся в то время русских филателистических журналов. Ряды собирателей почтовых марок хотя и медленно, но росли. Пропагандируя коллекционирование, направленное к созданию «собрания... отъ чем-нибудь поучительного» [1]. Обществу все же удалось возбудить интерес осмысленному собиранию марок. Первым на это откликнулся петербургский издатель Г. Р. Кирхнер, выпустивший в 1889 г. первый русский «Иллюстрированный альбом для марок всех стран». Он был составлен И. Кренингом. А через два года, в 1891 г., известная книготорговая фирма М. О. Вольф (Петербург—Москва) издала книгу М. И. Васильевского «Собрание марок (филателист). Руководство к собиранию почтовых марок, конвертов, штемпелей и т. п.». Это были первые источники русской филателистической литературы. Спустя пять лет начали выходить в свет русские филателистические журналы, издание которых в дальнейшем более не прекращалось.

Одно за другим возникали новые объе-

динения собирателей марок. В 1892 г. в Петербурге почти одновременно образовались 2 кружка: один назвался «С.-Петербургским обществом «Глобус», а другой — «С.-Петербургским филателистическим обществом». В первом кружке вначале было всего четыре человека, а во втором — восемь. 6 мая 1893 г. кружки объединились под названием «1-е Санкт-Петербургское филателистическое общество». Председателем его был избран Зальцер, а первым секретарем — Стефани, бывший ранее председателем «Глобуса». К этому моменту в Обществе насчитывалось около 20 членов, из которых половина ранее состояла в «Глобусе». Жизнь нового общества была, однако, недолговечна. 1 июня 1894 г. оно прекратило свое существование.

Все перипетии организации общества и его ликвидации отражены в Бюллетене филателистических обществ, издававшемся в качестве приложения к «Иллюстрированному филателистическому журналу» братьев Зенф в Лейпциге [8]. Судя по материалам Бюллетеня, деятельность Общества дальше купли-продажи коллекционных материалов не пошла. Между некоторыми его членами и Правлением возникли разногласия по поводу «торговой политики» последнего, и разногласия эти приняли чрезвычайно острую форму. Один из членов Общества, И. Рожевич, впоследствии член ликвидационной комиссии, обратился в вышеупомянутый лейпцигский журнал с письмом, которое он озаглавил как «Крик о помощи» («Not-schrei»). Он протестовал против «безбесстыдных злоупотреблений», которые совершаются в Обществе спекулянтами, прикрывающимися званием члена общества, и обвинял Правление в том, что оно этим злоупотреблениям не только не препятствует, но способствует. Это письмо и выступление других членов Общества в филателистической печати побудили Правление подать в отставку, и Общество было обращено к ликвидации.

Позднее, в 1895 г., Рожевич в качестве ответа на неоднократно поступающие к нему запросы о причинах ликвидации Общества и в назидание потомству выпустил в Петербурге брошюру «К истории 1-го С.-Петербургского филателистического общества». Вступающие в филателистическое общество и те, которые вступают позднее, — писал автор, — еще дол-

го не будут подготовлены к тому, чтобы состоять в обществе. Они нуждаются в поддержке, в частности при приобретении ими коллекционных материалов, а попадают в общество, которое превращено в «биржу почтовых марок», ибо «даже среди уже известных коллекционеров есть такие, которые, ориентируясь на неосведомленность и неопытность новичков, пытаются их по возможности одурачить» [9].

Кто собирал в то время марки?

Ответ на этот вопрос находим в статье «Нечто о собирании марок»²⁾: это «судьи, присяжные поверенные, офицеры, торговцы, духовные, инженеры, врачи, нотариусы, банкиры, фармацевты, дамы, девицы и, наконец, учащийся мир». Рядовых рабочих и служащих в этом списке нет да и не могло быть в то время. В силу тяжелого материального положения и низкого культурного уровня они, естественно, не могли испытывать влечения к собирательству. Отсутствие заметных положительных сдвигов на попрание собирания почтовых марок было зафиксировано в названной нами статье и в брошюре, изданной к десятилетнему юбилею Общества московских филателистов. «Не особенно блестяща и широка деятельность Общества, — говорилось в последней, — но это потому, что само собирание почтовых марок на серьезных основаниях (подчеркнуто мною. — М. И.) есть дело в России новое и непрочное, часто вызывающее со стороны лишь улыбки и насмешки» [1], а автор статьи «Нечто о собирании марок» по-прежнему привлекает читателей к этому занятию не разъяснением его серьезности и полезности, а возможностью приобретения «редких, ценных марок и других знаков почтовой оплаты», которыми не менее интересно владеть, чем, скажем, редкой монетой или ценным оружием.

Через год после ликвидации «1-го С.-Петербургского филателистического общества», 30 сентября 1895 г., в столице объединилась еще одна группа филателистов. Основателями нового кружка, насчитывавшего 16 действительных и двух членов-корреспондентов, были русские собиратели почтовых марок Бакман, Барклай-де-Толли, Лядов, Томсон, кн. Шаховской и Эндер (состоявший ранее в 1-м Петербургском филателистическом обществе).

²⁾ Ж. «Марки», Киев, 1896, № 4, стр. 61.

Председателем кружка был избран Э. Эндер, секретарем — В. Меринг. Собрания проводились в первой половине 1896—1897 гг. в ресторане Шпангенберг, а позднее в гостинице «Виктория».

Новый кружок организовался также в качестве русского отдела иностранного филателистического общества, но на этот раз даже не международно, а местного — «Германского (немецкого) общества филателистов» (из Gössnitz'a) [8]. Русские филателисты пошли на это из-за трудности, с которыми в царской России было сопряжено учреждение новых общественных организаций, и, наоборот, из-за легкости, с какой в качестве секции — группы членов иностранного общества — можно было получить разрешение на проведение собраний и осуществление своей деятельности.

Иностранное филателистическое общество, согласно разработанным ими положениям о секциях, предоставляли последние право действовать на основании ими самими выработанных уставов, требуя только, чтобы такой устав не содержал в себе положений, противоречащих уставу самого Общества, а Дрезденское международное филателистическое общество требовало, кроме того, чтобы все вступающие в члены его секций одновременно становились его членами [10].

В отличие от первого петербургского кружка филателистов, бывшего секцией Дрезденского международного филателистического общества и сохранившего в течение 27 лет своего существования приверженность к этому Обществу и к немецкому языку, «Русский отдел Германского общества филателистов» на заседании от 24 марта 1897 г. отказался от принятого до того времени в делопроизводстве и на заседаниях немецкого языка и перешел на русский язык (сохраняя, впрочем, за членами Общества, им же владеющими, право пользоваться любым из общепринятых языков). Было установлено, что действительными членами Кружка могут быть только лица, достигшие совершеннолетия, которое по российским законам наступало в 21 год. Несовершеннолетние принимались в кандидаты. Для действительных членов, как для жителей Петербурга, так и для иногородних, именовавшихся членами-корреспондентами, членский взнос был

становлен в размере 5 руб. в год, для кандидатов — в сумме 3 руб., в иных случаях с правом бесплатного почтения журнала «Всемирная почта». В 1897 г. в кружок было принято 5 членов, в его рядах уже состояли 31 действительный член и один член-корреспондент.

К тому времени, когда организовался Русский отдел Германского общества филателистов, в Риге уже существовало Рижское общество любителей почтовых марок — филателист-исследователь земский рач Евгений Вохман. Действовало также Общество собирателей почтовых марок Гельсингфорсе (Финляндия, ныне г. Хельсинки), основалось «Одесское общество собирателей почтовых марок».

В 1897 г. в Петербурге начал издаваться филателистический журнал «Всемирная почта». Его выход в свет приоткрывал «Русский отдел Германского филателистического общества» как «национальное событие для отечественной русской филателии» и на одном из собраний (10 февраля) принял решение издать журнал своим органом и впредь публиковать в нем все протоколы и отчеты.

Русский отдел Германского общества филателистов заключил с издателями журнала соглашение, по которому принял на себя половину расходов по изданию и в том же размере участие в прибылях и убытках. Было решено: содержание журнала впредь приоритетно, главным образом, к интересам начинающих или малоопытных собирателей, расширить отдел новостей, увеличить количество статей на филателистические темы и открыть специальный отдел земских марок.

Здесь уместно отметить, какое место занимали земские марки в коллекциях тогдашних филателистов.

Земские почтовые марки с самого начала привлекли к себе внимание русских собирателей почтовых марок. Многообразие, оригинальность рисунка и формы, красочность делали их желанным объектом в каждой коллекции. Интерес к земским маркам России и спрос на них стали особенно заметны в начале восьмидесятих годов. В 1883 г. председатель

Московского общества собирателей почтовых марок И. Зиверт отправил Дрезденскому филателистическому обществу коллекцию земских марок. Судя по характеру выраженной Обществом благодарности, эта коллекция была послана в подарок. Сообщая об этом, «Филателист» отметил, что «такая (по качеству) коллекция никогда еще не предлагалась»³. В следующем году Зиверт направил в редакцию того же журнала статью о земских марках Тверской губернии. Члены московского кружка филателистов, «по крайней мере значительная их часть», в течение первых 10 лет существования кружка занимались, главным образом, изучением земских марок [1]. Большое внимание уделяя исследованию земских марок и Петербургский кружок.

После опубликования в 1875 г. фирмой Моэне в Вельгии известной работы киевского филателиста С. Копровского под названием «Les Timbre-Poste ruraux de Russie», явившейся первым каталогом русских земских почтовых марок, они стали широко известны и за рубежом.

Не оставили без внимания повышение спроса на земские марки, конечно, и торговцы — в первую очередь, зарубежные. И вскоре с их стороны обнаружилась тенденция к скупке этих марок в больших количествах. Они решили поставить торговлю земскими марками на широкую коммерческую основу. В 1893 г. Павел фон Тресков из Рюттеншейда (в Рейнской обл.) основал «Международный союз собирателей земских марок для обмена и покупки» («Internationaler Tausch und Kaufverband für Semstvomarkensammler»). Союз этот имел 5 отделений: С.-Петербургское (в 1898 г. оно было закрыто), Московское, Польское, Южно-русское и Германско-австрийское. К 1898 г. в Союзе состояло 105 членов, из которых 2/5 проживали в России. Это были те основные каналы, по которым в конце прошлого века земские марки в огромном количестве поступали к иностранным марочным фирмам и коллекционерам [11].

Для того чтобы упорядочить и облегчить членам Дрезденского общества приобретение русских земских почтовых марок, первый секретарь Общества решил взять это дело в свои руки. На 60-м заседании Общества (17 февраля 1883 г.)

он объявил, что им получены из России сведения о ценах на земские марки и что лица, не входящие в объединение торговцев, могут по вопросам приобретения этих марок обращаться к нему [12]. Как удовлетворялся при этом спрос членов Общества на земские марки — неизвестно.

Русские филателисты, как это ни парадоксально, в значительной степени снабжались такими марками из-за границы. Правда, известны случаи приобретения ими марок непосредственно в земских управах⁴, но последние потребность коллекционеров в марках не удовлетворяли.

В марте 1896 г. в Киеве вышел в свет журнал «Марки» (издатель Д. Соломкин). Это был, как отмечалось на его обложке, «Первый русский иллюстрированный ежемесячный журнал для любителей и собирателей почтовых и иных марок». В первый год издания он выпускался на русском и французском языках.

Сложившееся в обывательских кругах России с самого начала неуважительное отношение к собиранию почтовых марок ярко отразилось в первых же номерах нового журнала. В «почтовом ящике» среди ответов читателям мы находим такой: «...современные почтовые марки низкого цен также можно (подчеркнуто мною.— М. И.) собирать, но они не годны в коллекции по своей незначительной ценности и употребляются для оклейки стен...». А ведь журнал предназначался «любителям марок», т. е. коллекционерам (!). Впрочем, удивляться нечему. Тут же помещено сообщение издателя журнала — марочного торговца, что он прекращает продажу малоценных и средних (очевидно, по ценности) иностранных марок и распродает их или меняет на русские. Более того, издатель, он же редактор, счел уместным перепечатать из «Одесского листка» пасквиль Г. Дорошевича «Тоже общество». В этом фельетоне автор выражает сожаление, что собиратели «старых почтовых марок, «не собирают кроме того «старые подошвы, ореховую скорлупу и картофельную кожу» и что всего их 20 человек, ибо если бы собирателей было 200 и они собирали перечисленные отбросы — «город представлял бы из себя идеал чистоты». Эта «страница» была опубликована в «Листке» по поводу годовщины Одесского общества

собирателей марок! Справедливость требует отметить, что издатель журнала сопроводил фельетон примечанием от редакции, в котором как бы осудил его автора, указав, что пишет он «о том, чего вовсе не знает», но невольно направляется вопрос: кому на потребу этот фельетон перепечатывался?!

С третьего номера журнал становится официальным органом Московского общества собирателей почтовых марок, и содержание его в связи с этим кардинально изменилось.

Отражая деятельность Московского общества, журнал «Марки» в 1896 и 1897 гг. публиковал протоколы его заседаний, печатал серьезные статьи и заметки на филателистические темы. Кроме того, в разделе «Хроника» помещалась информация о новых иностранных и русских марках, а также о событиях филателистической жизни в России и за рубежом. Широкая информация о выпущенных и выпускаемых русских государственных марках (а не только о земских, как практиковалось в иностранных филателистических изданиях и, по их примеру, поначалу и у нас) свидетельствовала о возросшем к ним именно в эти годы интересе. Этот поворот лицом к русским маркам журнал отразил в № 17 от 15 мая 1897 г., поместив от редакции сноску, в которой говорилось: «Начинаем с берегательных марок, почти неизвестных темброфилам...» (в журнале неоднократно отмечается, что его редакция предпочитает термины «тембрология» и «темброфилия» термину «филателия»).

Журнал «Марки» издавался до 1902 г. В связи с закрытием Московского общества, он с 1898 г. выходил в качестве органа «Киевского кружка собирателей почтовых марок».

После ликвидации Московского общества филателистов оказался в то время в России самым большим и популярным объединением собирателей почтовых марок. Не скрывая замкнутостью, которая была свойственна первому кружку петербургских коллекционеров, он продолжал расширять и углублять свою полезную для русской филателии деятельность.

По протоколам заседаний Кружка, регулярно публиковавшимся во «Всемирной

⁴ См. статьи Ю. Рудикова о земских марках в сб. «Советский коллекционер», вып. 7 (1970), стр. 51 и вып. 9 (1971) стр. 93, 103.

³ Ж. «Филателист», Дрезден, 1883, № 4, стр. 36.

что», можно проследить, как развивалась его деятельность и рос его численный состав. В 1897 г. на встречах было сделано 9 сообщений на филателистические темы и в журнале напечатано 12 статей. В 1898 г. было заслушано 14 сообщений, в том числе доклады Э. Эндера «О мерах, предпринимаемых правительством для предохранения от подделок» и Н. Сидникова «О конвертах России», «О темпелях погашения австрийских марок» (с демонстрацией коллекции) и «О арабских швейцарским филателистическим конгрессом правила покупки и продажи редких марок». На заседании 3 апреля 1898 г. членом Общества Д. Казаковым демонстрировалась специальная коллекция марок Франции и колоний, «ценность которой определялась в то время — до 40 тысяч франков». 9 октября 1898 г. состоялось избрание председатели рижского общества любителей почтовых марок доктора Е. Вохмана почетным членом Общества за его «исключительную деятельность... на пользу отечественной филателии». При этом отмечались его работы: «Почтовые марки Российской Государства и способы их погашения», «Об официальных и частных арках», «О положении марок земских округ, восточной корреспонденции и марок анденского округа». На заседании 4 мая 1898 г., в связи со значительным расширением деятельности кружка, обсуждался вопрос о расширении состава Правления.

Первые годы нового столетия были отмечены заметным повышением у нас в стране интереса к собиранию марок, при этом к собиранию «серьезному». Русские журналы широко информировали своих читателей о филателистической жизни за границей, в частности, о филателистических выставках. Это подогревало интерес коллекционированию, вызвало встречную инициативу. Так, на 1901 г. в Варшаве планировалась первая в России филателистическая выставка. По неизвестным причинам она, однако, не состоялась («Марки», 1901, № 5).

В 1901 г. киевской фирмой А. Соколы был выпущен составленный братьями Адольфом и первым русским описательный и иллюстративный каталог почтовых марок с 2000 рисунками, содержащий все почтовые марки, изданные со дня выпуска первых почтовых марок до сего года, 1840—1900 с приложением филате-

листического словаря. Попытка издания аналогичного каталога — «Первого русского иллюстрированного каталога-прейскуранта почтовых марок государства всего земного шара» — была предпринята еще в 1897 г., но тогда в свет вышел только один выпуск каталога, доведенный до Азорских островов («Марки», Киев, 1897, № 22, стр. 498).

В начале 1902 г. в Пскове вышел первый номер иллюстрированного журнала «Коллекционер». Он предназначался не только для филателистов, но и «для собирателей всякого рода коллекций». Его редактор-издатель А. Заборовский ставил, в числе прочих, задачу: «знакомить своих подписчиков-филателистов со всеми вновь выходящими знаками почтовой оплаты».

В 1903 г., как бы на смену киевскому журналу «Марки», в Петербурге начал выходить «Первый русско-американский филателистический журнал «Марки и коллекционер» (редактор-издатель Ю. Штауф). Объявив в первом номере издания своей задачей «сделаться справочником собирателей в России», редакция в течение 1903—1904 гг. не посвятила ни одной заметки, ни одного сообщения ни русской филателии ни русской почте, а в номерах 1905 г. мы находим всего два сообщения: о выпуске в обращение новых почтовых марок в 15 и 25 коп. и перепечатку из французского журнала «L'Echo de la Timbrologie» о том, что появились подделки русских марок выпуска 1884 г. достоинством 3 руб. 50 коп., сделанные из марок того же номинала выпуска 1889—1890 гг. В остальном номера журналов за 1903—1905 гг. были заполнены иностранной хроникой и, главное, торговыми объявлениями.

Филателистические журналы издавались в то время в основном марочными торговцами, преследовавшими только коммерческие цели, и филателистическая информация в них носила случайный характер. Руководить этими журналами или влиять на их содержание было некому. Надлежаще организованных, авторитетных филателистических организаций в России до второго пятилетия девятисотых годов не было. Петербургский кружок филателистов, функционировавший с 1895 г. под высшей «Русский отдел Германского общества филателистов», в начале века окончательно утратил свою чисто фор-

мальную связь с германским обществом, но лица русского филателистического общества не приобрел. В Москве в 1898 г. филателистической организации вообще не было. Первый петербургский кружок филателистов продолжал существовать, как и к чему в России не причастная, своего рода внепациональная организация.

Дальнейшее развитие филателии в России требовало создания национальной организации коллекционеров.

В 1906 г. Русский отдел «Германского общества филателистов» был преобразован в «Санкт-Петербургское общество собирателей почтовых знаков». Его устав был утвержден 4 марта.

Наконец, в 1907 г. было вновь открыто «Московское общество собирателей почтовых знаков», сумевшее сохранить свои основные кадры. Устав его был утвержден 9 октября. Председателем Общества был избран А. Г. Гольцштег. В 1908 г., к 25-летию со дня своего основания, Общество издало специальную брошюру и разных цветов виньетку, которая отмечала также 50-летний юбилей первой русской марки.

Петербургская секция Дрезденского международного филателистического общества реорганизовалась в марте 1910 г. в «Российское общество филателистов». Председателем Общества был избран К. К. Шмидт, товарищем председателя Г. Р. Киркнер, секретарем Ф. Л. Брейтфус и казначеем А. В. Рязов [14].

Цели «Петербургского общества собирателей почтовых знаков» и «Российского общества филателистов» определены одинаково и кратко: «Общество имеет целью содействовать объединению лиц, интересующихся собиранием почтовых знаков, а также облегчать для них приобретение таковых и предохранять от покупки фальсификаций».

«Московское общество собирателей почтовых знаков» тоже было призвано объединять филателистов — «доставлять (им) возможность тесного общения» и «ограждать неопытных собирателей от обмана их со стороны недобросовестных торговцев почтовыми знаками», но... это не все. Перед Обществом утвержденным для него уставом были поставлены еще две задачи: «а) распространять сведения о собирании почтовых знаков и б) производить исследования в области своей спе-

циальности и заниматься классификацией всех почтовых знаков, выпущенных в обращение как в России, так и в других государствах».

Для достижения своих целей Общество получило право:

«а) созывать собрания, посвященные беседам исключительно о почтовых знаках, их классификация и демонстрация принадлежащих членам Общества коллекций, а также, как вновь выпущенных в обращение знаков, так и интересных экземпляров, выпущенных до сего времени, приспособлений всякого рода и приборов для более ясного определения отличительных особенностей почтовых знаков, и ознакомлению с литературой, как отечественной, так и иностранной по предметам, касающимся собирания почтовых знаков;

б) назначать конкурсы и премии;

в) устраивать выставки, выдавать награды за лучшие коллекции;

г) издавать свои труды, а также сочинения по коллекционированию почтовых знаков и их определению;

д) иметь свою библиотеку, различного рода инструменты для определения разновидностей почтовых знаков;

е) входить в сношения как внутри Империи, так и за границей с учреждениями, обществами и лицами, от которых можно ожидать содействия в трудах общества и сообщения полезных ему сведений;

ж) принимать на себя: определение, оценку, приведение в систематический порядок как отдельных экземпляров, так и ценных коллекций почтовых знаков, принадлежащих частным лицам и казенным учреждениям».

Уставом Петербургского общества было предусмотрено только право нанять соответствующее помещение, собираться для бесед по специальности общества и иметь библиотеку из книг и журналов по вопросам собирания почтовых знаков.

Российское общество филателистов получило право совершать те же действия, что и Петербургское общество и сверх того устраивать выставки почтовых знаков и «относящихся к ним предметов, как то: альбомов, технических принадлежностей для наклеивания марок и т. п.», иметь музей почтовых знаков и устраивать аукционы марок. Деятельность Общества ограничивалась Петербургом.

Членами всех трех обществ могли быть только достигшие совершеннолетия лица обою пола, но в уставе Московского общества было оговорено «без различия амплуа», а в уставах обоих петербургских обществ указано: «за исключением воспитанников учебных заведений и ретюющих на действительной службе нижних чинов (солдат)».

Паряду с действительными и почетными членами уставом Московского общества собирателей почтовых знаков был введен институт членов-корреспондентов, которыми могли быть все иногородние или иностранцы. В Петербургском обществе они назывались «членами-сотрудниками». Те и другие от всяких взносов обществу были свободны, так же как и почетные члены. Действительные члены Общества должны были вносить в Москве 2 руб. в год и 1 руб. при вступлении, в октябрьском обществе филателистов — не менее 4 руб. в год и 1 руб. при вступлении, в Петербургском обществе ежегодный взнос устанавливался в размере не менее 5 руб. в год.

Вступление во все три общества не было свободным. Действительные члены общества набирались на собраниях по рекомендации и по предложению ранее состоявших в Обществе лиц: в Москве — по предложению троих из числа почетных или действительных членов Общества простым большинством голосов, а в петербургских обществах по предложению двух действительных членов, но закрытой аллотировкой и большинством не менее двух третей присутствующих на собрании членов, которых должно быть на выборах не менее шести человек. Такая сложная процедура вступления в организацию не способствовала пополнению их новыми силами из демократических слоев общества и превращала названные филателистические общества в замкнутые группы «избранных».

Царское правительство, напуганное революционным движением 1905 г., строго контролировало деятельность филателистических кружков. В уставах всех трех обществ было оговорено, что о времени, месте и предметах занятий на собраниях благоприятно должно было доводиться до сведения местной полиции. На заседаниях могли обсуждаться только вопросы, непосредственно относящиеся к деятельности общества и только те, о которых было

доведено до сведения полицейского начальства. А в уставе Московского общества собирателей почтовых знаков, кроме того, было подчеркнуто (примечание к § 31 Устава): «...обсуждение каких бы то ни было вопросов, касающихся политики, никоим образом не допускается в собраниях общества».

Получение петербургскими филателистическими кружками официально национального статута обществ с четко очерченным предметом деятельности и правами и особенно создание Московского общества собирателей почтовых знаков открыли перед коллекционерами широкое поле деятельности. В связи с этим усилился спрос на филателистическую литературу. В 1908 г. в Петербурге в разное время вышли три руководства для филателистов:

Ф. Гурьев. «Молодой филателист. Собиратель почтовых марок. Самое подробное руководство по собиранию всевозможных почтовых марок, открытых писем и штотпелных конвертов». С рисунками.

П. Артемьев. «Руководство для составления коллекций почтовых марок».

П. Соломко. «Спутник филателиста. Руководство для собирателей почтовых марок».

На обложках первых двух книг были изображены иностранные марки, на последней — марки России выпуска 1905 г. «В пользу сирот воинов действующей армии». Но знаем, намеренно ли избрали автор и издатель книги для оформления обложки русские марки или этот выбор принадлежал художнику, но интерес к отечественным маркам достиг к концу первого десятилетия девятисотых годов довольно высокого уровня.

В декабре 1913 г. в Петербурге вышел только на русском языке пробный номер журнала «Филателия» (изд. Э. Эйхенталь). Отмечая, что даже в тех странах, где много коллекционеров, «очень малое число таких, которые, помимо стремления пополнять свои коллекции, преследуют научные или подобные тому цели», журнал выступил с предложением «очень простого и рационального способа коллекционирования марок», а именно — «специализация на странах». В чем рациональное зерно этого предложения, разъяснено не было. Об этом можно только догадываться. Во всяком случае, авторы предложения исходили не из труд-

ности собрать почтовые марки всего мира, ибо тут же отмечалось, что при такой (предложенной) системе собирания марок «конечной целью каждого коллекционера должна быть (все же!) полная коллекция всех стран». Некоторая ясность по этому вопросу была внесена в следующем номере журнала (январь 1914 г.). В статье «Как собирать марки» мы читаем: «...каждый русский филателист прежде всего должен интересоваться русскими марками и с этого должен начинать... Давайте коллекционировать Россию!». В этом призыве журнала, представляется нам, и заключается разгадка сделанного в его первом номере предложения. Коллекционируя сначала только Россию (это — для русского коллекционера, а в широком плане — свою страну), коллекционер будет в силах собирать ее осмысленно, «научно-исследовательски». В одном из последующих номеров журнала читатель А. Певцов обратился с открытым письмом к русским коллекционерам, занявшимся собиранием исключительно русских марок и «знающим» их, с предложением заняться составлением отдельного «Каталога знаков почтовой оплаты России». Каталог, подчеркивал автор письма, «должен быть составлен точно по историческим данным, которые можно почерпнуть в официальных документах почтового ведомства и Экспедиции Заготовления Государственных Бумаж» [15].

В связи с империалистической войной деятельность филателистических обществ в нашей стране постепенно замирала. Порвались связи с иностранными коллекционерами. Отдельные лица продолжали, конечно, собирать марки, но занимались они филателией в одиночку. Прекратился также выпуск филателистических журналов. И вдруг в Москве, в июле 1916 г. вышел в свет новый филателистический печатный орган «Российский журнал коллекционеров и корреспондентов». То же название было приведено на обложке журнала на английском языке. Выпуск его предполагался ежеквартально.

Что это был за журнал? Кто или какая группа лиц были инициаторами или вдохновителями его издания? Обозначенная в выходных данных фамилия редактора (П. Колнозол) и встречающаяся в тексте фамилия заведующего отделом «Новости» А. Вильди нам ничего сказать не могут, а иных сведений, мы, изучив

вышедшие номера журнала, не нашли. Однако объявленная в первом же номере цель издания и последующие материалы «от редакции» дают возможность довольно безошибочно судить о лице журнала. Издатели поставили перед собой задачу: «облегчение читателям обмена иллюстративными открытыми письмами (с видами), почтовыми марками, монетами, редкостями и проч. не только в России, но с соседними нам странами Швецией, Норвегией, Данией, Англией, Францией и, вообще, всем миром». В помещенной следом за такой широковокальной декларацией заметке на французском языке «Что такое коллекция» отмечалось, что «наиболее красивые и распространенные коллекции, доступные каждому кошельку (т. е. всем по средствам) — это коллекции марок и открыток». Практически все помещенные в журнале материалы относились только к филателии. Однако встречен был журнал, видимо, весьма прохладно. В номере 3/4 за январь—апрель 1917 г. в редакционной статье говорилось: «Мы надеемся, что нашему журналу удастся не только продержаться некоторое время, как полагали недоверчивые коллекционеры, но и процветать». Продержался журнал до июля 1918 г. Трудно жилось его издателям. Сначала они предлагали своим читателям вознаграждение за привлечение подписчиков и заказов на объявления, а в конце концов им пришлось прибегнуть даже к просьбам о материальной помощи...

Для развития филателии этот журнал ничего не дал, и ему можно было бы не уделять особого внимания, если бы он, также неожиданно, как и вышел в свет, не стал органом основанного в Москве в мае 1918 г. «Московского общества филателистов и коллекционеров» и не выпустил свой последний номер за апрель—июль этого года (№ 8/9) от имени Общества.

Ничего общего с фактически прекратившим к тому времени свою деятельность «Московским обществом собирателей почтовых знаков» новое общество не имело ни организационно, ни по своим целям и задачам. Согласно уставу оно объединяло лиц, интересующихся «разного рода коллекциями», и для содействия своим членам в пополнении собраний могло устраивать заседания, выставки, вола-

ные продажи и аукционы. Кроме того, оно принимало от своих членов поручения приобретать для них предметы коллекций и содействовало «в ведении обмена с коллекционерами всего мира».

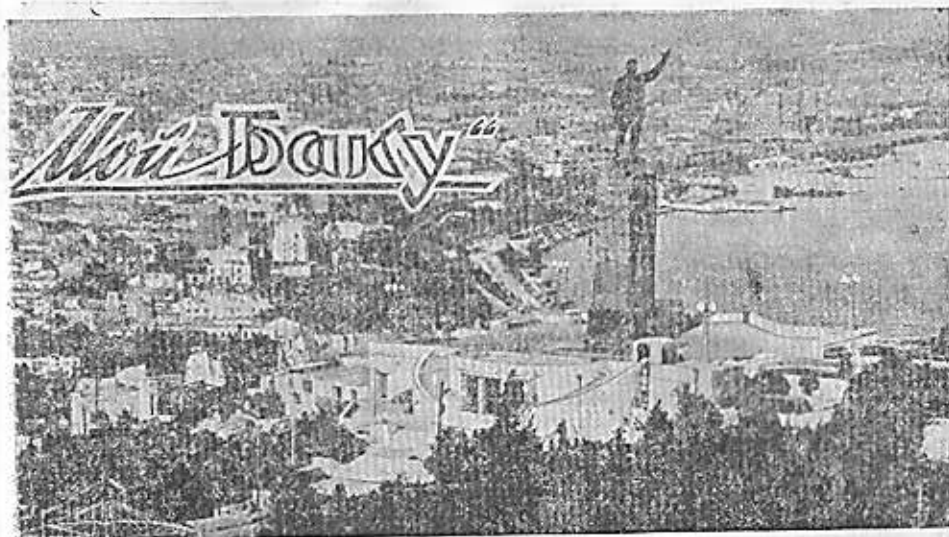
Общество возникло «на базе журнала». И Общество и журнал поставили перед собой для рекламы заведомо невыполнимые в то время задачи: содействовать обмену с коллекционерами всего мира. По существу же, они просто занимались покупкой и продажей всякого ро-

да коллекционных материалов. Зарегистрированное уже в советское время, это Общество всеми своими корнями было привязано к дореволюционной почве и, больше того, отразило в своей деятельности в самой концентрированной форме все наиболее отрицательное что было свойственно буржуазной филателии.

В мае 1918 г. «Московское общество филателистов и коллекционеров» возникло, а в июле оно уже прекратило свое существование.

ИСТОЧНИКИ

1. По поводу первого десятилетия со дня основания Московского общества собирателей почтовых марок (брошюра). М., 1894.
2. Ж. «Der Philatelist», Dresden, 1883, № 3, s. 24 и 1884, № 2, s. 21.
3. Ж. «Der Philatelist», Dresden, 1884, № 5, s. 66.
4. Ж. «Der Philatelist», Dresden, 1883, s. 11, 104.
5. Illustriertes Briefmarken-Journal (Die Vereine von Philatelisten). Leipzig, 1874, №№ 8—9.
6. Ж. «Марки и коллекционер», С.-Петербург, 1903, № 4.
7. Ж. «Марки и коллекционер», С.-Петербург, 1904, № 13/14.
8. Ж. «Der Vereins-Bote-Beiblatt zum Ill. Briefmarken-Journal», Verlag von Gebr. Senf, Leipzig, 1893, № 16, s. 52; № 19, s. 60—61; № 22, s. 69—70; № 26, s. 81—86.
(Бюллетень филателистических обществ, приложение к Иллюстрированному филателистическому журналу, изд. бр. Зенф, Лейпциг).
9. J. Roschewitz. Beiträge zur Geschichte des 1 St Petersburger Philatelisten-Vereins. St. Petersburg, 1895.
(И. Рожевич. К истории 1-го С.-Петербургского филателистического общества. С.-Петербург, 1895).
10. Ж. «Der Philatelist», Dresden, 1882, № 5, s. 41.
11. Филателистический журнал «Всемирная почта», С.-Петербург, 1898, № 5, стр. 95; № 9, стр. 186—190.
12. Ж. «Der Philatelist», Dresden, 1883, № 3, s. 25.
13. Иллюстрированный журнал марок «Русский филателист», Киев, 1914, № 4, стр. 118.
14. Иллюстрированный журнал марок «Русский филателист», Киев, 1914, № 7, стр. 215—219; № 8, стр. 247—250; № 9/10, стр. 285—288; № 15/16, стр. 339—341.
15. Первый на русском языке ежемесячный иллюстрированный журнал марок «Филателия», Петроград, 1915, № 2/14, стр. 27—28.

ГРИГОРИЙ АРЗУМАНОВ

Я родился и вырос в Баку, бегал по улицам, собирал марки, а из открыток замечал только те, на которых были репродуцированы исторические батальи.

Наверное, повзрослев, я также проходил бы спокойно и равнодушно по улицам Баку, не обращая внимания на все столь привычное, а потому казавшееся будничным. Но в 1944 г. меня отправили к родственникам в Самарканд и там подарили первую дореволюционную открытку с видом Баку. Получилось, как в рассказе Джерома К. Джерома «Слишком много открыток» у того туриста, который «до тех пор не знает, где он побывал, пока, вернувшись домой, не пересмотрит у знакомых и родственников присланные им открытки».

Так началась моя коллекция...

В самом начале подбирались различные виды Баку. Преимущество, безусловно, отдавалось цветным открыткам. Затем оказалось, что некоторые черно-белые открытки более выразительны и документальны. Возник интерес к различным изданиям...

Первое время меня интересовала только «картинчатая» сторона открытки. Случайно заглянув на адресную сторону, я поразился; где и кем только не выпускались открытки с видами Баку! В моей коллекции оказались и дореволюционные открытки, изданные в России и Швеции, в Австрии и Германии... Перечень издателей оказался внушительным:

— Московские: Контрагентство А. С. Суворина; Товарищество «К. П.»; Шерер, Набольд и К^о; Д. П. Ефимов; «Сотрудник» и другие.

— Бакинские, некоторые из которых предпочитали именоваться по-французски, и кавказские; О. Оруджов с

ФИЛОКАТИИ

156700

братьями; И. Гуревич; братья Тер-Ованесовы; И. Шаков, Г. Ш. Сахарянц, Я. Г. Гюльбасаров, Papeterie Société Didiatkoff, Vaco; Photographe «Georges», Vaco; А. Кязимов и Г. Шарифов; литография М. Ашурбекова и Г. Шарифова; Биеринг и Раабе; А. Мишон; К. Г. Паламоскич (Багум — Баку) и многие другие. Были и анонимные издания, которые мне еще не удалось расшифровать, вроде «О. А. О» и «А. W.».

— Зарубежные: Granberg's K. A. Stockholm; Otto Schaefer & Scheibe, Kunst-Ansatt Berlin; Charles Schwidernoch, Vienne—Autricne; Литография и типография Вецель и Науман, Лейпциг — Рейдниц; Штенгель и К°, Дрезден...

Все это — издатели, выпускавшие открытки более полувека назад, до Великого Октября.

В 20-х—40-х гг. открытки стали выпускаться в Москве Гознаком, ГИЗом и Издизом, Фото-кино трестом, Союзфото; в Баку — анонимное издание, относящееся к началу 20-х гг., обществом «Друг детей» и местным отделением Всесоюзного контрагентства печати (две серии). Любопытно, что во второй серии есть открытка с изображением киоска, торгующего продукцией этого «контрагентства» (илл. 1).

В послевоенные годы открытки, посвященные Азербайджану и его столице — Баку — выпускались Воениздатом, Издизом (два выпуска 1954 г., выпуски 1957, 1962, 1964 гг.), издательством «Советский художник» (1964, 1965, 1967, 1968, 1969 гг.), «Интуристом» (три разных комплекта в 1967 г.), издательствами «Планета» и «Союзторгреклама». К этому перечню надо добавить и местные послевоенные издания: Азербайджанского государственного издательства, Управления по иностранному туризму при Совете Министров Азербайджанской ССР, Азербайджанского театрального общества, творческой фотостудии Союза журналистов Азербайджана и артели «Полиграфист» Бакипромсовета.

С нашей современной точки зрения издательства — солидные государственные организации. Что же представляли собой многочисленные бакинские издатели дореволюционных открыток?

К сожалению, в Госархиве Азербайджана, куда я обратился, мне не удалось обнаружить каких-либо сведений о дореволюционных частных издательствах. Источникам, из которых удавалось «выжать»

Илл. 1

информацию, оказались сами открытки и... справочники «Бакинской телефонной сети товарищества Э. Ф. Биеринг и К°» за 1915, 1916 и 1918 гг. Благодаря им я узнал, что в основном открытки выпускали магазины книжных и канцелярских товаров, литографии и фотографии.

В выходных данных многих дореволюционных открыток указаны две «фирмы» — Акционерное общество Granberg's K. A., Stockholm и местный бакинский издатель. Это дает основания предположить, что часть открытых писем печаталась в Швеции по заказам бакинцев. Может быть, поэтому виды Баку на открытках, выпущенных издательством Гранберг (несколько серий: пронумерованная черно-белая — около 70 номеров, две многоцветные — каждая свыше 30 номеров, многоцветная и черно-белая серия без номеров — тоже свыше 30 видов в каждой и другие выпуски), повторяются в сериях, изданных братьями Оруджовыми, И. Шаковым, Дидатковским товариществом (Papeterie Société Didiatkoff), А. Кязимовым и Г. Шарифовым, литографией И. Ашурбекова и Г. Шарифова. Встречаются также повтор-

ные местные издания без ссылки на Гранберга.

Вообще, удельный вес открыток, посвященных Баку, выпущенных за границей, не так уж мал. Кроме Гранберга, известны Вецель и Науман (Германия), представленные пятнадцатью многоцветными пронумерованными открытками. Продукция остальных зарубежных издателей встречается крайне редко и в единичных экземплярах. Поэтому более половины моей коллекции дореволюционного периода состоит из отечественных изданий. Таковы серии Контрагентства А. С. Суворина (15 открыток, выпущенных трижды в черно-белом варианте); товарищества «К. П.» (20 пронумерованных черно-белых открыток); литографии и типографии Шерера, Набольда и К° (несколько черно-белых серий по 25 номеров, но встречаются и большие номера — до 90-го), а также бакинские

Илл. 2

издания: братьев Оруджовых (в серии свыше 20 открыток, тонированных зеленым или синим цветом); братьев Тер-Ованесовых (две серии: в первой, из которой мне известно всего лишь первые пять номеров, подписи на русском, немецком и армянском языках, хотя для большинства открыток с видами Баку характерны подписи на двух языках — русском и французском; первая серия — черно-белая, вторая — тонирована зеленым цветом; на каждой открытке две картинки — крупно вид города и помельче, в углу, «бакинский тип» — илл. 2); И. Шакова (серия из пронумерованных фотооткрыток, по краям рамки «под багет», мне известны первые пять номеров); Г. Ш. Сахарянца (пронумерованные: черно-белая серия — более 20, многоцветная — более 40 и фотосерия — более 33 номеров; отдельные многоцветные и черно-белые открытки); Я. Г. Гюльбасарова (три серии, в каждой более 10 открыток, тонированных зеленым цветом); Биеринг и Раабе (серия из 8 черно-белых открыток). Особый интерес представляют оригинальные и полнокровные выпуски анонимных издательств — «О. А. О» (в серии 60 номеров, два варианта — черно-белые и раскрашенные) и иностранного «AW» (в серии свыше 200 номеров — многоцветные, черно-белые, тонированные и фотооткрытки, встречаются и нонумерованные).

Форматы открыток обычные: дореволюционные и выпуски последних лет — 9×14 см, послереволюционные — 10×15 см, с 1967 г. и крупноформатные — 9×19 см и 9×21 см.

Полиграфический уровень открыток в основном достаточно высок. Несколько хуже выглядят суворинская серия 1917 г. и некоторые довоенные издания — тут, безусловно, виноват рыхлый картон. В отдельных послевоенных сериях низкое качество красок не в лучшую сторону отразилось на внешнем виде многоцветного изображения.

Сначала открытки хранились мною в отдельных конвертах — по издательствам. Затем пришлось раздробить их по выпускам и по сериям. Такая систематизация породила интерес к датировке выпусков. Это оказалось труднее. Большинство дореволюционных открыток (исключение составляют издания контрагентства А. С. Суворина 1914, 1916 и 1917 гг., некоторые вы-

Илл. 3

пуски Шерера, Набгольца и К° 1902, 1904, 1906 гг., Штенгель и К° 1905 г.) и часть открыток первых советских выпусков не датированы. Для них пришлось ввести ориентировочно-условную датировку по самому раннему штемпелю на образцах, прошедших почту.

В настоящее время большая часть коллекции расположена в альбомах. В каждой серии имеется одна открытка в двух экземплярах; второй — для демонстрации адресной стороны.

По мере накопления коллекционного материала возрастал интерес к его содержанию. Прimitивная классификация «по серии и выпускам» уже перестала удовлетворять. Возникла мысль о точной исторической и хронологической классификации, а это потребовало знаний. Пришлось разыскивать не только открытки, но и книги по истории Азербайджана и Баку. Вскоре пришло и укрепилось убеждение, что открытки и книги взаимосвязаны самым теснейшим образом. Открытки сплошь и рядом задают вопросы, ответы на которые можно найти только в специальной литературе. Книжки же нередко определяют направление поисков: какие именно открытки предстоит найти, чтобы те или иные разделы коллекции приобрели необходимую завершенность.

Именно книги помогли раскрыть содержание открыток. В конце концов, — по крайней мере, в моем сознании — коллекция выросла в иллюстрированную историю

родного города. И мне захотелось описать, каким я вижу его — мой Баку, отраженный в моей коллекции...

Первые письменные упоминания Баку встречаются у восточных географов X в. Они описывают источники горящего газа — «священные огни» вблизи Баку. Современные исследователи относят возникновение поселения на месте нынешнего Баку к V в. Во всяком случае, археологами установлено бесспорное существование города уже в VIII в.

С XII в. Баку становится важным торговым центром и обносится мощной крепостной стеной. Перестроенная не однажды, она сохранилась до наших дней. Изображения отдельных участков ее часто встречаются на открытках, выпущенных в самое разное время. Одной из удачнейших можно считать открытку фирмы Гранберг (около 1910 г., № 51 — илл. 3), на ней хорошо видна большая часть уцелевшей крепостной стены, которая в те древние времена опоясывала город. Снабженная башнями (их до сих пор сохранилось более 20), бойницами, она служила надежной защитой города.

Еще в начале прошлого века весь Баку уместился в пределах этой крепости, вне стен которой были только кладбища. Сегодня старая часть города называется «Ичари-Шахаром», т. е. «Внутренним городом». К этому же периоду времени (XII в.) относится и строительство жемчужины

Илл. 4

средневекового азербайджанского зодчества — «Девичьей башни» («Гыз галасы»), возвышающейся в восточном углу бакинской крепости, почти у самого моря. Эта величественная 28-метровая башня с мощным выступом-контрфорсом, о который в давние времена разбивались волны седого Каспия, стала символом Баку. И не удивительно, что в любой подборке открыток от первых до последних выпусков обязательно встретится изображение этого уникального памятника народного гения, породившего не одну поэтическую легенду. Наиболее выразительно выглядит Девичья башня на открытке, изданной Бакинским отделением Всесоюзного контрагентства печати (№ 911, около 1929 г. — илл. 4).

В XIV—XV вв. Баку становится резиденцией ширваншахов и крупным торговым портом на Каспийском море. К этому времени относится начало постройки интереснейшего архитектурного памятника-ансамбля — Дворца ширваншахов. Ансамбль включает сам дворец, диванхане (здание для официальных приемов и в то же время

судилище), дворцовую мечеть с минаретом, тюрбе (фамильная усыпальница), мавзолье ученого дервиша Сенда Яхья Бакуви, баню и овадан (подземное водохранилище).

На дореволюционных открытках встречаются: дворец (изд. Вецель и Науман), ханская мечеть (изд. Бр. Оруджовых, Г. Ш. Сахарянца, Гранберга, «Переплетного заведения Шакова» и др.), ротонда судилища (Шерер, Набголец и К°, «АВ» и др.). Наиболее полно этот интересный исторический памятник представлен в современной подборке «Дворец ширваншахов» («Интурист», 1967 г.).

С XV в. устанавливаются дипломатические отношения Азербайджана с Россией. «Баку, где огонь горит неугасимый» — писал в 1467 г. Афанасий Никитин, начавший отсюда свое знаменитое «хождение за три моря».

В XVII—XVIII вв. Баку (уже столица Бакинского ханства) из-за периодических опустошительных ирано-турецких войн и феодальных распри неоднократно переходил из рук в руки. Передовые люди Азербайджана выступали сторонниками присоединения к России. И это присоединение свершилось в первых годах XIX в. Оно стало переломным пунктом в истории азербайджанского народа, принесло долгожданное освобождение от разорительных нашествий извне, внутренних феодальных междоусобиц и раздробленности. Впервые за много столетий бакинцы обрели мир и спокойствие. Уже в 1807 г. город вышел за узкие пределы «Ичари-Шахара». Впервые за стенами крепости выросли новые кварталы. В течение одного года население города с 4,5 выросло до 6 тысяч жителей.

Как выглядел Баку в 1857 г. издали вблизи, хорошо описал А. Ф. Писемский: «Где же Баку?» — спросил я, выходя на палубу; мне указали на другую сторону. Я обернулся и чуть не вскрикнул: впечатление мое очень походило на впечатление человека, который вдруг неожиданно взглянул на театральную сцену, где давали какой-нибудь восточный балет. Представьте себе дугобразный морской залив, в недалеком от него расстоянии крепость, над которой идут, возвышаясь по берегу, белые, без крыш, вроде саклей, домики и, образуя как бы пирамиду, коронуются ханским дворцом с высоким минаретом» (илл. 5). Этот вид поднимающегося уступами вверх города часто встречается на

Илл. 5

показать в «общем плане», хотя почти все включали в серию одну-две улочки непременно с мечетью или с минаретом, но предпочтению отдавалось Девичьей башне или Дворцу ширваншахов. Для усиления восточного колорита почти в каждой серии выпускалась открытка с изображением верблюдов (например, Контрагентство А. С. Суворина, 1914 г. — илл. 6). Правда, они не были единственным видом тогдашнего транспорта. Кроме них, существовала и двухколесная «бакинская арба», с огромными колесами. Ее можно видеть на открытках (илл. 7) выпуска Гранберга — № 8592; бр. Оруджовых — 1909 г.; Шерер, Набгольд и К° — № 1, 1906 г. и др.

Баку был лишен элементарного благоустройства. Питьевая вода развозилась в бочках. Это запечатлено дореволюционным фотографом на открытке «Водовозы в Баку» издания Шерер, Набгольд и К° (№ 93 из серии «Типы Кавказа», 1906 г.). На пыльных тротуарах сидели «уличные пидцы» («О. А. О», № 16, 1912 г.) — ведь среди азербайджанского населения насчитывалось всего 2,2 процента грамотных; брили своих клиентов «уличные парикмахеры» (Гранберг, № 668, 1915 г., илл. 8); бродили торговцы керосином («Керосинщик», «АВ» № 81, 1910 г.).

Серая жизнь старого Баку нарушалась лишь во время религиозных мистерий. Большая часть населения дореволюционного Азербайджана исповедовала шиизм. Весь «мухаррем» — первый месяц мусульманского лунного календаря — шиниты совершали богослужения в мечетях, устраивали шествия, известные под названием «Шахсей-вахсей». В шествиях принимали участие добровольные и платные «ревнители веры», одетые в длинные балахоны. Они ударяли себя цепями или наносили легкие удары книжалами. Из неглубоких ран сочилась кровь, расплываясь на белых одеждах. Почти всегда несколько таких изуверов умирали от потери или от заражения крови. Господствующие классы и шинитское духовенство всячески поддерживали этот дикий обычай, а дореволюционные издатели не преминули этим воспользоваться. Гранберг, Сахаряни и «АВ» посвятили «мученикам ислама» десятки открыток. Одну из них, изображающую явно

позирующих «мучеников» в залитых кровью белых одеждах с орудиями самостязания, мы воспроизводим (илл. 9).

Советское правительство Азербайджана повело самую решительную борьбу против этих мрачных и изуверских пережитков

Илл. 8

Илл. 6

Илл. 7

прошлого. В 1923 г. было опубликовано постановление АзЦИК и Совнаркома республики о запрещении «в дни мухаррема таких бы то ни было религиозных демонстраций и шествий».

Вспоминая о религии, нельзя обойти голчанем один из любопытнейших памятников прошлого — храм огнепоклонников (Атешига) в бакинском предместье Сураханах (илл. 10). Его изображения встречаются на дореволюционных открытках не менее часто, чем образ Девичьей башни. Храм состоит из четырех полукруглых проков, покрытых небольшим куполом. Внутри храма-алтаря и на всех четырех углах

его крыши вечно горел «священный огонь» — нефтяной газ: храм построен на месте его естественного выхода из недр земли.

Нефть и Баку неразделимы. Добрая треть дореволюционных открыток посвящена ей. Леса вышек росли в бакинских предместьях Балаханах, Сураханах, Раманах, Бинагадах, Биби-Эйбате. Комментарием к одной из этих открыток «Баку. Балаханы» (И. Шакова и других издателей) могли бы послужить строки из «Автобиографической повести» А. Грина: «Я был один раз в Балаханах, — ходил туда с

двумя босяками искать работы, и ушел с чувством облегчения — страшно и мрачно, как дурной сон, показались мне черные острия вышек, пустота проулков, пропитанная нефтью земля, на которой нет ни зелени, ни деревьев, узкие пирамидальной формы «вышки» так многочисленны, что издали маячат как лес, обвитый дымом. Все черно, закопчено, покрыто налетом пыли и нефти...».

Таким был Баку трудового народа. Но был и другой Баку — город промышленников, жиревших на нефти. Это остро подметил Е. Полонский, автор забытого романа «Баку»: «История Сураханов — это история грандиозных фонтанов, выбрасывающих миллионы пудов светлой и красной нефти, золотым потоком стекавшей в карманы нефтепромышленников-миллионеров — Нобелей, Ротшильдов, многочисленных акционерных обществ и компаний. Четыреста хозяев-нефтепромышленников сохранили недра Аншерона...». Вот открытка (илл. 11), которая не только изображением, но и текстом буквально подтверждает слова писателя. На ее лицевой стороне надпись: «Баку. Сураханы. Промысел Бакишек. Нефть. О-ва после грандиозного фонтана, выбрасывающего в сутки 1 мил. пуд. нефти» (О. А. О., № 3, около 1912 г.).

В. Маяковский так описывал свой первый приезд в Баку: «Ночью начались дикие строения — будто вынуты черные колодезные дыры и наскоро обиты доской. Строения облежили весь горизонт, выбежали навстречу, взбирались на горы, отходили

вглубь и толпились тысячами. Когда подъехали ближе, у вышек выросли огромные черные космы, ветер за эти космы выдрал из колодезев огонь, от огня шарахнулись тени и стали качать фантастический вышечный город. Горело в трех местах. Даже на час загнув от Баку к Дербенту, видели зарево. Промысла горели всегда».

Поэт был прав — нефтяные пожары в Баку не были сенсацией. На открытках тоже горели вышки — по одной и группами. Для приезжих эти необычные снимки были своеобразной «экзотикой», и открытки с «пожарами» хорошо расходились. Почти ни один из дореволюционных издателей не удержался от «соблазна» выпустить в серии одну-две (как минимум) открытки с красноватыми языками пламени над деревянными вышками и клубами черного удушливого дыма, стелющегося по земле, закрывающего бакинское небо. Вот наугад взятые открытки — «Пожар фонтана Ротшильда» (изд. И. Шакова), «Пожар на промыслах Питоева на Биби-Эйбате 1909 г.» («АВ»), «Горящий фонтан ночью» и «Горящий фонтан Ротшильда на Биби-Эйбате, выбрасывающий 1.200.000 пудов в сутки» (в изд. Гранберга и И. Шакова — илл. 12), «Грандиозный пожар на промысле в Биби-Эйбате (Огненный столб)» и «Пожар на нефтяном промысле в Балаханах» (изд. братьев Тер-Ованесовых), «Пожар фонтана А. Тагиева» (изд. Шерера, Набгольца и К^о) и т. д. и т. п.

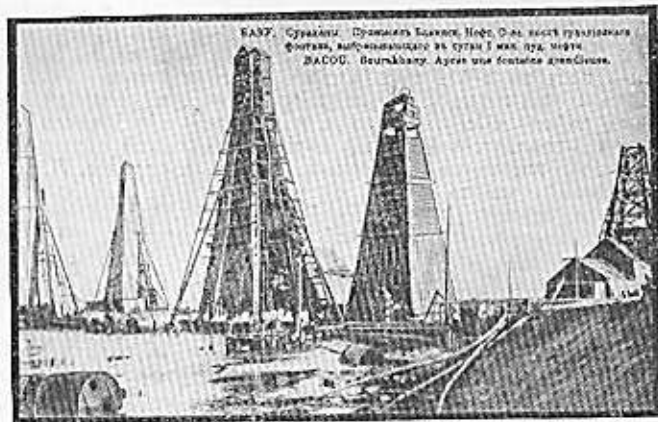
Нефть преобразила Баку. Добыча ее, в 60-х гг. XIX в. едва превысившая пол-

Илл. 9

Илл. 10

Илл. 11

Илл. 12

миллиона пудов, в начале нашего столетия возросла более чем в тысячу раз и в 1902 г. достигла почти 640 миллионов пудов. «Почти вся нефть, — отмечал В. И. Ленин в труде «Развитие капитализма в России», — добывается в Бакинской губ., город Баку из ничтожного города сделался первоклассным в России промышленным центром с 112 тыс. жит.¹ В его восточной части вырос большой промышленный район «Черный город», и на открытках появляется: «Черный город. Нефтяные цистерны», «Черный город. Серосинный завод» и т. д. в изданиях Гранберга, братьев Оруджовых, Г. Ш. Сахарянца, Шерера, Наболица и К^о, А. Мишона и др.

Баку начинает усиленно застраиваться. Строится новый центр города, раскинувшийся вдоль морского берега. Вырастают многоэтажные здания и вычурные особняки. Появляется «новая тема» в открытках. Чаще других встречается «Городская ду-

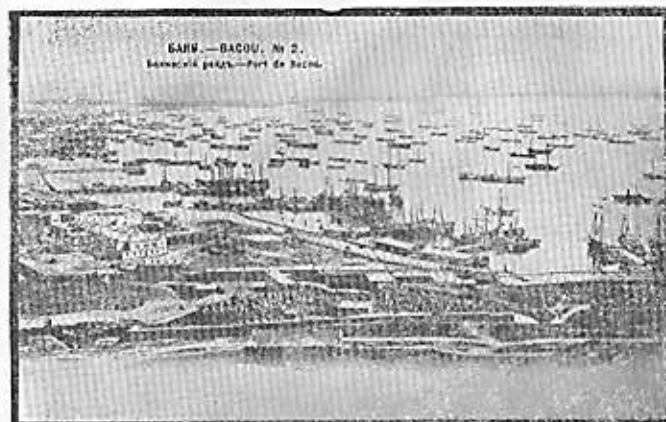
ма» (в изданиях «О. А. О.», Товарищества «К. П.», Гранберга и др.); на советских открытках — «Баксовет», «Бакгорисполком», «Летний театр» (Г. Ш. Сахарянца и др.); на современных — «Государственная филармония». А вот наделавший в свое время много шума дворец «Исманлис» мне встретился всего на одной открытке «Николаевская улица» («О. А. О.», около 1912 г.). На советских открытках последних выпусков здание фигурирует как «Академия наук».

Разумеется, не только этими помпезными сооружениями определялся внешний облик тогдашнего Баку. Рабочий люд теснился в ветхих одноэтажных домишках, в душных каморках. И убогие домишки видны на всех открытках рядом с дворцами богатей.

Быстрое развитие нефтяной промышленности и торговли превратило Баку также в один из крупнейших морских портов России. На открытках почти всех изданий хорошо показана Бакинская бухта, заполненная кораблями (илл. 13). Причалы, доки, склады и другие сооружения береговой полосы также не были оставлены без внимания Гранбергом, Я. Г. Гюльбасаровым, Г. Ш. Сахарянцем, А. Мишоном и другими издателями.

Экономический кризис 1900—1903 гг. отразился и на бакинской промышленности. Добыча нефти резко упала, снизилась зарплата рабочих, начались массовые увольнения. Все это привело к обострению классовой борьбы. Быстро росло влияние социал-демократических кружков, возникших в среде бакинских рабочих еще в 1900 г. В руководстве революционным движением большую роль играл Бакинский комитет РСДРП. Борьбу трудящихся Баку и Азербайджана в те героические годы возглавляли крупные деятели большевистской партии М. А. Азизбеков, П. А. Джанаридзе, Л. Б. Красин, Н. Н. Нариманов, Г. К. Орджоникидзе, С. С. Спандарян, И. В. Сталин, И. Т. Фиолетов, С. Г. Шаумян, С. М. Эфендиев и другие.

Скромная тоновая открытка (Гранберг, Г. Ш. Сахарянц) с надписью «Баку. Романы. Фонтан Асадуллаева» напоминает о революционной деятельности в Баку Серго Орджоникидзе. В марте 1907 г. по заданию партии он устроился фельдшером на промысле Ш. Асадуллаева в Раманах (приня-

Илл. 13

Илл. 14

тое сейчас название) проводил революционную работу среди рабочих Балаханского района. Во время первомайской демонстрации 1907 г. С. Орджоникидзе был арестован и под фамилией Кучухашвили посажен в бакинскую тюрьму...

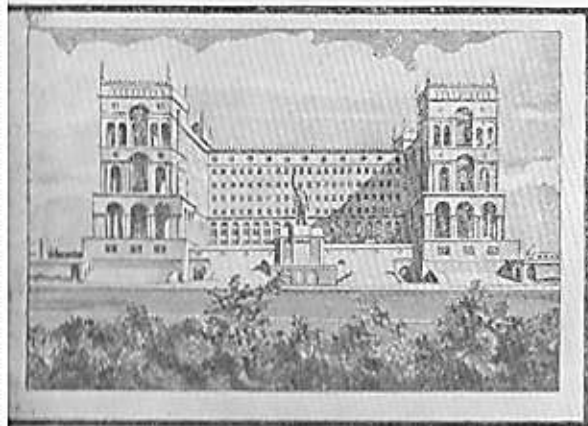
Всеобщие забастовки бакинского пролетариата в 1903—1904 гг., боевые выступления в годы первой русской революции, могучие стачки в 1913—1914 гг. оказались хорошей школой революционного действия. Осенью 1917 г. Баку стал первым городом Закавказья, над которым взвилось красное знамя Советской власти. Но под натиском английских, затем германо-турецких интервентов и в результате предательства эсе-

ров, меньшевиков, дашнаков и мусавитов 31 июля 1918 г. Советская власть в Азербайджане временно пала. Руководящие деятели Бакинской коммуны — С. Г. Шаумян, М. А. Азизбеков, П. А. Джанаридзе, И. Т. Фиолетов, Я. Д. Зевин и другие — были зверски растерзаны 20 сентября 1918 г. эсерами и английскими интервентами в песках Закаспия в числе 26-ти бакинских комиссаров. Об этой трагедии напоминают открытка конца 1920-х гг. (издание автора художника И. Бродского, портрет которого тоже помещен под репродукцией на открытке — илл. 14) и две послевоенные (СХ, М., 1959 г.). На первой изображен С. Шаумян на пароходе «Турк-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., 5-е изд., т. 3, стр. 491.

Илл. 15

Илл. 16

на, команда которого предательски до-
вила бакинских комиссаров в эзеровский
резноведск, на второй — тот момент,
гда комиссаров ведут на расстрел. Порт-
ты отважных героев воспроизведены на
крытках, вышедших Азербайджанским
сиздатом в 1967 г. На «адресной сторо-
» этих карточек напечатаны краткие
ографии комиссаров на азербайджан-
ом и русском языках.

Враги просчитались. Они совершили
одейское убийство, но им не удалось
сглавить революционное движение тру-
дников Азербайджана. В борьбе за вос-
ановление Советской власти им оказа-
ла последнюю братскую помощь мо-

лодая Российская Советская Федеративная
Социалистическая Республика. В феврале
1920 г. в Баку нелегально состоялся I съезд
Коммунистической партии большевиков
Азербайджана. Съезд нацелил партию на
подготовку вооруженного восстания против
контрреволюционного мусаватского режима,
за установление диктатуры пролетариата.

Подпольный укредительный съезд Ком-
партии Азербайджана проходил в одном из
домов по Николаевской (теперь — Ком-
мунистической) улице Баку. Дома этого
ныне не существует. Он обветшал и был
снесен в 50-х гг. Облик его сохранился
только на открытках Контрагентства печат-

ти изданных в 20-х гг. (№ 6, два издания —
илл. 15) и более поздних, довоенных.

В ночь на 28 апреля 1920 г. восставший
народ свергнул ненавистную мусаватскую
буржуазно-помещичью власть. Азревком
провозгласил Азербайджан Советской Со-
циалистической Республикой и обратился к
В. И. Ленину с просьбой о военной помо-
щи. И помощь пришла! Уже 30 апреля в
Баку вступили передовые части 11-й Крас-
ной Армии. 5 мая В. И. Ленин направил
Советскому Социалистическому Правитель-
ству Азербайджана телеграмму, которая за-
канчивалась словами: «Да здравствуют ра-
бочие и крестьяне Азербайджана! Да здрав-
ствует союз рабочих и крестьян Азербай-
джана и России!»².

Память о великом Ленине свято хра-
нится в Азербайджане. В центре столицы
республики — Баку — высится памятник
незабвенному Ильичу работы скульптора
Д. Карягды. Здесь проходят праздничные
демонстрации трудящихся и парады воин-
ских частей. Памятник Владимиру Ильичу
запечатлен на открытках Министерства
связи СССР 1960 и 1968 гг. (илл. 16). А
на бывшей Петровской площади, главным
«украшением» которой когда-то была ог-
ромная лужа, отчетливо воспроизведенная
на старой открытке (изд. Штенгель и К^о,
1905 г.), сейчас высится светлое здание
Бакинского филиала Центрального музея
В. И. Ленина. Оно встречается во всех
подборках «Баку» с 1962 г. и на почтовой
карточке Министерства связи СССР
(1968 г.). Имя В. И. Ленина присвоено
Азербайджанскому Государственному педа-
гогическому институту (на выпусках Гран-
берга, Г. Ш. Сахарянца и др. — «Коммер-
ческое училище», на довоенных выпусках
20-х гг. — «Азербайджанский Государст-
венный университет») и Ново-Бакинскому
нефтеперерабатывающему заводу, фотогра-
фия которого помещена на открытке из
комплекта «Баку» («Иттирият», 1970 г.).

Большим уважением и доверием В. И.
Ленина пользовался Н. Н. Нариманов —
первый председатель Азревкома и Совнар-
кома республики, впоследствии один из
председателей ЦИК СССР. Он скончался
19 марта 1925 г. в Москве и похоронен у
Кремлевской стены. Портрет этого выдаю-
щегося революционера работы художника
О. Садыхадзе воспроизведен на открытке.

² В. И. Ленин. Пол. собр. соч., 5-е изд., т. 41, стр. 119.

изданной Азербайджанским госиздатом в
1968 г. (илл. 17).

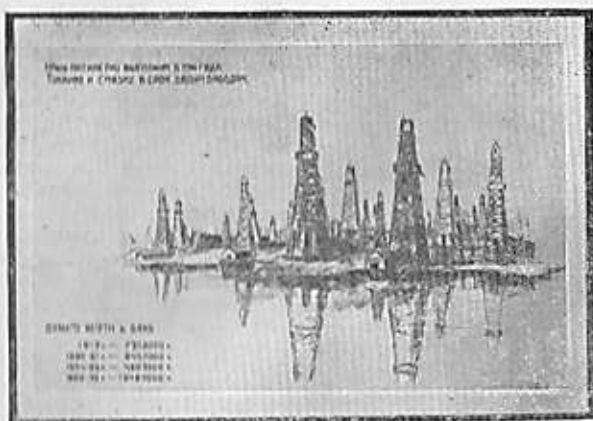
Одним из первых декретов Азревком
национализировал нефтяную про-
мышленность Азербайджана. За первые
десять лет Советской власти она в 1,5 раза
превысила уровень 1913 г. Вот, пожалуй,
самая редкая открытка в моей коллекции
(илл. 18 и 19). На ней рисунок, изобра-
жающий нефтяные вышки на берегу моря,
слева сверху — текст: «Нашу пятилетку
выполним в три года. Топливо и смазку в
срок дадим заводам». Слева внизу — не-
сколько цифр: «Добыто нефти в Баку

1913 г.	7 558 000 т
1920—21 гг.	4 663 000 т
1924—25 гг.	2 457 000 т
1929—30 гг.	10 480 000 т

Выпущена открытка издательством
«Нефтеснаб» в Москве тиражом 2500 экз.
На адресной стороне была сделана надпе-
чатка красной краской: «К 10-летию
Национализации Азербайджанской Нефтя-
ной Промышленности. 1920 г. — 28.V. —
1930 г.». Памятная надпечатка превратила

Илл. 17

Илл. 18

Илл. 19

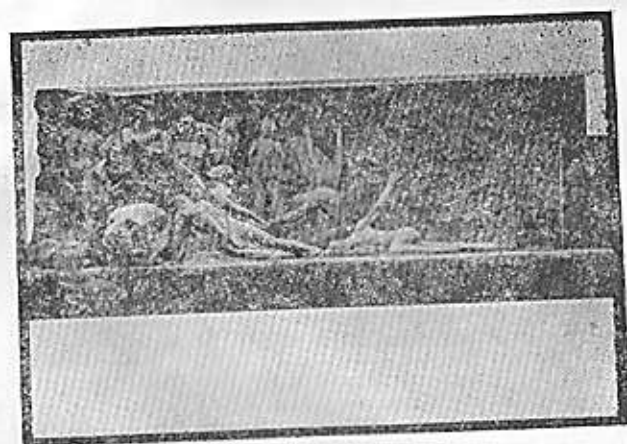
открытку в очень любопытный исторический документ.

Летом 1921 г. секретарем ЦК Компартии Азербайджана был избран первый ученик В. И. Ленина — С. М. Киров. Он организовал бакинских рабочих и всех трудящихся на борьбу за восстановление нефтяной промышленности, возрождение сельского хозяйства и укрепление братского союза и сотрудничества народов Закавказья. С тех пор имя Сергея Мироновича Кирова неразрывно связано с Баку, с Азербайджаном, которому он отдал весь свой огромный организаторский талант и кипучую энергию. Бронзовая скульптура (автор — П. Сабсай) в Нагорном парке Баку, посвященная сейчас имя С. М. Кирова хранит благодарную память о трибуне революции. Памятник был воздвигнут в 1939 г. Он вос-

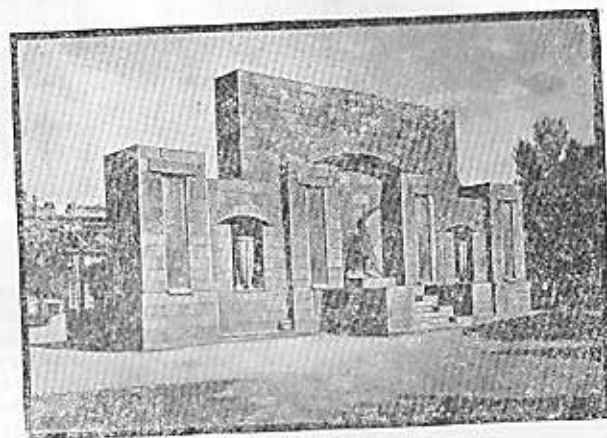
производится на всех открытках с видами Баку, выпущенных после этой даты.

В сентябре 1920 г. в Баку состоялся Первый съезд народов Востока. По предложению Н. Н. Нариманова, делегаты съезда приняли участие в погребении перелесенных из песков Закаспия останков 26-ти бакинских комиссаров на площади, ныне носящей их имя. В пятую годовщину их героической гибели там был воздвигнут памятник работы скульптора Е. Трипольской и архитектора И. Лялевича. На фоне мощной стены полубожаженный рабочий. Общий вид сквера с памятником и сам памятник встречаются на открытках Контрагентства печати, ГИЗа, Союзфото во всех выпусках после 1925 г. (илл. 20).

В 1960 г. на площади был установлен новый памятник работы скульптора С. Мер-

Илл. 20

Илл. 21

Илл. 22

курова. Он запечатлен на открытках из подборки «С. Мерзуров» (СХ, 1962 г. — илл. 21), в подборке «Архитектура в Азербайджанской ССР» (СХ, 1965 г.) и на крупноформатной открытке издательства «Советская Россия» (1967 г.).

В 1968 г. на могиле 26-ти бакинских комиссаров был воздвигнут величественный Мавзолей работы скульптора И. Зейналдова и Н. Мамедова, архитекторов Г. Алескерова и А. Гусейнова. Вырастающая из земли гранитная фигура рабочего со склоненной на грудь головой держит в вытянутых руках чашу с вечным огнем. Над скульптурой на опорах поднято огромное кольцо из желтовато-белого мрамора с надписью на азербайджанском языке «26 Баки комиссары» (илл. 22). Изображение Мавзолея дано на почтовой карточке Министерства связи (1969 г.), на открытках из подборки «Советский Азербайджан» («Планета», 1970 г.), «Баку» («Интурист» и Азербайджанский госиздат, 1970 г.).

Бессмертен подвиг 26-ти. Бессмертна память народная. Три поколения художников трижды воплотили в бессмертном материале торжественно-траурный мемориал героев. Они добивались совершенства, достойного величия подвига. Длительный путь к совершенству документирован в открытках. В какой-то мере это путь развития монументального искусства Азербайджана.

Азербайджан — страна многовековой культуры. Имена его великих поэтов и мыслителей Низами Гянджеви, Ясмины, Хагани и Физули, поэта и государственного деятеля Вагифа широко известны далеко за его пределами. Они внесли весомый вклад в сокровищницу культуры человечества. Вместе с тем, как свидетельствует С. Городецкий, «в Азербайджане долго сохранялись старинные ормы искусства, уже забытые западом, здесь поют ашуги, живет музыкальная импровизация, не ушел из жизни орнамент, с чем любителю запад в музеях, здесь хранилось в жизни».

В XIX в. передовая культура и прогрессивная общественная мысль России оказали благотворное влияние на дальнейшее развитие азербайджанской культуры. Через русскую литературу азербайджанские писатели приобщились к новейшим достиже-

Илл. 23

ниям мировой цивилизации. Под ее влиянием усиливается азербайджанская просветительная литература, направленная против деспотизма, отсталости, фанатизма. Среди просветителей XIX в. видное место занимает Мирза Фатали Ахундов (1812—1878 гг.) — крупнейший писатель-реалист, философ-материалист, основоположник азербайджанской драматургии и выдающийся общественный деятель. Открытка с его портретом, работы М. Абдуллаева, выпущена в 1962 г. Азербайджанским театральным обществом (илл. 23).

Наиболее ярким и талантливым продолжателем традиций М. Ф. Ахундова в азербайджанской литературе был Джалил Мамедкулизаде (1866—1932 гг.). С 1906 г. по 1930 г. он был бессменным редактором самого популярного на Востоке сатирического журнала «Молла Насреддин». Портрет выдающегося азербайджанского сатирика, более известного под псевдонимом «Молла Насреддин», воспроизведен на открытке, выпущенной издательством «Азербайджан» (Баку, 1966 г., худ. И. Наджафули).

Музыкальной культуре азербайджанского народа посвящены многие открытки:

азербайджанский народный танец воспроизведен в подборке «Танцы народов СССР» (СХ, 1957 г.), эдапие Академического театра оперы и балета имени М. Ф. Ахундова (в изданиях «О. А. О.», Г. Ш. Сахарянца и др. — «Майловский театр»), почти во всех подборках советского периода — созданная в годы Советской власти Государственная консерватория имени родоначальника азербайджанской оперы У. Гаджибекова (Изюм, 1954 г.). Весьма любопытна открытка середины 20-х гг. (выпуск Фото-кинофронта): верблюды шествуют мимо здания оперы.

Первым композитором, получившим в Советском Азербайджане профессиональное образование, стал Асаф Зейналлы (1909—1932 гг.). Его творчество, пронизанное задушевной теплотой, вызывает живой отклик у слушателей. Открытка с портретом А. Зейналлы выпущена Азербайджанским госиздатом (1969 г.).

С конца 50-х гг. азербайджанская музыка выдвигается на арену мирового музыкального искусства. Признанным главой сформировавшейся в современном Азербайджане композиторской школы стал Кара Караев. Его произведения завоевали признание слушателей в Москве и Ленинграде, в союзных республиках, а также за рубежом — в ГДР, Чехословакии, Польше, Франции, США и других странах. Выразительный портрет композитора воспроизведен на одной из открыток подборки «Т. Салахов» (СХ, М., 1963 г. — илл. 24).

Творчество азербайджанского художника Таиъз Салахова вызывает большой ин-

терес у любителей живописи. Ему удалось передать в своих картинах благородно-мужественный образ советских нефтяников и своеобразную красоту индустриального пейзажа — «Ремонтники» и «Резервуарный парк» из той же подборки (СХ, 1963 г.).

Персонального комплекта открыток удостоено творчество другого известного азербайджанского художника Миканла Абдуллаева (СХ, М., 1967 г.). Его яркие произведения посвящены людям Азербайджана. В подборке представлены репродукции картин, хранящихся в Государственной Третьяковской галерее, Государственном музее искусств народов Востока, Азербайджанском государственном музее изобразительных искусств имени Р. Мустафаева.

Большое место в культурной жизни Баку занимают Азербайджанский академический театр им. М. Азизбекова и Русский драматический театр им. С. Вургуня. Первому посвящены открытки во всех подборках «Баку» начиная с 1967 г., второму — открытки «Бакинский рабочий театр», издававшиеся в 20—30-х гг. Давно стала библиографической редкостью брошюра «Бакинский рабочий театр. Сезон 1928—1929 гг.». В ней сформулирована его программа: театр считает, «что каждая его продукция, каждое его творение должно являться лентой, вкладом в дело социалистического строительства нашей страны. Каждый шаг его деятельности, с той или иной стороны, должен содействовать успешности нашего продвижения по пути этого строительства... Театр должен играть значительную роль в деле создания нового

Илл. 24

Илл. 25

Илл. 26

человека». Кредо Рабочего театра воспринято коллективом русского драматического театра им. С. Вургуна и соблюдается им как главная традиция.

Минувшие полвека до неузнаваемости преобразили внешний облик Баку. На месте одноэтажных лагун и запущенных пустырей выросли многоэтажные здания и широкие улицы, на которых зеленеют кипарисы, леикеранская мимоза, акации, сливовые деревья и эльдарские сосны. Деревья окаймляют проспекты города и собираются в скверы, парки, бульвары. На открытках из подборок «Баку» последних выпусков город предстает во всем великолепии своеобразной архитектуры, сохраняющей национальные традиции, в буйной зелени оригинально спланированных скверов, умело «вписанных» в городской ансамбль.

«Какой резкий контраст во внешнем виде улиц и домов старого Баку с новыми, созданными за последние годы!» — писал Жан Ринар Блок, посетивший Баку почти треть века назад. «Хочется бродить в нем как в огромном дворе... За последние годы Баку превратился в один из прекраснейших городов нашего Союза... Читатель мог бы подсмотреть в этом красавце-городе... сказку, в тысячу раз лучше сказок Шехерезады», — восхищенно пишет Мариэтта Шагинян. Новые жилые дома по Тбилисскому шоссе и Дом ученых на Проспекте нефтяников, два восхитительных зеленых уголка Приморского парка, сквер у крепостной стены и у Музея Низами, Ботанический сад Академии наук и сама Академия наук Азербайджана — все это можно увидеть на открытках из подборки «Баку» (Азербайджанский госиздат, 1970 г. — илл. 25). А сколько их в других подборках и сколько еще пока не попали на открытки!

Бакинцы украсили свой город скульптурами. Первым 28 апреля 1922 г. был воздвигнут памятник выдающемуся азербайджанскому революционному поэту-сатирику Мирза Алекперу Сабиру (1862—1911 гг.). Этот монумент (скульптор Я. Кейлихес и архитектор Я. Сырышев) встречается на открытках Союзфото и Фото-киностреста 20—30-х гг. В 1958 г. памятник был заменен новым, но на открытках его еще нет.

В 1923 г. в Баку по приглашению Наркомпроса республики приезжал скульптор Степан Эрзя (Нефедов). Посмотрите внимательно на любую открытку с изображе-

нием Дома союза горнорабочих (лучше всего — изд. Бак. Отд. Всесоюз. К-ва печати, 1929 г. — илл. 26). Здание украшено скульптурами, отлитыми из цемента с металлическими опилками. Над фронтоном — азербайджанский и русский рабочие со знаменем, ниже — рабочие, нависающие трубы, справа и слева — бурильщики, на балконе справа — кузнец, слева — молотобоец. Эту скульптурную галерею, посвященную героическому бакинскому пролетариату, создал С. Эрзя.

Великая Октябрьская Социалистическая революция раскрепостила женщин Азербайджана. В память об этом в Баку воздвигнут монумент «освобожденной азербайджанке» (скульптор Ф. Абдурахманов): на строгом пьедестале — бронзовая фигура азербайджанской женщины, срывающей ненавистную чадру. Памятник воспроизведен на открытке из подборки «Изобразительное искусство Азербайджанской ССР» (СХ, 1959 г.).

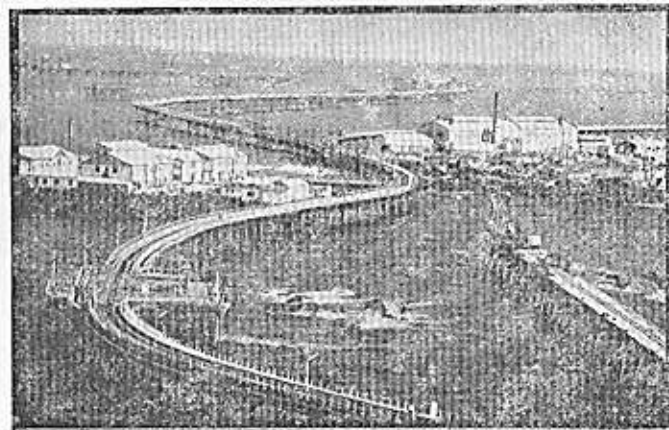
Один из красивейших памятников нашего города посвящен великому азербайджанскому поэту М. Физули, именем которого названа площадь (скульпторы О. Эльдаров и Т. Мамедов, архитектор Г. Ахмедов). На розовом граните постамента — горельефные фигуры, навеянные бессмертной поэмой Физули о трагической и вечной любви Лейли и Меджнун. Памятник воспроизведен на открытках из подборки «Баку» (СХ, 1967, 1968, 1969 гг. и

Азербайджанского госиздата, 1970 г.).

На площади Низами разбит зеленый сквер, в центре которого возвышается бронзовая скульптура великого поэта (автор Ф. Абдурахманов). Площадь-сквер с памятником встречается во всех подборках «Баку», выпущенных после 1949 г. Сам памятник отдельно изображен на открытке, изданной Союзторгрекламой в начале 50-х гг. и на почтовой карточке Министерства связи СССР (1968 г.).

Еще в 1900 г. выдающийся русский энергетик Р. Классон предложил построить трамвай, связывающий Баку с нефтепромысловыми предместьями. Бакинская Дума, среди членов которой были акционеры конки, отклонила это предложение. Первый трамвай (его можно увидеть на многих бакинских видах выпусков 20—30-х гг.) прошел по улицам города 8 февраля 1924 г. И всего через два года — 6 июля 1926 г. — была сдана в эксплуатацию первая в СССР электрифицированная железная дорога Баку — Сабунчи. Об этом упоминают открытки из серии журнала «СССР на стройке» (Изогиз, 1932 г. и Союзфото, Баку, 1932 г.).

Место знаменитой «бахинской арбы» на открытках заняли комфортабельные автобусы, троллейбусы, такси, фуникулер (последний — в подборках «Баку»; Изогиз, 1952 г. и «Интурист», 1968 г.) и, наконец, Бакинский метрополитен имени В. И. Ленина, открытый 6 ноября 1967 г. На открытке

Илл. 27

из подборки «Баку» («Интурист», 1970 г.) видна станция метро «Баки совети»; станцию «Нариманов» можно увидеть в подборке «Баку» («Планета», 1970 г.). Любопытно взглянуть на открытку из подборки «Советский Азербайджан» («Планета», 1970 г.) с изображением морского парома, связывающего порт Баку с Красноподском.

И еще одна интересная «транспортная» открытка — «Пассажирский самолет ИЛ-18 над Москвой», изданная Аэрофлотом. На адресной стороне типографская надпечатка: «На память о первом полете на самолете ИЛ-18 из Баку в Москву 20 июня 1959 г.». Адрес: «Самолет ИЛ-18, рейс 204». Адрес отправителя: «Москва, Главное управление гражданского воздушного флота при Совете Министров СССР». Ежегодно десятки самолетов поднимаются в небо, связывая Баку со всей нашей необъятной Родиной. Этими самолетами в Баку прилетают туристы, которые восторгаются нашим городом. Как выглядит бакинский аэропорт, можно увидеть на открытке из подборки

«Баку» (Азербайджанский госиздат, 1970 г.)

Самый молодой и самый интересный район Баку — город на сваях, Нефтяные Камни. Вместе с тем это и самый крупный в мире морской нефтяной промысел как по запасам, так и по объему добываемой нефти. Открытки с изображением этого уникального города встречаются почти во всех подборках, посвященных Баку и Азербайджану, после 1960 г. (илл. 27). Весьма любопытна серия из пяти открыток (Баку, 1964 г.) по рисункам художников С. Овнатяна, В. Невского, А. Иванова, Ю. Сальникова, посвященная 15-летию Нефтяных Камней.

На этом можно остановиться. Но не останавливается рост Баку — город шагает в завтра, в наше светлое будущее. И каждый день в Баку вырастают новые современные сооружения красивые жилые дома и новые зеленые островки скверов и парков, которые я, надеюсь, тоже найдут себе место на открытках.

ИСТОЧНИКИ

1. В. И. Ленин об Азербайджане. Баку, Азербайджанское государственное издательство, 1970.
2. Ашурбеги С. Очерки истории средневекового Баку (VIII в. — начало XIX в.). Баку, издание АН Азерб. ССР, 1964.
3. Сур. Шаумян. Бакинская Коммуна. Баку, 1927.
4. Сысоев В. М. Баку прежде и теперь. Баку, 1928.
5. Бретаницкий Л. Баку. М.-Л., «Искусство», 1965.
6. Группа авторов. История Азербайджана. Баку, издание АН Азерб. ССР Том 1, 1958; том 2, 1960.
7. Балаев С. Нефть страны вечного огня. Баку, Азербайджанское государственное издательство, 1969.
8. Апресян С. Из прошлого бакинской нефтяной промышленности. Баку, Азербайджанское государственное издательство, 1969.
9. Художественная культура Советского Востока. М.-Л., «Academia», 1931.
10. Маяковский В. Собр. соч., т. 7, М., 1958.
11. Писемский А. Ф. Собр. соч., т. 9, М., 1959.
12. Грин А. С. Собр. соч., т. 6, М., 1955.
13. А. Гаджи-заде, И. Ковальская. Баку. М., «Просвещение», 1970.
14. Группа авторов. Их именами названы улицы Баку. Баку, издание АН Азерб. ССР, 1962.
15. Шлеев В., Файнштейн Э. Художественные открытки и их собрание. М., Госиз, 1960.

СОВЕТСКИЕ

ПАМЯТНЫЕ МЕДАЛИ 1971 г.

Продолжаем, по примеру прошлых лет, публикацию описаний советских юбилейных и сувенирных медалей.

В перечень включены медали, изготовленные Ленинградским (ЛМД) и «Московским (ММД) монетными дворами в 1971 г.

1. Юбилейные медали

- 1*. ЛЕНИН Владимир Ильич (1870—1924). 100 лет со дня рождения (1970).
Бронза; 65 мм ¹, ММД (художник Е. Новицкий).

- 2*. ЛЕНИН Владимир Ильич (1870—1924). 100 лет со дня рождения (1970).
Серебро; 75 мм, ЛМД (скульптор Ю. Егоров).

* Здесь и далее: Медаль изготовлена в 1970 г.
¹ Здесь и далее — диаметр медали.

3*. 50 ЛЕТ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Азербайджана (1920—1970).
Бронза; 60 мм, ЛМД (скульптор А. Рустамов).

С. 50 ЛЕТ АДЖАРСКОЙ Автономной Советской Социалистической Республики (1921—1971).
Алюминий; 60 мм, ЛМД (скульптор Г. Вуладзе).

9. 10 ЛЕТ первому в мире полету человека в космос (1961—1971).
Бронза; 45 мм, ЛМД (скульптор Г. Постников).

12. 250 ЛЕТ Ордена Ленина заводу «Красногвардеец» (1721—1971).
Алюминий; 65 мм, ЛМД (художник Б. Жадановский).

4. 50 ЛЕТ ГРУЗИНСКОЙ Советской Социалистической Республики (1921—1971).
Бронза; 60 мм, ЛМД (скульптор Э. Амашукели).

7. 50 ЛЕТ КОМИ Автономной Советской Социалистической Республики (1921—1971).
Бронза; 60 мм, ЛМД (скульптор В. Рохин).

10. 750 ЛЕТ городу ГОРЬКОМУ (Нижний Новгород) (1221—1971).
Бронза; 65 мм; алюминий; 45 мм, ЛМД (скульптор М. Сальман).

13. 10 ЛЕТ Ордена Трудового Красного Знамени Котласскому целлюлозно-бумажному комбинату имени 50-летия ВЛКСМ (1961—1971).
Алюминий; 45 мм, ЛМД (гравер-медальер И. Комшилов).

5. 50 ЛЕТ АБХАЗСКОЙ Автономной Советской Социалистической Республики (1921—1971).
Бронза; 60 мм, ММД (скульптор В. Иванба).

8. 10 ЛЕТ первому в мире полету человека в космос (1961—1971).
Бронза; 60 мм, ЛМД (скульптор Н. Соколов).

11*. 250 ЛЕТ городу ПАВЛОДАРУ (1720—1970).
Бронза; 65 мм, ЛМД (скульптор А. Федотов).

14. 100 ЛЕТ ИРГИРЕДМЕТУ (Иркутский государственный научно-исследовательский проектный институт редкометалльной промышленности) (1871—1971).
Бронза; 55 мм, ММД (художник В. Гуммер, гравер-медальер А. Новичков).

15. 50 ЛЕТ театру имени Евг. Вахтангова (1921—1971).
Бронза; 65 мм, ЛМД (художник М. Фраднин).

16. БАКУЛЕВ Александр Николаевич (1890—1967). 80 лет со дня рождения (1970).
Бронза; 60 мм, ЛМД (скульптор Д. Поллков).

17. ДОСТОЕВСКИЙ Федор Михайлович (1821—1881). 150 лет со дня рождения (1971).
Бронза; 60 мм, ММД (скульптор Ю. Нерода).

18. ИВАНОВ Илья Иванович (1870—1932). 100 лет со дня рождения (1970).
Бронза; 60 мм, ЛМД (скульптор О. Барановская).

19. УКРАИНКА Лесья (Носач-Квитка Л. П.) (1871—1913). 100 лет со дня рождения (1971).
Бронза; 60 мм, ЛМД (скульптор Г. Кальченко).

20. НЕКРАСОВ Николай Алексеевич (1821—1878). 150 лет со дня рождения (1971).
Бронза; 60 мм, ММД (скульптор М. Эшба).

21. ФАДЕЕВ Александр Александрович (1901—1956). 70 лет со дня рождения (1971).
Бронза; 60 мм, ММД (скульптор А. Филиппова).

22. РЕЗЕРФОРД Эрнест (1871—1937). 100 лет со дня рождения (1971).
Бронза; 60 мм, ММД (скульптор В. Акимущина).

II. Сувенирные медали

1. МОСКОВСКИЙ автомобильный орденов Ленина и Трудового Красного знамени завод имени И. А. Лихачева.
Бронза; 60 мм, ММД (граверы-медальеры В. Никищенко и В. Решетцев) 2.

2. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ордена Ленина Академический Малый театр СССР.
Бронза; планета, 55×85 мм, ММД (художник М. Фраднин).

² Аналогична медали, изготовленной в 1966 г. в ознаменование 50-летия завода (см. сборник «Советский коллекционер», вып. 5, (1967), стр. 65), но имеет следующие отличия: на лицевой стороне нет дат; на оборотной стороне вместо «50 лет» отчеканено «Год основания 1916».

3. МОСКВА, Центральный стадион имени В. И. Ленина.
Бронза, алюминий; 60 мм, ММД (скульптор Б. Старис).

4. В ПАМЯТЬ посещения Московского района г. Москвы.
Бронза; 65 мм, ММД (гравер-медальер В. Никищенко)².

Описание составил А. ШАТЭН

А. СЕРГЕЕВ

ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИМ МОНЕТАМ

В античную эпоху на обширных пространствах юга теперешней территории нашей страны наряду с привозной греческой, а позднее и римской монетой обращалась монета местной чеканки, более или менее верно воспроизводившей тип утвердившейся на местных рынках греческой или римской монеты. Эту местную монету в нумизматической литературе называют «варварскими подражаниями»¹ или просто «подражаниями».

Появление подражаний вызывалось экономической необходимостью. Когда в силу каких-либо обстоятельств (войны, стихийные бедствия и пр.) поступление привозной монеты прекращалось, правители местных племен были вынуждены чеканить свою монету для удовлетворения торговых нужд. Надписи на некоторых подражаниях расшифровываются как имена вождей племен или племенных образований. Это также свидетельствует в пользу предположения об официальном характере местных эмиссий².

Для изучения древней истории нашей страны важное значение имеют восточноевропейские подражания греческим монетам. Они принадлежат к распространенным у нас памятникам античности, и большое количество их хранится в музейных коллекциях и частных собраниях. К сожалению, в отечественной нумизматической литературе подражаниям уделяется мало внимания, поэтому многие выводы и обобщения относятся к области гипотез и догадок.

Под восточноевропейскими подражаниями греческим монетам подразумеваются монеты фракийских (в том числе гето-дакских), кельтских (долина Дуная) и предположительно скифо-сарматских племен, чеканившиеся к северу от границ греческой метрополии на всем Балканском полуострове, по течению Дуная, и далее к востоку от Карпат до северочерноморских степей. Чеканка в этом районе имела свои зако-

¹ Древние греки и римляне называли варварами все иноязычные племена и народы.

² Мы не касаемся монет фракийских, гето-дакских и скифских царей, чеканившихся на монетных дворах завоеванных ими греческих городов, так как по сути дела это греческие монеты и подражаниями назвать их нельзя.

¹ На оборотной стороне медали воспроизведен портрет В. И. Ленина, впервые чеканенный на лицевой стороне медали «100 лет со дня рождения В. И. Ленина» (см. сборник «Советский коллекционер», вып. 9 (1970), стр. 139).

померности. Здесь выпускалась только серебряная монета и имитировались типы греческих монет, редко воспроизводившиеся в других районах. Несмотря на стилистическое многообразие, восточноевропейские подражания резко отличаются по стилю от подражаний других районов³.

В восточной Европе чеканка подражаний начинается с высшего серебряного номинала — тетрадрахмы. С развитием товарно-денежных отношений появляются и более мелкие номиналы — драхма и ее фракции.

Среди подражаний встречаются монеты, как близкие к прототипу по трактовке изображений, так и чрезвычайно далекие от него. Во многих случаях это — результат многоступенчатости в чеканке. Сначала имитировался греческий прототип, а через некоторое время прототипом могло оказаться и подражание. В процессе «подражания подражаниям» греческий прототип порой искажался до неузнаваемости.

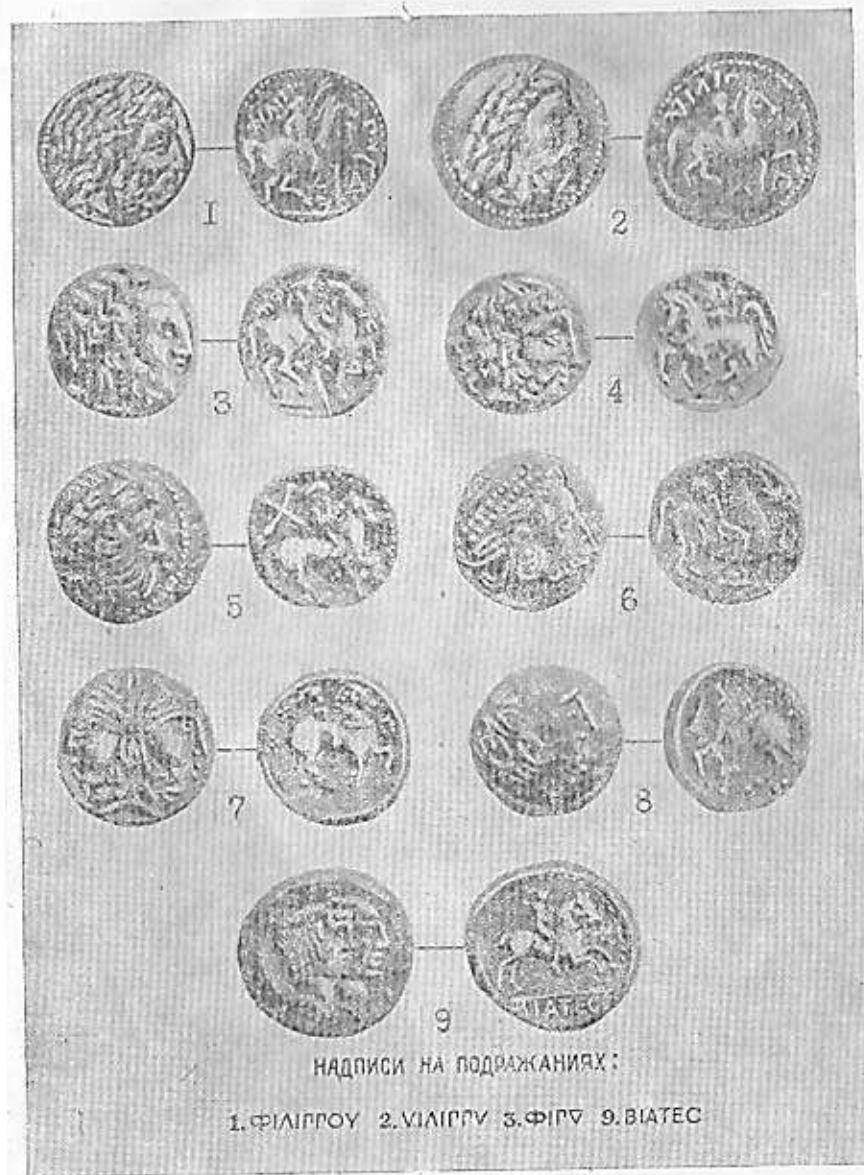
Время и место чеканки того или иного вида подражаний в нумизматической литературе установлены лишь приблизительно. Единственным удобным способом пока что может служить классификация подражаний по их внешнему виду, по стилю изображения. Она позволяет в общих чертах определить древность монеты и культурные традиции чеканившего ее племени. Исходя из стилистического анализа, подражания можно подразделить на четыре группы:

1. Близкие подражания, чеканившиеся племенами, находившимися под сильным греческим влиянием, и более или менее правильно трактующие изображения прототипа. Греческие надписи на них переданы верно или с незначительными ошибками (илл. 2, 11, 14, 18).

2. Наивные подражания, чеканившиеся племенами, далекими от греческой культуры и не имевшими своей ярко выраженной художественной традиции. Изображения прототипов на них переданы детально, но по стилю напоминают детский рисунок. Незнакомый с греческим языком, резчик штемпелей механически копировал надпись, на монете возникали трудночитаемые либо нечитаемые вовсе ряды букв или букволодобных знаков (илл. 16, 19, 20).

3. Стилизованные подражания, чеканившиеся племенами, обладавшими собственной художественной традицией. Греческие изображения на них тракуются согласно местным религиозным и эстетическим воззрениям. Среди монет этой группы часто встречаются замечательно красивые экземпляры. Надписи на стилизованных подражаниях, как правило, заменяются декоративными мотивами (илл. 4—7).

4. Далекие подражания, изображения на которых переданы предельно схематично. На самых поздних подражаниях сохраняются лишь отдельные элементы изображения. Такую монету порой нелегко возве-

³) Основные районы чеканки подражаний: Западная Европа, Малая Азия, Аравия, Месопотамия, Кавказ, Средняя Азия.

ПОДРАЖАНИЯ ТАТРАДРАХМАМ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО, ЛИСИМАХА
И ПЕРВОГО РАЙОНА МАКЕДОНИИ

ПОДРАЖАНИЯ ТЕТРАДРАХМЕ ОСТРОВА ФАСОС

сти к тому или иному прототипу. Надпись превращается в набор прямоугольников или точек или вовсе отсутствует (илл. 8, 21, 22).

Стиль подражаний постоянно эволюционировал, близкое подражание может содержать элементы стилизации, далекое — мотивы местных религиозных представлений и т. д. Поэтому иногда трудно провести грани между подражаниями перечисленных групп.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ И ВИДЫ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ПОДРАЖАНИЙ ГРЕЧЕСКОЙ МОНЕТЕ

ПОДРАЖАНИЯ МОНЕТАМ ФИЛИППА. Первыми греческими монетами, вызвавшими волну подражаний в восточной Европе и отразившими политическую и экономическую экспансию Македонии, были тетрадрахмы Филиппа II Македонского (359—336 гг. до н. э.). На их лицевой стороне изображен профиль бородастого Зевса в лавровом венке, на оборотной — обнаженный мальчик с пальмовой ветвью верхом на коне. В поле монеты — греческая надпись, монограммы и добавочные символы, указывающие место чеканки и имя человека, ведавшего монетной эмиссией. Вес — около 14,5 г (илл. 1).

На близком подражании (илл. 2), чеканенном фракийцами или гетами в конце IV—III вв до н. э. (известны находки в Молдавии), профиль Зевса передан достаточно верно и выразительно, хотя более обобщенно, чем на македонских монетах. На оборотной стороне — изображение мальчика на коне анатомически недостоверно и несет некоторые черты наивности. Надпись слегка искажена. В поле под передними ногами коня — остаток монограммы. Вес приближается к весу прототипа. Среди монет этого вида встречаются многочисленные экземпляры, чеканенные одной парой штемпелей. Имеются основания предположить, что эти монеты выпускались на территории Молдавии или где-то поблизости.

В районе Карпат широко распространены гето-дакские или кельтские близкие подражания с чертами стилизации, особенно заметными в трактовке коня и всадника (илл. 3). От надписи остались всего четыре буквы. Под брюхом коня — звездочка. Эти монеты часто имеют надчеканы в виде крестика, кружка, звезды и т. д. В античности надчеканы свидетельствовали о пригодности потертой или иностранной монеты в качестве платежного средства. На карпатских подражаниях нередко бывают

нету. В поле за всадником — крест, иногда под конем — пальмовая ветвь. Средний вес — около 11 г. Интересно, что наряду с тетрадрахмами среди монет этого вида изредка попадаются мелкие номиналы весом около 4 г.

Совершенно иное художественное решение у другого вида гето-дакских тетрадрахм II в. до н. э. (илл. 6). Профиль на лицевой стороне имеет мало общего с греческим Зевсом. Он лишен подбородка, на голове вместо венка — диадема из двух рядов точек. На оборотной стороне — стилизованный отклонившийся назад всадник на стрекоженном коне с утиным клювом. Изящество линий и совершенство композиции позволяют отнести эту монету к прекрасным образцам народного творчества. Монеты этого вида известны на небольших толстых кружках и на тонких кружках большего диаметра. Вес их — около 14,5 г.

Мы уже отмечали, что на подражаниях тетрадрахмам Филиппа голова Зевса претерпевает разнообразные изменения в трактовке лица и убранстве. Предполагают, что резчики штемпелей отождествляли Зевса с одним из местных божеств и изображали его согласно своим религиозным представлениям. Это особенно заметно на гето-дакской тетрадрахме III—II вв. до н. э. (илл. 7), где на лицевой стороне дано изображение дуликого бородастого божества, несомненно, из местного пантеона. Несмотря на кажущееся сходство, мы не можем возвести его к дуликому Янусу римских монет, так как они попали в восточную Европу значительно позже. На оборотной стороне монеты — стилизованный всадник в шлеме с развевающимися перьями. Грива, пышный хвост и суставы ног коня переданы точками. Под мордой коня — розетка из точек. Вес — около 13 г.

Подражания монетам Филиппа — самые распространенные в восточной Европе. Они первыми завоевали местные рынки и удерживались на них около трех столетий, успешно соперничая с другими типами подражаний и оказывая на них влияние. Так всадник с филипповых монет перешел на оборотную сторону подражаний тетрадрахам царя Пеонии Патрая (335—315 гг. до н. э.), не встречающихся на территории СССР, и на оборотную сторону так называемой «биатековой монеты». Подражания монетам Александра Македонского и Первого района Македонии утвердились на

рынках западного Причерноморья, но в глубь материка не смогли проникнуть, так как там продолжали удерживаться подражания монетам Филиппа. Свообразным рубежом, разграничивавшим обращение разных типов подражаний, была современная Трансильвания, где во II—I вв. до н. э. чеканились тонкие чашечкообразные монеты из низкопробного серебра весом от 8 до 12 г. На лицевой стороне их встречается профиль Зевса с монет Филиппа, профиль Геракла с монет Александра или бюст Артемиды с монет Первого района Македонии; на оборотной — неизменный филиппов всадник. Исходя из единства стиля (все это далекие подражания с чертами стилизации), можно предположить, что трансильванские подражания с разными типами лицевой стороны чеканились одновременно. Об этом свидетельствуют также рассеянные по всему западному Причерноморью гибридные монеты, сопрягающие штемпеля подражаний разных типов: лицевую сторону Филиппа и оборотную Александра и т. д.

На территории СССР в районе Карпатских гор встречаются далекие подражания, подобные трансильванским, тоже тонкие чашечкообразные монеты, обычно из низкопробного серебра, только меньших диаметра и веса (около 7 г). Изображенная на их лицевой стороне голова настолько схематична, что невозможно утверждать, Зевс ли это с монет Филиппа или Геракл с монет Александра (илл. 8). На оборотной стороне — такой же схематичный конь; всадник на нем передан набором нескольких точек.

Союз кельтских племен на территории Норика (современная Словакия, находки возможны в Закарпатье и Молдавии) в 75—60 гг. до н. э. чеканил монету, представляющую переход от подражаний греческим прототипам к подражаниям римской монете. Надписи на них (имена вождей союза) выполнены латинскими буквами: «BIATEC», «NEMET», «NONNOS» и т. д. По самому распространенному из этих имен норикские подражания называют «биатековой монетой». На самой распространенной из биатековых тетрадрахм изображены две безбородые головы, скопированные с римского денария, на котором они олицетворяют честь и добродетель. На оборотной стороне — всадник с монет Филиппа и надпись: «BIATEC». Вес — около 17 г. (илл. 9). Существуют другие типы

лицевой стороны порицких подражаний, имитирующие различные греческие и римские прототипы. В редких случаях на обеих сторонах монеты представлены местные, не имевшие аналоги: дракон, волк, отрубленная голова и т. д. Интересно отметить, что в порицкой чеканке наряду с тетрадрахмами часто встречаются мелкие монеты — драхма и ее фракция. Порицкая монетная система была более развитой, чем в любом районе Восточной Европы: од влиянием кельтских эмиссий юга территории современной ГДР в ней участвовало золото, так называемые «радужные чашечки», выпукло-вогнутые монеты с изображением раковины и надписью: «VIATEC».

ПОДРАЖАНИЯ МОНЕТАМ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО. Монеты Александра Македонского (336—323 гг. до н. э.), обращавшиеся на большинстве рынков древнего мира, также вызвали восточноевропейские, по преимуществу фракийские, подражания. Монеты Александра главным образом (тетрадрахмы) выпускались в течение двух-трех веков после его смерти и стали основной торговой монетой античности. Их чеканили в греческой метрополии, в Малой Азии, в Сирии, Египте, Месопотамии и Западном Причерноморье, причем всюду на их стиль влияли местные художественные традиции. Тетрадрахмы при жизни Александра чеканили на небольших толстых кружках, а после его смерти — на тонких кружках большего диаметра.

На лицевой стороне прототипа (илл. 0) изображен профиль Геракла в львином скальпе, на оборотной — борогатый Геракл на троне с орлом на вытянутой правой руке и скипетром в левой. В поле — греческая надпись, монограммы и различные дополнительные символы. Вес — около 7 г. С подражаниями монетам Александра связаны подражания монетам его брата — преемника Филиппа III Арридея (323—16 гг. до н. э.), имевшие те же типы лицевой и оборотной сторон и отличавшиеся от монет Александра греческой надписью: «ΦΙΛΙΠΠΟΥ». Отличить эти два вида подражаний можно лишь по надписи или ее остаткам.

На близком подражании III в. до н. э. (илл. 11) несколько стилизованный профиль Геракла с тяжелым подбородком далек от греческих идеалов прекрасного. Изображение Зевса на троне огрублено. Надпись свидетельствует о том, что это подражание тетрадрахме Александра. В поле под орлом сохраняется монограмма.

На подражании II в. до н. э. (илл. 12) резчик штемпеля отказался от изображения профиля Геракла и представил лицевую сторону монеты в виде округлой выщипанности. На оборотной стороне Зевс воспроизведен неумело и по стилю напоминает детский рисунок. Искаженная надпись, несомненно, происходит от греческой — «ΦΙΛΙΠΠΟΥ». В поле под орлом и тронем — монограмма.

Среди подражаний монетам Александра и Филиппа Арридея в большом количестве встречаются мелкие номиналы — драхмы.

Вес подражаний монетам Александра и всех последовавших за ними типов восточноевропейских подражаний приближается к весу их прототипа и составляет около 17 г. Подражания монетам Александра, а также Лисимаха и Первого района Македонии были кратким эпизодом в восточноевропейской чеканке. Район распространения этих монет — западное Причерноморье: современных Болгарии, Румынии, юго-запада СССР⁴.

ПОДРАЖАНИЯ МОНЕТАМ ЛИСИМАХА. Фракийские племена на территории современной Болгарии в III—II вв. до н. э. чеканили подражания тетрадрахмам фракийского царя Лисимаха (323—281 гг. до н. э.). На лицевой стороне прототипа (илл. 13) изображен профиль Александра Македонского, на оборотной — сидящая на троне Афина с богиней победы Нике на вытянутой правой руке. В поле монеты — надпись, монограммы и добавочные символы.

Подобно монетам Александра монеты Лисимаха были торговой монетой и чеканились более столетия. Особенно распространение в восточной Европе получили посмертные тетрадрахмы Лисимаха, чеканившиеся в городе Византии на тонких

кружках большого диаметра. Изображения на них сильно огрублены, под сидящей Афиной — эмблема Византии, трезубец Посейдона. Подражания монетам Лисимаха всегда близкие и отличаются от греческой торговой монеты лишь явными чертами местной стилизации.

На большинстве подражаний тетрадрахмам Лисимаха (илл. 14) изображения и надписи переданы достаточно правильно, но стиль монеты подчеркнуто декоративный, «узурчатый». Вероятность находок этих подражаний на территории СССР невелика⁵.

ПОДРАЖАНИЯ МОНЕТАМ ПЕРВОГО РАЙОНА МАКЕДОНИИ. После завоевания Македонии римлянами в 168 г. до н. э. и раздела ее на четыре района основной серебряной монетой на Балканском полуострове стала обильно чеканившаяся в городе Амфиполе тетрадрахма Первого района Македонии (илл. 15). На лицевой стороне изображен македонский щит с профилем Артемиды в центре, на оборотной — палица Геракла в дубовом венке и надпись. В поле монеты — от одной до трех монограмм.

Среди подражаний этим тетрадрахмам встречаются монеты разных стилей — близкие, нанизные, стилизованные и далекие — все с надписями от верных до нечитаемых. Разнообразие стилей свидетельствует о продолжительности эмиссий. Эти подражания находят почти во всем западном Причерноморье (возможны находки и на территории СССР). Однако, судя по относительно небольшому количеству дошедших до нас подражаний этого типа, тираж их был, вероятно, невелик.

Наивное подражание конца II—I вв. до н. э. (илл. 16) свидетельствует о попытке чеканить подражания македонским тетрадрахмам в районе, где уже укоренились фасосские тетрадрахмы и подражания им. Профиль Артемиды на лицевой стороне размещен не на македонском щите, а непосредственно в поле монеты. Голова Артемиды украшена двумя цветками плюща. Обе эти особенности — не случайности, они указывают на влияние типа фасосских тетрадрахм, на которых профиль Диониса в плющевом венке с двумя цветками занимает всю лицевую сторону. На оборотной стороне этого под-

ражания — грубое изображение палицы, шести дубовых листьев и искаженная надпись. Монограммы отсутствуют.

ПОДРАЖАНИЯ ТЕТРАДРАХМАМ ФАСОСА. Последней греческой монетой, вызвавшей многочисленные подражания в восточной Европе, были тетрадрахмы острова Фасос. Они чеканились более столетия (начиная с середины II в. до н. э.) после закрытия римлянами македонских монетных дворов. На лицевой стороне прототипа (илл. 17) изображен профиль молодого Диониса в плющевом венке, на оборотной — стоящий Геракл с палицей под правой рукой и львиной шкурой, выпадающей с левого плеча. Греческая надпись обрамляет изображение Геракла с трех сторон. В поле — монограмма.

Широко распространены в Молдавии и на юге Украины подражания фасосским тетрадрахмам стилистически чрезвычайно разнообразны.

На близком стилизованном подражании рубежа II—I вв. до н. э. (илл. 18) правильно переданы все существенные черты изображения и надписи прототипа, но стиль резко отличается от греческой монеты. У Диониса четко очерченный короткий нос; Геракл тоже коротконос, коренаст и широкоплеч. Некоторые элементы изображения переданы рельефными точками. Если учесть, что штемпеля монеты резаны рукой талантливого мастера (правильная передача надписи, видимо, свидетельствует о знании греческого языка), а декоративные точки — излюбленный мотив устойчивой художественной традиции, то допустимо предположение, что отклонение от греческих канонов в изображении человеческого лица и фигуры не случайно и выражают особенности местного этнического, вероятно гето-дакского, типа. При сравнении этого подражания с прототипом приходится констатировать, что оно гораздо выразительнее греческой монеты.

«Коротконосые Дионисы» встречаются в Румынии и на юго-западе СССР. Существуют близкие нестилизованное подражания тетрадрахмам Фасоса с «длинноносными Дионисами». Большая часть их найдена на территории Болгарии и, вполне возможно, выражает особенности фракийского этнического типа. Фракийские подражания попадали и на территорию СССР. Это

⁴ Недавно стали известны закавказские подражания тетрадрахмам и драхмам Александра: их чеканили на территории современного Азербайджана. Все эти подражания тетрадрахмам наизыбы по стилю и отличаются от восточно-европейских подражаний характерно западным тронем Геракла. Драхмы — во большей части стилизованные, на очень тонких кружках. В приморской части Грузии (древняя Колхида) издавна известны подражания золотым монетам Александра.

⁵ На западе Грузии (древняя Иберия) встречаются подражания золотым монетам Лисимаха.

носится как к близким, так и к наивным подражаниям.

На наивном подражании I в. до н. э. (илл. 19) профиль Диониса и фигура Гекла сильно огрублены. Надпись слегка искажена. На другом наивном, тоже фрагийском, подражании, выполненном с небрежностью детского рисунка (илл. 20), поле обратной стороны заполнено буквенными знаками, многие из которых напоминают шейную гривну — рисунок. Надпись под изображением «Гекла» — не что иное, как зеркальное отражение греческого слова «ФАСИОН», видимо, резчик знал, что обозначает принадлежность монеты — наиболее существенная часть надписи, и, насколько мог, добросовестно ее скопировал. Правда, в этом он не учел, что для правильного воспроизведения необходимо было вырезать буквы на штемпеле в зеркальном отражении.

На наивных подражаниях наряду с искаженными надписями фасосского типа иногда встречаются иные надписи: вавилонские — «ФРАКОН» или имена племен — «КОТИОС», «ДЕТИ» и др.

Далекое подражание тетрадрахме Фаса I в. до н. э. (илл. 21), видимо гетоское, сохраняет лишь общую композицию прототипа. Дионис и Геракл переданы предельно схематично, вместо надписи — два ряда точек. Интересно, что Диониса на этом подражании пять (!)

глаз. Должно быть, резчик штемпелей отождествил его с кем-то из божеств местного пантеона. Примеры подобных отождествлений можно найти на далеких и наивных подражаниях тетрадрахмам Фасоса, где голова Геракла бывает окружена расходящимися лучами или превращается в птичью голову.

Некоторые исследователи утверждают, что подражания тетрадрахмам Фасоса чеканились скифами и сарматами в северном Причерноморье (юг Украины), однако нам ни разу не приходилось встречать описаний или изображений этих монет. Если это утверждение истинно, то какими же могут быть скифо-сарматские подражания? Среди далеких подражаний фасосским монетам, не зарегистрированных в зарубежных изданиях, но попадающих на территории СССР, существуют монеты, чеканенные не на ровных литых, как большинство античных монет, а на кованых кружках с неровной поверхностью, на которой прочеканивается лишь часть штемпеля (илл. 22). В северном Причерноморье не было месторождений серебра, поэтому монетные кружки могли отковываться лишь из привозных серебряных изделий. Вес этих монет превышает вес прототипа.

Фасосские тетрадрахмы и подражания им часто встречаются в кладах вместе с серебряными римскими денариями, которые к концу I в. до н. э. вытеснили из восточно-европейского обращения греческую монету.

Мы не могли охватить всего многообразия восточно-европейских подражаний, встречающихся на территории СССР, и ограничились описанием наиболее характерных монет этого рода и попыткой стилистической классификации, облегчающей расположение их в коллекции. Издание подлинно научной историко-географической классификации этих монет — дело археологов, историков и музейных работников.

Советские нумизматы-любители, особенно на Украине и в Молдавии, обладают уникальной возможностью создать достаточно полные научно осмысленные коллекции восточно-европейских подражаний, в которых могут оказаться и доселе неизвестные типы. Особую ценность таким коллекциям придаст точное указание мест находки каждого экземпляра. Со временем это поможет науке установить место выпуска именных подражаний. Только совместными усилиями нумизматов — ученых и любителей — удастся составить научно обоснованный и полный свод подражаний, чеканившихся или применявшихся в денежном обращении на территории юго-запада нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

- А. Н. Зограф. Античные монеты. М.-Л., 1951, стр. 101, 102.
H. de la Tour. Atlas des monnaies gauloises. Paris, 1892.
A. Blanchet. Traité des monnaies gauloises, I, II, Paris, 1905.
R. Forrer. Keltische Numismatik der Rhein- und Donaulande, I, Straßburg, 1908; II, Graz, 1969.
M. Dessewffy. Barbar Penzei, I—IV. Budapest, 1910—1913.
Ян Филип. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961, стр. 130—138.
P. la Baume. Keltische Münzen, Braunschweig, 1960.
K. Pink. Einführung in die Keltische Münzkunde. Wien, 1960.
C. Preda. Moneda antica in Romania. Bucuresti, 1969.

П. КАРЫШКОВСКИЙ,

доктор исторических наук

ВТОРАЯ КРУПНАЯ МОНЕТА ЦАРЯ ИНЕНСИМЕЯ

В конце I в. н. э. далекую Ольвию посетил прославленный философ и преподаватель красноречия Дион, прозванный современниками Хрисостомом («Златоустом»). Наблюдательному гостю бросилось в глаза, что «город борисфенитов» (так называли Ольвию из-за ее близости к устью Днепра, именовавшегося у греков Борисфеном) занимает лишь часть своей бывлой территории, тесно застроен невзрачными домишками и огражден низкой и непрочной стеной; надгробные памятники и находившиеся в храмах статуи носили следы неоднократных разрушений. По словам Диона, наиболее сильное разорение города было результатом взятия его гетами примерно за полтора года до его поездки. Вместе с тем Дион подчеркивает, что, хотя город был восстановлен по желанию соседних скифов и многие из них поселились в его стенах, ольвинопольцы сохранили любовь к поэмам Гомера и живой интерес к сокровищам эллинского духа¹.

Археологические раскопки подтвердили и уточнили рассказ древнего очевидца. И все-таки история возродившейся после гетского раз-

¹ Дион Хрисостом. Борисфенитская речь. Перевод В. В. Латышева. — «Вестник древней истории», 1948, № 1 (23), стр. 228.

Илл. 1. Монеты с именем царя Иннесимей, чеканенные в Ольвии:

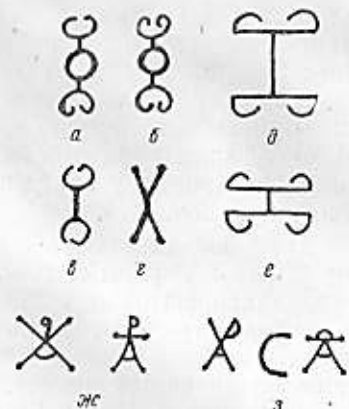
а — из коллекции Д. И. Мошнягина (Москва); б — из коллекции Британского музея (Лондон)

рома Ольвии, характер ее взаимоотношений с окружающими племенами известны недостаточно. На помощь историку приходят надписи и, разумеется, монеты. Обедневший и часто тревожимый воинственными соседями город почти не чеканил серебра, поэтому каждая новая монета может оказаться важным историческим источником. То же относится к редчайшим золотым и серебряным монетам с именами «варварских» царей, использовавших для их изготовления монетный двор зависевшего от них города. Эти монеты никогда еще не были встречены в ходе научных раскопок ольвийского городища; они представлены лишь в немногих музеях. Не приходится говорить, какую ответственность возлагает обладание одной из таких монет на ее владельца и насколько важна своевременная и точная публикация данных о ней.

Осенью 1971 года в собрание московского коллекционера Д. И. Мошнягина поступила одна из таких наиболее редких серебряных монет, когда-либо вышедших из ольвийского монетного двора. На лицевой стороне монеты (илл. 1а) изображена обращенная вправо голова бородатого, стриженного в кружок царя в диадеме, концы которой опускаются вдоль шеи, украшенной крупнозернистым ожерельем (или гривной). За головой помещен царский знак (илл. 2а), вокруг надпись: «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΙΝΕΝΣΙΜΕΩΣ» (титул и первые буквы имени вошли в пределы монетного кружка лишь своими нижними частями). На обороте представлена также обращенная вправо голова безбородого божества в лавровом венке с волосами, собранными на затылке в шаровидный узел. Под обрезом шеи (на ней заметна одежда или драпировка) находится грубое изображение плывущего вправо дельфина, позади в поле помещены две монограммы (илл. 2ж), спереди полукругом размещена надпись, означающая название города и первый слог

Илл. 2. Знаки и сокращения на царских монетах, чеканенных в Ольвии:

а — царский знак на монетах Иннесимей; б — царский знак на монетах Иннесимей; в — царский знак на ранних монетах Фарзоя; г — царский знак на поздних монетах Фарзоя; д, е — варианты царского знака на плитках с надписями боспорского царя Иннесимей из Танаиса; ж — монограммы на реверсе монет Иннесимей; з — монограммы и сокращения на реверсе монет Иннесимей

имени должностного лица (архонта), при котором производилась эмиссия. Следует добавить, что на монете заметны лишь нижние половины букв, составляющих название города. На обеих сторонах монеты изображения и надписи заключены в точечный круг, уцелевший лишь частично. Монета чеканена из серебра, на неровном, плотном кружке (диаметр — 22,5—23,5 мм; вес — 11,12 г). Сохранность ее следует признать хорошей, хотя имеются царапины и другие мелкие механические повреждения поверхности.

До сих пор был известен единственный экземпляр этого типа монет, хранящийся в настоящее время в Британском музее. Когда-то он входил в состав распроданной по частям в 20-х г. коллекции бывшего великого князя Александра Михайловича и был описан А. В. Орешниковым². Монета Британского музея (илл. 1б) отчеканена на кружке несколько большего диаметра (24—25 мм); по весу и по сохранности она не отличается от описанного экземпляра (11,13 г по Орешникову, 11,11 г по Хиллу). Более того, можно утверждать, что обе монеты выбиты одним и тем же штемпелем аверса. Различия между ними обусловлены только тем, что штемпель реверса неодинаков. Действительно, легко видеть, что они сличаются не только художественностью и аккуратностью исполнения, но и рядом деталей. Так, на монете Британского музея перед лицом божества различаются следы изображения лука, незаметные на новой монете; имя города размещено на ранее известном экземпляре ретроградно (и притом вершинами букв не

² А. В. Орешников. Эскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. «Нумизматический сборник», III, М., 1915, стр. 16, табл. I, 6; G. F. Hill. Greek coins acquired by the British Museum in 1920. «Numismatic Chronicle», 1921, стр. 165, табл. IV, 8; ср. А. Н. Зограф. Античные монеты. «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 16, М.-Л., 1951, табл. XXXIII, 28. Первое упоминание о монете Иннесимей находим в Протоколах Московского нумизматического общества в апреле 1908 г. («Нумизматический сборник», I, М., 1911, стр. 650).

к гурту, а к центру кружка; сохранились лишь N и верхние части букв «омеги» и «эпсилона»); нижняя монограмма (сокращение архонтского титула) помещена не параллельно, а перпендикулярно по отношению к вертикальной оси основного изображения; наконец, на монете Британского музея полностью выставлено имя архонта — ΝΙΚΗΡΑΤΟΥ. Таким образом, вновь обнаруженную монету следует рассматривать как вариант ранее известного типа. Это, естественно, повышает ее научную ценность.

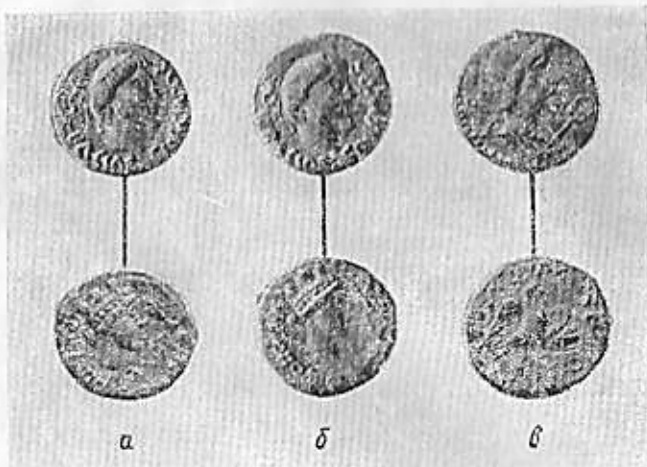
Хотя первая монета с именем загадочного Иненсимея стала известна лишь в первом десятилетии нашего века, вопрос о том, кем был представленный на ней царь с явно выраженными чертами негреческого этнического типа, возник, можно сказать, на заре ольвийской нумизматики. Еще в начале XIX в. в собрание одного из первых коллекционеров античных монет нашего юга, основателя Одесского археологического музея И. П. Бларамберга (1772—1831), поступила небольшая серебряная монетка с уже знакомым нам бородатым лицом в царской диадеме с непонятным знаком у затылка. Эту монету описал известный в то время французский ученый Д. Рауль-Рошетт (1789—1854), автор многотомного труда о греческой колонизации. Рауль-Рошетт воспользовался при этом рисунком и сведениями, сообщенными ему его русским корреспондентом и приятелем, одним из основоположников отечественной археологии и нумизматики И. А. Стемпковским (1789—1832). Оба они признали в изображении портрет неизвестного классическим авторам скифского или сарматского вождя. Надпись вокруг портрета была прочтена «ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΙΝΣ ΜΕΟΣ» (в русской транскрипции); царский знак был осмыслен как крылатый жезл Гермеса (кадуцей); изображения и монограммы на обороте получили неверное истолкование, но остатки надписи позволили сразу же отнести монету к Ольвии. В том же году описание и изображение этой монеты были включены в каталог коллекции Бларамберга и новый нумизматический памятник должен был, казалось, твердо войти в научный обиход³.

Книга Рауль-Рошетта сразу же привлекла внимание русских ученых: молодой исследователь прошлого Новороссии и Тавриды П. И. Кеппен (1793—1864) и маститый академик Е. Е. Келер (1765—1837) откликнулись подробными рецензиями. В своем суховатом, но дельном отзыве Кеппен (также будущий академик) кратко остановился на монете неизвестного царя, упомянув при этом, что она не только чеканена в Ольвии, но и найдена на ее руинах; Келер, однако, в придирчивом и далеко не всегда справедливом разборе труда французско-

³ D. Raoul-Rochette. Antiquités grecques du Bosphore-Cimmérien. Paris, 1822, стр. 100—104, табл. IV, 1; ср. Choix de médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia faisant partie du cabinet de Blaramberg à Odessa. Paris, 1822, стр. 63, § LIX, табл. XX, 201 (автор прочел имя царя: ΙΝ. ΜΕΩΣ).

Илл. 3. Монеты с именем царя Иненсимея и царя Фарзоя, чеканенные в Ольвии:

а — из коллекции Государственного Исторического музея (Москва); б — из коллекции Государственного Эрмитажа (Ленинград); в — из частной коллекции (Одесса)

го коллеги обрушился на него, между прочим, и за публикацию занимающей нас монеты: петербургский академик безоговорочно объявил последнюю «подделкой», сообщив при этом что ему предлагали несколько лет назад приобрести подобный экземпляр для Эрмитажа (Келер был с 1798 г. хранителем эрмитажного минцкабинета) и что им были получены в связи с этим слепок и рисунок находившейся где-то на юге России монеты. В такой же мелочной и неосновательной рецензии на работу Кеппена Келер столь же голословно повторил свое мнение о несомненной поддельности монеты, описанной Рауль-Рошеттом⁴.

Заключение Келера, не подтвержденное никакими конкретными соображениями и вызванное, надо полагать, необычностью изображений и непонятностью надписи на монете из собрания Бларамберга, опровергается, в сущности, уже указанием Кеппена на ее находку на месте древней Ольвии. Вскоре последовала еще одна находка, на этот раз на развалинах древнего святилища Ахилла на уединенном и необитаемом острове Левке (Фидониси на картах прошлого века; нынешний Змеиный остров против устья Дуная). Новый экземпляр дал возможность одесскому историку и нумизмату Н. Н. Мурзакевичу (1806—1883) различить все детали изображений (был замечен стеной венец на голове представленной на обороте богини), полностью

⁴ Обе рецензии Келера были опубликованы в Петербурге отдельными брошюрами без фамилии автора в 1823 г., а затем вошли в изданное там же в 1850 г. собрание его сочинений (Н. К. Е. Köhler's Gesammelte Schriften, т. 1, стр. 142—143, т. II, стр. 23, 24); ср. P. von Koerper. Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Wien, 1823, стр. 34.

прочсть надпись вокруг головы царя «БАСИЛЕОС ИНИСМЕОС» (в русской транскрипции) и правильно разобрать обе монограммы на обороте (илл. 2,з)⁵. Сведения о царе Инисмее и его серебряных монетах были несколькими годами позже включены в посвященный античным монетам Северного Причерноморья сводный труд Б. В. Кене (1817—1886), еще и сейчас охотно цитируемый зарубежными нумизматами. Автор, которому, кроме монет, описанных Рауль-Рошетом и Мурзакевичем, был известен еще один «прекрасный экземпляр» занимающего нас типа из собрания известного коллекционера А. А. Сибирского (1824—1879), высоко оценил художественные достоинства монет «скифского царя Инисмея» и признал их, как и следовало ожидать, подлинными. Впрочем, после выезда из России Кене резко изменил свое мнение и объявил даже экземпляр с острова Левки «более чем подозрительным»; он отметил попутно, что ему случилось видеть (очевидно, еще до отъезда за границу) и другую фальшивую монету этого царя⁶.

Сомнения, посеянные Келером и Кене, стали рассеиваться, когда появились сведения о чеканенных в Ольвии золотых монетах с именем Фарзоя, другого «варварского» царя, установившего власть над городом (ср. илл. 3а). Впрочем, В. В. Латышев (1855—1921), автор пока единственного монографического исследования об Ольвии, оставил, по существу, вопрос о подлинности монет Инисмея открытым⁷. К этому времени, однако, стала известна еще одна монета этого царя (илл. 3а) поступившая вместе со всем собранием херсонского коллекционера древностей П. О. Бурачкова (1815—1894) в Исторический музей в Москве и образцово описанная вместе с одной из монет Фарзоя А. В. Орешниковым (1855—1933)⁸. Включение ее изображения в Берлинский свод монет Северной Греции⁹ окончательно восстановило в правах Инисмея и его монеты, подлинность которых была признана также А. Л. Бертье-Делагардом (1842—1920), опубликовавшим веса

⁵ Н. Н. Мурзакевич. Монеты, отысканные на острове Левке или Фидониси. «Записки Одесского общества истории и древностей». Т. III. Одесса, 1853, стр. 244, 245, табл. IV, 9.

⁶ Б. В. Кене. Музей покойного кн. В. В. Кочубея. Т. 1, СПб., 1857, стр. 71, 72; т. II, стр. 331, примечание; В. von Köhne. Die Münzen der Scythen. «Berliner Blätter für Münz-Siegel-und Wappenkunde». Т. II, Berlin, 1865, стр. 136, примечание.

⁷ В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, стр. 11, 120. Неуверенность автора отчасти объясняется тем, что в использованном им русском переводе каталога И. П. Бларамберга (М., 1828, стр. 63) монета Инисмея показана медной, а надпись и монограмма некажени.

⁸ А. В. Орешников. О монетах скифских царей с именем города Ольвии. «Записки Русского археологического общества». Т. IV, 1890, стр. 24, табл. II, 12.

⁹ В. P i c k. Die antiken Münzen Nord-Griechenlands. Т. I. Dacien und Moesien. Ч. 1, Berlin, 1898, табл. XII, 9.

известных ему пяти экземпляров¹⁰, к которым в настоящее время можно прибавить еще три других¹¹.

Сравнивая крупные монеты с именем Инисмея (илл. 1а—б) и небольшие монетки с именем Инисмея (илл. 3а—б), нетрудно выявить ряд общих признаков, позволяющих объединить те и другие в одну серию. На обороте представлено, правда, различные божества — на крупных монетах оно характеризуется лавровым венком и добавочным изображением дельфина под обрезом шеи, на малых — голова божества увенчана, кроме лавров, стеной короной, так что уже Кене правильно увидел здесь богиню Тихе, покровительницу Ольвии. Но при этом различна общность царского портрета и помещенного при нем знака, одинаковое размещение и содержание надписей (впрочем, крупные монеты чеканены при архонте Никерате, а малые при другом архонте, по мнению А. В. Орешникова, при Сатире, сыне Артемидора), а также одинаковая фактура плоских монетных кружков, низкий рельеф изображений и весь стиль исполнения, посвоему четкий и выразительный, хотя несколько графичный и даже резковатый, позволяют не только отнести все эти монеты к одному времени, но и делают возможным приурочение их к одному и тому же правителю¹².

К сожалению, ни в уцелевших произведениях античных авторов, ни в ольвийских эпиграфических документах ничего не говорится об Инисмее или Инисмее. Нелишне поэтому напомнить, что еще И. А. Стемпковский сопоставил имя царя, чеканившего свои серебря-

¹⁰ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды. «Нумизматический сборник», П. М., 1913, стр. 67, N 23. Вот эти монеты: (а) вес 3,90 г, найдена на Левке (см. прим. 5, 6; ср. также Е. Н. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, табл. III, 27); (б) вес 3,74 г, Государственный Исторический музей, М. (прим. 8, 9; ср. П. О. Бурачков. Общий каталог монет. Ч. I. Одесса, 1884, стр. 77, № 250, табл. IX, 212; А. В. Орешников. Экскурсы, стр. 17, табл. I, 7; А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XXXIII, 27 (ав); (в) вес 3,69 г, принадлежала согласно Кене кн. Сибирскому, от которого перешла сначала к Х. Х. Гилю, а затем к упомянутому выше великому князю (ср. прим. 6 и 2); нынешнее местопребывание неизвестно; (г) вес 3,57 г, Государственный Эрмитаж (рис. 2.2); (д) вес 3,07 г, из коллекции Бларамберга, плохой сохранности (ср. прим. 3, 4 и 6).

¹¹ Это, во-первых, монета из бывшей коллекции Г. П. Алексеева в Екатеринославе, вес 3,47 г (ср. Sotheby and Co. London. Catalogue of the Auction 2—3 July 1924. The Property of a Russian Nobleman, стр. 3, таб. I, 18); нынешнее местопребывание неизвестно; во-вторых, в конце 20-х гг. монета Инисмея была приобретена Британским музеем (без указания происхождения; вес 3,36 г; ср. G. F. Hill. Greek coins acquired by the British Museum in 1929. Numismatic Chronicle, 1930, стр. 291, табл. XIX, 9); в-третьих, такая же монета хранится в Музее истории религии и атеизма в Ленинграде (вес 3,04 г, сохранность удовлетворительная; монета не описана). Необходимо заметить, что все монеты Инисмея происходят от одной пары штемпелей (впрочем, монета, принадлежавшая кн. Сибирскому, нам недоступна).

¹² А. В. Орешников. Экскурсы, стр. 16, 17; его же. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. «Известия РАИМК», т. I, Пг., 1921, стр. 228, 229; А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 138, 139.

ные монеты в Ольвии, с именем боспорского царя Тиберия Юлиа Иинифимея (234/35—239/40 гг. н. э.), известного по группе надписей, найденных в древнем Танаисе¹³, и по сравнительно нередко встречающимся монетам, среди которых встречается медь и догравированные статеры¹⁴. На этих монетах заметны значительные колебания в написании царского имени при передаче его в родительном падеже ININΘI-MAIOY, ININΘIMEOY и ININΘIMHYOY, на некоторых монетах вполне удовлетворительной сохранности читается INΘIMEOY и даже INMEOY¹⁵. Родство всех этих форм, являющихся разными графическими воспроизведениями того же чуждого греческому слуху туземного имени, позволяет присоединить к этому ряду и начертания Иинисмеос (в русской транскрипции) на ольвийских монетах. Иными словами, в основе всех приведенных именных образований лежит один и тот же антропоним, выступающий то в полной, то в краткой форме¹⁶. Это личное имя следует, по-видимому, связывать с ираноязычным (и уже — с сарматским) племенным миром¹⁷. О том же свидетельствует весь внешний облик царя, носящего на шее гривну (илл. 1а,б), и своеобразный локон, свисающий вдоль виска [заметен лишь на малых монетах. (илл. 3а,б)], — украшение и прическа чуждые причерноморским грекам. Особенно важен при этнической характеристике царя неизменно помещаемый позади его головы знак (илл. 2а,б), естественно входящий в круг так называемых сарматских царских тамг и встречающий довольно близкие соответствия на некоторых памятниках из Северного Причерноморья¹⁸. Нелишне добавить, что хотя на монетах боспорского Иинифимея нет его знака, но на трех (из четырех известных) надписях с его

именем имеется такой знак, отличающийся от знака Иинисмея, главным образом, отсутствием центрального круглого звена (илл. 2д,е); знак Иинифимея, в свою очередь, находится на многих предметах, найденных в причерноморских и приазовских степях; он очень близок к царскому знаку на чеканенных в Ольвии золотых монетах Фарзоя¹⁹.

Полное отсутствие исторических свидетельств о царях, чеканивших в Ольвии золотую и серебряную монету со своим изображением, именами и личными знаками, открывает широкое поле для всевозможных догадок и домыслов. Здесь не место для их разбора, но хотелось бы заметить, что часто повторяемое утверждение о том, что Фарзой и Иинисмея были правителями крымских скифов²⁰, является лишь одним из возможных предположений: царские знаки позволяют считать обоих скорее вождями сарматских племен, а Дион Хрисостом и ольвийские надписи упоминают в окрестностях города в занимающее нас время и скифов, и сарматов. С другой стороны, соглашаясь с Орешниковым и Зографом в том, что монеты Иинисмея пришли на смену монетам Фарзоя, трудно воздержаться от мысли о том, что отчетливое клеймо IN на золотой монете последнего, найденной в середине прошлого века в Нижнем Поднепровье (илл. 3в)²¹, может содержать начальный слог имени Иинисмея, подтверждавшего, возможно, таким путем обращение монет своего предшественника...

Отметим в заключение, что «варварское» (сарматское?) происхождение царя Иинисмея не исключает его монеты из числа других ольвийских эмиссий. Напротив, и крупные, и мелкие монеты с его именем объединяются с городскими монетами целым рядом сюжетных, композиционных и стилистических черт. Так, мы встречаем на близких по времени к царскому серебру медных монетах Ольвии и изображение богини в стеном венце²², изображение божества в лавровом венке с характерным круглым узлом волос на затылке²³. Близкие соответствия

¹³ Корпус Боспорских надписей. М.-Л., 1965, стр. 740 сл., №№ 1249—1252.

¹⁴ До находки монеты Иинисмея на Левке Мурзакевич даже предпринял попытку приписать изданный Рауль-Рошеттом экземпляр указанному боспорскому царю, см. N. Murzakewicz. Descriptio musei publici Odessani. I. Numophylacium Odessanum. Odessae, 1841, стр. 40, № 1, табл. I, 11.

¹⁵ А. В. Орешников. Эскурсы, стр. 17; ср. А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XLIX, 16—18; W. Wroth. Catalogue of the Greek Coins of the British Museum. Pontus London, 1889, стр. 74—75, табл. XVII, 11, 12; A. Von Sallet. Zur Numismatik der Könige von Pontus und Bosphorus. «Zeitschrift für Numismatik», т. IV, 1887, стр. 310, 311.

¹⁶ Миния приводит (указ. соч., стр. 487) в качестве параллели имена СПАРГАПСНС и СПАРГАПЕИНС у Геродота. Можно предполагать, что иранская фонема во всех рассматриваемых именах передавалась греками как при помощи спиранты С, так и при помощи дентальной аспиранты θ; нечеткость или даже беглость произношения безударной гласной между двумя носовыми делает объяснимыми колебания между I и E и даже полное выпадение этой редуцированной гласной на письме в кратких формах имени Иинифимея — Иинисмея.

¹⁷ Попытку разъяснения этого имени см. Я. Хармагга. К истории Херсонеса Таврического и Боспора. «Античное общество», М., 1967, стр. 207 (ср., однако, сдержанное заключение Зругсты — L. Zrugsta. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste, Prag, 1955, стр. 311, § 656).

¹⁸ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, стр. 87 сл., № 41/42; стр. 113 сл., № 57; стр. 122, № 61; стр. 161, № 148.

¹⁹ Э. И. Соломоник. Указ. соч., стр. 61 сл., №№ 14—16 (ср. также знаки №№ 41, 55, 57—58, 98—100, 102). Знак на монетах Фарзоя находится не в поле у головы царя, как это полагал А. В. Орешников (Этюды, стр. 228), а в лапах орла на обороте, как это правильно указал А. Н. Зограф, напрасно отождествляющий, впрочем, знаки Фарзоя и Иинисмея (указ. соч., стр. 138, табл. XXXIII, 24—26; ср. В. Pick. Указ. соч., табл. XII, 6—8).

²⁰ См., например, Д. П. Каллистов. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952, стр. 166; Д. Б. Шелов. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956, стр. 145; В. Д. Блаватский. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, стр. 71; Б. Н. Граков. Скифы. М., 1971, стр. 40, 41.

²¹ Н. Н. Мурзакевич. Монета скифского царя Фарзоя. «Записки Одесского общества истории и древностей», т. V. Одесса, 1863, стр. 593—594. Монета находилась в упомянутом выше собрании великого князя, а затем была продана за границу (ср. Naville et Co. Genève. Catalogue XVI. Collection St. Marceaux et autres. Auction 3 juillet 1933, стр. 64, табл. 36, 1077).

²² Зограф. Табл. XXXIV, 6; Pick. Табл. XI, 1.

²³ Зограф. Табл. XXXIV, 12, 15, 16; Pick. Табл. XI, 7, 10—12, 14.

находим и при выделении таких деталей, как наличие деформированного дельфина под бюстом божества и лука перед его лицом²⁴. Наконец, на ольвийских монетах известны и ретроградное размещение круговой легенды²⁵ и даже такие штемпеля, в которых направление письма меняется в середине слова²⁶; широко представлены на городских монетах монограммы.

Все перечисленные сопоставления не только прочно включают монеты Иненсимея в ряд ольвийских эмиссий, но и определяют время их чеканки, которая, как это убедительно показали А. В. Орешников и А. Н. Зограф, приходится на вторую половину I в. н. э.; со своей стороны, мы бы сочли возможным несколько уточнить эту дату, отнеся монеты Иненсимея к концу 80-х или к началу 90-х гг. Такое заключение хорошо увязывается со средними весами рассматриваемого серебра, которые относятся как 3:1 (11, 12 г и 3,48 г) и соответствуют реальным средним весам римского денария (3,78 г при Клавдии, 3,24 г при Нероне, 3,18 г при Траяне)²⁷. Необычность такого номинала, как три денария²⁸, находит себе объяснение в особенностях денежного обращения в восточных провинциях Рима в эпоху ранней империи: в Малой Азии продолжается в это время выпуск серебра, причем основной номинал этой чеканки (средний вес его составлял при Августе 11,96 г, при Клавдии — только 10,16 г) рассматривался одновременно и как три римских денария, и как тетрадрахма традиционной для этой области системы кистофоров²⁹. Если большие монеты Иненсимея следовали, что очень вероятно, этому образцу, то они также были не только тройными денариями (в глазах римлян), но и тетрадрахмами (в глазах местного населения)³⁰. В связи с этим следует напомнить, что именно эмиссия тетрадрахм рассматривалась в эллинистической Азии как важная прерогатива независимой царской власти, и поэтому крупное серебро Иненсимея было в глазах его современников не менее ярким свидетельством суверенности этого правителя, чем чеканка золота его предшественником Фарзоем.

г. Одесса

²⁴ Зограф. Табл. XXXIV, 13; Pick. Табл. XI, 7, 9; ср. также Орешников. Экскурсы, табл. II, 23.

²⁵ Зограф. Табл. XXXIII, 25; Орешников. Экскурсы, табл. II, 23.

²⁶ Pick. Табл. XII, 8; ср. также Hill. Greek coins acquired by the British Museum in 1929. «Numismatic Chronicle», 1930, табл. XIX, 8.

²⁷ L. C. West. Gold and Silver Coin Standards in the Roman Empire. New York, 1941, стр. 21, табл. Идеальные нормы составляли при Августе $\frac{1}{4}$, а при Нероне $\frac{1}{8}$ римского фунта, т. е. 3,90 и 3,41 г.

²⁸ Ср. А. Л. Бертъе-Деллагард. Указ. соч., стр. 128, примечание 10.

²⁹ H. Mattingly. Coins of the Roman Empire in the British Museum. T. I., London, 1965, стр. LIII, ср. А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 53.

³⁰ Этому не противоречит их вес: средние веса парфянских царских тетрадрахм составляют при Пагоре (78—115 гг. н. э.) 11,72 г, а при Вологасе III (105—147 гг. н. э.) 11,09 г (см. L. C. West. Указ. соч., стр. 73, 74); таким образом, Иненсимей фактически придерживался тех же весовых норм, что и современные ему владыки Парфии.

А. ШИШКИН

Условные обозначения монетных дворов и медальеров на монетах стран Европы

Статья под таким заголовком, опубликованная в седьмом выпуске сборника «Советский коллекционер», вызвала многочисленные отклики.

Собиратели монет из Риги, Даугавпилса, Одессы, Кировска, Ворошиловградской области и другие прислали ценные замечания и дополнения. Редакция СК и автор выражают им свою благодарность.

Кроме того, после опубликования статьи автору стали доступны некоторые материалы, которыми он ранее не располагал. Эти обстоятельства и побудили автора продолжить работу над статьей, а редакцию Сборника опубликовать дополнение к ней.

Надо иметь в виду, что авторские инициалы и подписи на монетах нередко сопровождаются начальными буквами или слогами латинских терминов, обозначающих характер участия мастеров в создании монеты:

F или FEC	— сделал, изготовил;
INV или invenit	— изобрел, придумал;
SC или SC-t-scalpsit	— вытесил;
M или modeliert	— моделировал;
SC или SC-t-scalpsit	— вырезал;
INC или INC-t-incidit	— вырезал.

РОССИЯ И СССР

В 1896 г. на Парижском монетном дворе, кроме рублей и полтинников, была отчеканена также часть монет 25-копеечного достоинства, а в 1897—1899 гг. в Париже и Брюсселе чеканились только рубли и полтинники [9].

Русские бильдоновые монеты 1916 г., изготовленные в Японии в г. Осака, распознаются по отсутствию инициалов начальника монетного отделения [9].

Медные монеты 1896 и 1897 гг., хотя и помечены буквами СПб, чеканены в Бирмингеме на монетном дворе фирмы Хитен (Heaton), а в 1899 г. Министерство финансов передало заказ на чеканку меди заводу Розенкранца в Петербурге [9].

В перечне инициалов начальников монетных отделений указано:

Н. П. — Николай Юсса (Юсса) 1848—1877 гг.

Н. Ф. — Николай Фоллендорф 1864—1882 гг.

С легкой руки Х. Гиля, поместившего эти даты в своих работах [1, 2], они перешли затем в каталоги других авторов [4].

Между тем даты требуют детализации в соответствии с обозначениями на монетах: Н. П. — Николай Юсса 1848; 1852—1855; 1856—1877 гг.

Н. Ф. — Николай Фоллендорф 1864—1866; 1877—1882 гг.

Нуждается в обосновании утверждение, что инициалы А. Г. на пятирублевике 1889 г., рубле 1898 г. с памятником Александру II и рубле 1912 г. с памятником Александру III принадлежат медальеру Аврааму Грилихесу.

Гиля и Ильин [2], а позднее Гаршин [3] относили их к другому медальеру — Авениру Грилихесу.

Детально, на Петербургском монетном дворе в конце XIX — начале XX вв. работали два медальера, носившие эту фамилию: Авенир Григорьевич (1822—1905) и его сын Авраам Авенирович (1849—1912).

Великий князь Георгий Михайлович [5], ссылаясь на документы монетного двора, утверждает, что портрет Александра III, помещаемый с 1886 г. на золотых и серебряных монетах, выполнен Авраамом Грилихесом, а Авениру принадлежит гербовая сторона этих монет.

Рубль 1898 г. на открытие памятника Александру II почти полностью повторяет изображение на медалях, посвященных этому же событию и подписанных «ГРИЛИХ. СЫНЪ», т. е. Авраам Грилихес.

Работа над рублем 1912 г. с памятником Александру III напрасно приписывается Авениру Грилихесу — он умер в 1905 г.

Советские рубли и полтинники с инициалами П. Л. (Петр Латышев) известны не с 1924 г., а с 1922 г. (тип с пятиконечной звездой и гербом РСФСР). В 1923 г. этими же инициалами помечены советские червонцы, а рубли и полтинники не выпускались вообще. С 1924 г. появился новый тип рублей и полтинников с буквами П. Л. и Т. Р. (последние только на некоторых полтинниках 1924 г.).

Вопрос о месте чеканки полтинников 1924 г. с буквами Т. Р. (Томас Рос), заказанных нашим правительством в Англии, до сих пор исследователями освещается по-разному. Фортинский [6] и Спасский [9] относят их к чеканке Лондонского монетного двора, а Мошнягин и Дашевский [7] — к чеканке — Бирмингемского (фирмы «Бирмингем Лимитэд»). При этом обычно не приводится ссылок на документы, только в статье Мошнягина и Дашевского упоминается о пробных полтинниках, поднесенных послу СССР И. М. Майскому и консулу В. Е. Багрову при посещении ими в 1924 г. Бирмингемского монетного двора [8].

ПРИБАЛТИКА [10]

Данные о монетных эмиссиях республик Прибалтики в период существования буржуазного режима представлены таблицей.

Монетный двор Латвии был организован при печатном дворе государственных бумаг в Риге, начал чеканить монеты 17 марта 1937 г., и существовал он до 25 марта 1941 г.

На нем чеканились монеты нового типа. В 1940 г. некоторое количество монет было изготовлено штемпелями 1939 г.

На эстонской монете 25 сентов 1928 г. имеются буквы Т. К. Это инициалы Теодора Кляррих (Theodor Käärrik, р. 1889 г.), директора государственного печатного двора в Таллине с 1923 г. до его ликвидации. Проставление его инициалов на монетах не вызыва-

Тип монет	Авторы проектов		Место чеканки
	Художники-графики	Медальеры и граверы (резчики штемпелей)	
ЛАТВИЯ			
Серия 1922 г. (50, 20, 10, 5, 2 и 1 сантим) и 1 сантим 1924 г.	Рихард Зариньш (Richard Zarrins, 1869—1939), монеты подписаны его фамилией	Швейцарский медальер Анри Жако (Henri Jacot)	Фирма «Братья Уггени и сыновья» (Huguenin Freres and Sons) в Де-Локле (Швейцария, кантон Невшатель)
2 и 1 сантим этого же типа 1926 и 1928 гг.	То же	То же	Бирмингемские фирмы «Бирмингем - Лимитэд» (монеты в 2 сантима) и «Кингс Нортон Лимитэд» (монеты в 1 сантим)
2 и 1 сантим 1932 г.	>	>	Лондонский монетный двор
1 сантим 1935 г.	>	>	«Бирмингем Лимитэд» и «Кингс Нортон Лимитэд» по 2,5 млн. экземпляров каждая фирма
5 лат 1929, 1931 и 1932 гг.	Рихард Зариньш, без подписи	Английские медальеры: сторона с портретом женщины, олицетворяющей Латвию — Перси Меткеф (Percy Metcalfe, р. 1835 г.). Сторона с гербом — Джорж Крюгер Грей (George Krueger Gray)	Лондонский монетный двор
1 лат. 1924 г., 2 лата 1925 и 1926 гг.	Я. Тилберг (J. Tilbergs)	Джорж Крюгер Грей	То же
Новый тип: 2 сантима 1937 и 1939 гг., 1 сантим 1937, 1938 и 1939 гг.	Лудольф Либерт (Ludolf Liberts, 1895—1959) и Артур Апинис (A. Apinis) р. 1904 г.	Вероятно, Апинис гравировал и штемпеля этих монет	Латвийский государственный печатный и монетный двор в Риге
ЛИТВА			
Серия 1925 г. (5, 2, 1 лит. 50, 20, 10, 5 и 1 сент)		Юзас Зикарас (Juozas Zikaras, 1881—1944)	Серебряные монеты — на Лондонском монетном дворе, бронзовые — фирмой Кингс Нортон в Бирмингеме. Кроме того, около 2 млн. монет 1 лит с датой 1925 г. изготовлено фирмой Спиндулис (Spindulis) в Каунасе
Монеты 1936 г. (10 литов с Витовтом, 5 литов с Басанавичусом, 5, 2 и 1 сент)		То же	Фирма Спиндулис в Каунасе на заготовках, полученных с Брюссельского монетного двора
10 литов 1938 г. в память 20-летия буржуазной Литвы		>	То же
Пробные 2 лита 1938 г. (двух типов)		>	Брюссельский монетный двор
ЭСТОНИЯ			
Серия 1922 г. (5,3 и 1 марка)	Эльза Розендорф		Фирма Гирш (Hirsch Messing und Kupferwerke) в Берлине
Монеты 1924 г. (5 и 1 марка) и 1925 г. (10 и 3 марки)	>		Таллинский печатный двор

Тип монет	Авторы проектов		Место чеканки
	Художники-графики	Медальеры и граверы (резчики штемпелей)	
Серия 1926 г. (10, 5, 3 и 1 марка), 25 сентов 1928 г., 10 сентов 1931 г. и 50 сентов 1936 г.	г. Вестенберг	Карл Таель (Долл. р. 1894 г.)	Таллинский печатный двор
1 сент 1929 г. и 2 кроны 1930 г. (с Таллинским замком)	Академик Гюнтер Рейндорф (р. 1889 г.)	То же	>
5 сентов 1931 г., 2 сента 1934 г. и 1 сент. 1939 г.	Сторона с номиналом — Г. Вестенберг, сторона с гербом — Г. Рейндорф	>	>
2 кроны 1932 г. (300 лет университета в Тарту)	Сторона со зданием — Г. Вестенберг, сторона с гербом — Г. Рейндорф	>	>
1 крона 1933 г. (10-й певческий фестиваль)	Сторона с лирой — Г. Рейндорф, сторона с гербом — Г. Вестенберг	>	>
1 крона 1934 г.	Сторона с кораблем — Г. Рейндорф, сторона с гербом — Г. Вестенберг	>	>
20 сентов 1935 г.	Г. Вестенберг	Эвальд Марног (р. 1911 г.)	>

дось необходимо. По этому поводу в 1934 г. были резкие выступления в парламенте и в печати¹.

АВСТРИЯ (ДО 1918 г. АВСТРО-ВЕНГРИЯ) [11]

Известны авторы проектов ряда памятных монет Австро-Венгерской империи [16].

Тип монет	Авторы проектов	Место чеканки
Талер 1868 г. в память 10-го стрелкового фестиваля в Вене	Вацлав Сейдан (Vaclav Seidan, 1817—1870) — сторона с аллегорической фигурой под деревом (подписана SEIDAN)	Венский монетный двор
2 гульдена 1879 г. на «серебряную» свадьбу Франца Иосифа I	Фридрих Левзек (Friedrich Lelzsek, 1839—1898) — сторона с портретами (по модели скульптора Иосифа Таутенхайна, 1837—1911 гг.), Антон Шарф (Anton Scharff, 1845—1903) — сторона с аллегорической фигурой (также по модели Таутенхайна). Обе стороны без подписей	> То же

¹ Эстонская энциклопедия (на эст. яз.), т. 5, стр. 28.

Тип монет	Авторы проектов	Место чеканки
Талер 1884 г. в память 400-летия выпуска первого в мире талера	Антон Шарф	Венский монетный двор
4 дуката и 2 гульдена 1885 г. в честь вторых стрелковых состязаний в Инсбруке	Антон Шарф по эскизу А. Буссона. Под портретом Максимилиана I подписи BUSSSON—A. SCHARFF.	>
2 гульдена 1887 г., так наз. «Кутногорские», на возобновление добычи серебра на Кутной горе	Фридрих Левзек — сторона с портретом. Андрей Нойдек (Andreas Neudeck, 1849—1914) — сторона с церковью св. Барбары (подписана A. NEUDECK)	>
1, 10 и 20 крон 1908 г. на 60-летие царствования Франца Иосифа I	Рудольф Маршал (Rudolph Marschall, р. 1873 г.) — стороны с портретом. Андрей Нойдек — оборотные стороны	>
5 крон 1908 г. на это же событие	Рудольф Маршал — сторона с портретом. Стефан Шаарц (Stephan Schwartz, 1851—1924) — сторона с аллегорической фигурой	>
100 крон 1908 г. на это же событие	Рудольф Маршал — сторона с портретом	>
Монеты с портретом Франца Иосифа I, начиная с 1909 г.	Стефан Шаарц — стороны с портретом подписаны ST. SCHWARTZ	>
Пробная, так наз. «победная», крона 1914 г.	Карл Гецц (Karl Goetz, 1875—1950)	>
Крона 1896 г. в память 1000-летия прихода венгров в Дунайскую долину	Филипп Эдмунд Бек (Philipp Edmund Beck, 1873—1945), без подписей	Кремницкий монетный двор (К. В.)
5 и 100 крон 1907 г. на 40-летие коронации Франца Иосифа I в Будweisште	Карл Герл (Karl Gerl, 1857—1907) — стороны с портретом. Иосиф Рейснер (Joseph Reissner, 1859—1929) — стороны с изображением коронации	То же
Сувенирная серия венгерских монет 1896 г. на 1000-летие прихода венгров на Дунай. Выпущена в подражание старинным венгерским монетам. В обращении не была	Карл Герл, Иосиф Рейснер и Александр Майер (Alexander Mayer, 1840—1919)	>

Автор 25-шиллинговой монеты 1969 г. в память австрийского писателя П. Розегера — медальер Рихль (Richl), а 50 шиллингов 1970 г., с портретом кашцлера Реннера, — скульптор Гюнтер Басель (Gunther Baszel р. 1902 г.).

АЛБАНИЯ И НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА АЛБАНИЯ

Албанские монеты периода буржуазной республики, королевства и итальянской оккупации выпущены Римским монетным двором и имеют обозначение R. Часть монет 1927 и 1930 гг. чеканена Венским монетным двором и помечена буквой V.

Проекты изготовил итальянский медальер Джузеппе Романьола (Giuseppe Romanola, р. 1872 г.), а штемпеля гравировал главный медальер монетного двора в Риме Атилио Мотти (Attilio Motti), фамилии их обозначены на монетах.

Монеты Народной Республики Албании не имеют обозначения места выпуска и изготовившего их медальера.

АНДОРРА

Это маленькое государство, находящееся под совместным портекторатом Франции и Испании, пользуется французскими и испанскими монетами. В последние годы здесь выпущено небольшое количество юбилейных монет в 50 и 25 динаро, носящих сувенирный характер. Серия 1960 г. с изображением Карла Великого, по преданию основателя Андорры, 1963 г. — с портретом епископа Бенлоха и 1964 г. — с портретом Наполеона I, при котором Андорра временно входила в состав Франции, чеканены в Мюнхене.

Автор проекта серии 1960 г. — Брейтгольц Гинзе (Breitholz Hinze). Портреты Бенлоха и Наполеона I на двух последующих сериях выполнил Мюллер (Müller).

БОЛГАРИЯ И НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА БОЛГАРИЯ

Серия бронзовых и медно-никелевых монет 1901—1913 гг. изготовлена Парижским монетным двором по проектам медальера Альфреда Борреля (Alfred Borrel) (родился в 1836 г., умер в начале XX в.).

На этих монетах имеются значки: администрации монетного двора (рог изобилия), главного медальера Патэ (факел) и подпись медальера A. BORREL.

Портрет Фердинанда I на монетах 100 левов 1912 г. принадлежит австрийскому медальеру Рудольфу Маршалу.

50 стотинков 1937 г. выполнены по проекту болгарского художника-графика Вадима Захарьева².

Монеты Народной Республики Болгарии чеканятся на монетном дворе в Софии без условных обозначений.

ВАТИКАН

Серия монет 1969 г. папы Павла VI изготовлена резчиком Монасси, по проекту К. Рuffини и имеет подпись «С. RUFFINI-MONASSI INC».

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ [12]

Данные об авторах проектов английских монет представлены в таблице.

Тип монет	Авторы проектов	Место чеканки
С портретом молодой королевы	МОНЕТЫ КОРОЛЕВЫ ВИКТОРИИ (1837—1901) Портрет королевы работы Вильяма Вайона (William Wyon, 1795—1851). Инициалы W. W. а на крупных серебряных W. WYON ³ . С 1869 г. на бронзовых монетах появляется портрет другого типа работы Леонарда Чарльза Вайона (Leonard Charles Wyon 1825—1891). Монеты 1869—1881 гг. помечены инициалами L.C.W., более поздние — без инициалов.	Лондонский монетный двор. Часть бронзовых монет 1874—1876 и 1881—1882 гг. выпущена фирмой Ральф Хитен и сыновья (Ralph Heaton and Sons) в Бирмингеме и опознается по наличию буквы H под датой.

² Е. В. Томов «Васил Захарьев», София, «Български художник», 1954.

³ Портрет, помещенный на медных монетах 1/3 фартинга для обращения в колониях, выполнен В. Вайоном по модели Вильяма Тида (W. Thed).

Продолжение

Тип монет	Авторы проектов	Место чеканки
Флорины и кроны, так наз. «готического типа», 1847—1887 гг. с перерывами	Оборотные стороны монет: Медных (с 1869 г. бронзовых): «Сидней Британия» работы В. Вайона, позднее несколько видоизменена Ч. Вайоном. С некоторыми модификациями она помещалась на бронзовых монетах последующих королей, а при George VI и Елизавете II сохранилась только на пенни. Серебряных : шиллингов, полукрон и крон — работа Жана Батиста Мерлена (Jean Baptist Merlen, 1769—1847). Золотых : с изображением герба — работа Мерлена, с изображением св. Георгия, поражающего дракона, — работа Бенедетто Пиструччи (Benedetto Pistrucci 1784—1859). На монетах инициалы В. Р. Изображение св. Георгия работы этого медальера помещалось на Sovereigns с 1817 г. по 1825 г., затем было заменено гербом и вновь возродилось с 1871 г., являясь характерным признаком золотых английских монет до наших дней	Часть золотых монет, имеющих буквенные обозначения места выпуска, с начала 70-х гг. чеканились в Австралии в филиалах Лондонского монетного двора в Сиднее (S) и Мельбурне (M), а в конце XIX в. — также в Перте (P)
Тип так наз. «золотого юбилея» (50 лет царствования Виктории). Вып. 1887—1893 гг.	Портрет королевы работы В. Вайона. Гербовая сторона работы Вильяма Дайса (William Dyce, 1806—1864) не подписана	Лондонский монетный двор
С портретом королевы в пожилом возрасте (после 1893 г.)	Портретную сторону по проекту Эдгара Бема (J. Edgar Boehm, 1834—1890) на монетах J.E.B.) гравировал Л. Ч. Вайон. Последнему принадлежит и обратная сторона, за исключением крон со св. Георгом работы Б. Пиструччи	Лондонский монетный двор
	Портретную сторону по модели Томаса Брока (Thomas Brock, 1847—1922, на монетах J.B.) гравировал Георг Вильям де Соллес (Georg William de Saulles, 1862—1903). Обратная сторона серебряных монет: с гербами — работа Эдуарда Паунтера (Edward Paunter), но без подписи; со св. Георгом — Б. Пиструччи.	То же
	МОНЕТЫ ЭДУАРДА VII (1901—1910) Портретная сторона всех монет сделана по проекту Г. В. де Соллеса и имеет марку DES. Ему же принадлежат оборотные стороны шиллингов и флоринов. Для создания фигуры «Стоящая Британия», помещенной на флоринах, де Соллесу позировала дочь управляющего монетным двором.	Продолжалась чеканка золотых монет в Австралии (Сидней, Мельбурн, Перт), а также в филиале монетного двора в Канаде, в г. Оттава (буква С)
	МОНЕТЫ ГЕОРГА V (1910—1936)⁴ Портрет короля работы Эдгара Бертрама Маккеннала (Edgar Bertram Mackennal, 1863—1931) с инициалами В. М. В 1927 г. были несколько изменены оборотные стороны серебряных монет всех номиналов по проектам Джоржа Крюгера Грея (George Kruger Gray) с инициалами K.G.	Лондонский монетный двор. Часть бронзовых пенни 1912, 1918 и 1919 гг. с буквой H изготовлена фирмой Heaton а пенни 1918—1919 гг. с буквами K.N. — фирмой Kings Norton в Бирмингеме.

⁴ Монеты 1936 г. выпущены в кратковременное царствование Эдуарда VIII (с 20 января по 11 декабря 1936 г.), но все они с портретом и тиснением Георга V. Новый тип монет изготовить не успели. Известны только пробные двенадцатигранные 3 пенни из никельсодержащей бронзы с портретом Эдуарда VIII работы Т. Х. Пэдджет и оборотной стороной работы Медж Киттенер.

Типы монет	Авторы проектов	Место чеканки
	<p>В 1935 г. вытиснены кроны по поводу «серебряного юбилея» короля (25 лет царствования), на которых помещено новое изображение св. Георга работы Перси Меткалфа (Percy Metcalfe, p. 1895 г.)</p> <p>МОНЕТЫ ГЕОРГА VI (1936—1952)</p> <p>Портрет короля работы Томаса Хэмфри Пэджета (Thomas Humphrey Paget, p. 1893 г.) с инициалами H. P.</p> <p>Оборотные стороны:</p> <p>На фартингах изображение птицы крапивника, работа Харольда Вильсона Паркера (Harold Wilson Parker, p. 1896 г.), инициалы W.P.</p> <p>На поленини — корабль Френсиса Дрэка «Золотая лань», работа Т. Х. Пэджета.</p> <p>На серебряных 3 пенин — щит св. Георга и геральдическая роза Тюдоров, работа Д. Крюгера Гресс.</p> <p>На двенадцатипуговых 3 пенин из никелевой бронзы — растение морская армерия, несколько измененный рисунок, предложенный Мэдж Китченер (Madge Kitchenner, p. 1889 г.) для 3 пенин Эдуарда VIII.</p> <p>На 6 пенин, флоринах, полукронах и кронах остались прежние изображения, предложенные Д. Крюгером Гресс.</p> <p>МОНЕТЫ ЕЛИЗАВЕТЫ II (с 1962 г.)</p> <p>Портрет королевы работы Мэри Гиллик (Mary Gillick) с инициалами M.</p> <p>Оборотные стороны:</p> <p>На 3 пенин — средневековая опускная решетка в крепостных воротах, работа Вильяма Гарднера (William Gardner), инициалы W. G.⁴ Этот же медальер проектировал и моделировал оборотные стороны шиллингов английского и шотландского типов.</p> <p>На 6 пенин — пенек, сплетенный из розы (эмблема Англии), чертополоха (эмблема Шотландии), трилистника (эмблема Ирландии) и порея (эмблема Уэльса).</p> <p>Эти же четыре эмблемы составных частей Великобритании помещены на флоринах в виде сложной композиции, а на кронах — между гербами этих исторических областей.</p> <p>На полукронах изображен гербовый щит. Все эти изображения моделировал Сесиль Томас (Cecil Thomas) по проекту Эдгара Фуллера (Edgar Fuller). На монетах — инициалы обоих авторов С. Т. и Е. Ф.</p> <p>Портретная сторона коронационной кроны 1953 г. с изображением Елизаветы II в форме шефа полка гвардейских гренадеров верхом на лошади спроектировала Джильбертом Лэдворд (Gilbert Ledward, p. 1888 г.)</p>	<p>Продолжалась чеканка золотых монет в Австралии и Канаде, а в 1924—1930 гг. еще в Южной Африке в г. Претории (обозначение S. A.)</p> <p>Лондонский монетный двор</p> <p>Лондонский монетный двор</p>

ВЕНГЕРСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА [13]

Монеты проектировали будапештские медальеры: [26]
Лайош Беран (Lajos Beran, 1882—1943)

5 филлеров, типы 1948 и 1953 гг.
2 форинта типа 1946 г.

Иштван Иван (István Iván)

2 филлера, типы 1946 и 1950 гг.,
50 филлеров типа 1967 г.,
5 форинтов с портретом Л. Кошута разных выпусков,
20 форинтов с портретом М. Танчича из юбилейной серии 1948 г. (100-летие революции 1848—1849 гг.)
Юбилейные серии 1956 г. (10-летие Венгерской республики) и 1961 г. (композитор Б. Барток). Лицевая сторона серии 1966 г. с портретом полковника М. Зриньи (оборотную сторону проектировал Лоранд Варга — Lorand Varga).

Иожеф Ременьи (Jozsef Reményi, 1887—1956)

10 и 20 филлеров всех типов,
50 филлеров (кроме типа 1967 г.).
Монеты юбилейной серии 1948 г.: 5 (портрет Ш. Петефи) и 10 (портрет И. Сечени) форинтов.

Миклош Боршош (Miklos Borsos, p. 1906)

Юбилейная серия 1961 г. (композитор Лист)

Андраш Киш Наги (Andras Kis Nagy)

Юбилейная серия 1967 г. — 85 лет со дня рождения композитора З. Кодай.

ГДР и ФРГ [13]

Монетный двор ГДР в Мулденхютте (обозначение E) последний раз выпустил монеты в 1953 г. и прекратил работу. Остался только Берлинский монетный двор.

В последние годы в ГДР выпущено несколько образцов памятных монет по поводу юбилеев выдающихся людей:

10 марок 1966 г. — 125 лет со дня смерти К. Ф. Шинкеля,
20 марок 1966 г. — 250 лет со дня смерти Г. В. Лейбница,
10 марок 1967 г. — 100 лет со дня рождения К. Кольвиц,
20 марок 1967 г. — 200 лет со дня рождения В. Гумбольдта,
5 марок 1968 г. — 125 лет со дня рождения Р. Коха,
10 марок 1968 г. — 500 лет со дня рождения И. Гутенберга,
20 марок 1968 г. — 150 лет со дня рождения Карла Маркса,
20 марок 1969 г. — 220 лет со дня рождения И. В. Гете.

Все они помечены инициалом автора RH и спроектированы скульптором Герхардом Роммелем (Gerhard Rommel, p. 1934 г.). Юбилейные монеты 1972 г.: 20 марок — 500 лет со дня рождения Л. Крауса, 10 марок с памятником жертвам фашизма в Бухенвальде и 20 марок с портретом Вильгельма Пика сделаны по рисункам графика Акселя Бертрама (Axel Bertram) и моделям скульптора Вильфрида Фиценрейтера (Wilfried Fitzreiter).

⁴ Впервые монеты с подобным рисунком были выпущены при Елизавете I в XVI веке.

В ФРГ выпущены памятные монеты 5 марок 1969 г. — 150 лет со дня рождения Теодора Фонтане (автор проекта Генрих Кернер — Heinrich Koerner) и 5 марок 1971 г. — 500 лет со дня рождения А. Дюрера, проект Фрица Нусса (Fritz Nuss). В г. Альтона работает частный монетный двор фирмы Vereinigte Deutsche Metallwerke, выпускающий монеты без опознавательного знака по заказам некоторых государств.

ИСПАНИЯ [14, 15]

На портретной стороне испанских монет, выпущенных после реформы 1868 г., справа и слева от даты помещены две шестиконечные звездочки с маленькими цифрами, указывающими фактический год чеканки. Иногда он совпадает, а иногда не совпадает с годом, обозначенным крупными цифрами. На монетах малых номиналов в звездочках указаны только две последние цифры года. На бронзовых монетах год в звездочках обычно не указывался, за исключением 1 и 2 сентимо 1904—1906 и 1911—1913 гг. Цифры года в звездочках помещены и на республиканских монетах (1 песета 1933 г.), и на монетах генерала Франко, выпущенных после 1946 г. На последних под портретом диктатора указан первый год чеканки данного типа монет, а фактический год выпуска — в звездочке.

Обозначение «E-51» внутри звездочки на монетах образца 1947 и 1949 гг. указывает, что эти экземпляры предназначались в качестве памятных для 2-й Национальной нумизматической выставки в Мадриде в 1951 г. и выдавались экспонентам и некоторым членам Испанского нумизматического общества.

ЛИХТЕНШТЕЙН [27]

В этом княжестве в качестве законного платежного средства обращаются швейцарские монеты. Собственных монет Лихтенштейн выпускал немного.

ЛЮКСЕМБУРГ [16]

Авторы проектов монет Люксембурга и монетные дворы, изготовившие их, указаны в таблице.

Типы монет	Авторы проектов	Место чеканки
Союзный талер 1862 г.	МОНЕТЫ КНЯЗЯ ИОАННА II (1858—1929) Французский медальер Жан Батист Густав Делой (Jean Baptiste Gustave Deloye, 1838—1899), без подписи	Венский монетный двор (без обозначения)
Монеты кроновой системы 1893—1915 гг.	То же	То же
Монеты франковой системы, Сербия 1924 г.	*	Бернский монетный двор (без обозначения)
Сербия 1930 г.	МОНЕТЫ КНЯЗЯ ФРАНЦА I (1929—1938) L. HUFER — медальер в Линце (Австрия) Людвиг Гусер (р. 1872 г.)	Бернский монетный двор (без обозначения)
Сербия 1946 г.	МОНЕТЫ КНЯЗЯ ФРАНЦА ИОСИФА II (с 1938 г.) STOCKMAN — швейцарский медальер Арнольд Штокман (р. 1882 г.)	То же
100 франков 1952 г.	GRIENAUER — австрийский медальер Эдвин Гринауэр (р. 1893 г.)	>
Сербия 1956 г.	То же	>

Типы монет	Авторы проектов	Место чеканки
Бронзовые монеты 1854, 55, 60, 65 и 70 гг.	МОНЕТЫ ВЕЛИКОГО ГЕРЦОГА ВИЛЬГЕЛЬМА III (1849—1890) Барт (ВАКТН), люксембургский медальер, работавший в 1840—1890 гг.	Монеты 1854 и 1870 гг. отчеканены Утрехтский монетный двор (Нидерланды). Опознавательные знаки: «кадуцей» (желез Меркурия) — знак монетного двора и «меч» — знак директора X. A. ван ден Вааль Баке. Монеты 1855—1860 и 1965 гг. отчеканены Парижским монетным двором. Опознавательные знаки: буква «A» — знак монетного двора, «якорь» — знак главного медальера Альбера Дезира Барра. «Рука с вытянутым указательным пальцем» (1) в на монетах 1855 и 1860 гг. — знак директора Шарля Луи Жозефа Дириксе (Charles Louis Joseph Dierickx) «Пчела» на монетах 1865 г. — знак директора Альфреда Ренуара де Бусьера
10 и 5 сантимов 1901 г.	МОНЕТЫ ВЕЛИКОГО ГЕРЦОГА АДЛЬОФА (1890—1905) Альфонс Мишо (Alphonse Michaux, 1860—1923), бельгийский медальер Повторение типа Барта	Брюссельский монетный двор (без обозначения) То же
2½ сентима 1901 г.	МОНЕТЫ ВЕЛИКОГО ГЕРЦОГА ВИЛЬГЕЛЬМА VI (1905—1912) А. Мишо Повторение типа Барта	То же
5 сантимов 1908 г.	МОНЕТЫ ВЕЛИКОЙ ГЕРЦОГИНИ МАРИИ АДЕЛАИДЫ (1912—1919) Не указано	>
2½ сентима 1908 г.	Ресслер (Roessler)	Штуттгартский монетный двор (без обозначения)
Цинковые монеты 1915—1916 гг.	МОНЕТЫ ВЕЛИКОЙ ГЕРЦОГИНИ ШАРЛОТТЫ (1919—1964) Ресслер	Штуттгартский монетный двор (без обозначения)
Железные монеты 1918 г.	Не указано	>
Железные монеты 1919—1923 гг.	Не указано	>
Серебряные 1929 г. и бронзовые 1930 г.		

* Цифры в круглых скобках здесь и далее обозначают номер значка на таблице условных значков и монограмм, помещенной в конце статьи.

Типы монет	Авторы проектов	Место чеканки
Серия 1924 г. и повторение этого типа 1928 и 1935 гг. 50 сантимов 1930 г. и франк 1930 г.	Арман Боннетэн (Armand Bonnetain, р. 1883 г.), бельгийский медальер. Обозначения BONNETAIN или A. B.	Брюссельский монетный двор (без обозначений)
25 сантимов 1927, 1930 и 1938 гг.	Александр Эверер (Alexandre Everaets, 1877—1943 гг.), бельгийский медальер	То же
Юбилейная серия 1946 г. в память битвы при Креси и освобождения Люксембурга	Арман Боннетэн	>
1 франк 1952 и последующих годов	>	>
5 франков 1949 г.	>	>
25 сантимов 1946 и последующих годов	Не указано	>
5 франков 1962 г.	Ж. Н. Лефевр (J. N. Lefèvre)	>
20 франков 1963 г. на брак принца Жана и Жозефины Шарлотты	Ж. Н. Лефевр (J. N. Lefèvre)	>
Юбилейные монеты 1963 г. на 1000-летие Люксембурга	>	>
Эмиссия (без даты) Международного банка в Люксембурге с изображением графини Эрменнды	В. Цурн (V. Zurn)	>
	МОНЕТЫ ВЕЛИКОГО ГЕРЦОГА ЖАНА (с 1964 г.)	
	Ж. Н. Лефевр	>

Пробные монеты Люксембурга, кроме упоминавшихся выше мастеров, готовили также бельгийские медальеры Федерспиль (Federspiel), Жан Миш (Jean Mich) и П. Жержен (P. Goergen).

Наряду с люксембургскими монетами в обращении находятся и бельгийские.

НИДЕРЛАНДЫ [17, 18, 19]

Назначение на должность минцимейстера (Rijks Muntmeester), как официально назывался в Нидерландах директор монетного двора, зачастую проходило в две стадии: — период временного исполнения должности до правительственного утверждения, — период управления монетным двором после утверждения в должности.

Это обстоятельство отразилось и на оознавательных знаках нидерландских монет. В первый период монеты чеканились со знаком предыдущего минцимейстера, но к нему обычно добавлялась какая-нибудь мелкая деталь.

Х. А. ван ден Валль Баке занял должность минцимейстера 15 мая 1846 г., и утвержден был только 1 сентября того же года. Монеты, выпущенные в этот период, снабжены знаком прежнего минцимейстера Пелмана (P. C. G. Roelma) — «геральдической лилей», но на ленте, которой лилей охвачена, добавлена маленькая точка (в каталогах

она называется жемчужиной) (III). После утверждения в должности Баке взял своим оознавательным знаком «меч».

После смерти Баке в 1874 г. место минцимейстера занял Таддел. Он был утвержден в должности 3 ноября того же года. На монетах, выпущенных до этого времени, к острию меча Баке добавлен «трилистник» или «клеверный лист» (IV); в дальнейшем знаком Тадделя стал «топор».

В августе 1887 г. Тадделя сменил, вначале временно, Х. Л. А. ван ден Валль Баке и к «топору» была добавлена маленькая пятиконечная звездочка (V). 2 февраля 1888 г. он был утвержден в должности и принял знак «наконечник алебарды».

С апреля по сентябрь 1909 г. монетным двором временно управлял Г. Блаум (G. Bloom), который, так же как ван ден Валль Баке добавил звездочку к «алебарде» — знаку своего предшественника (VI).

При двух следующих минцимейстерах — Хойтземе и ван Хетереде — никакие присавки и добавления к знакам их предшественников не ставились.

Во время войны и оккупации на монетах ставился только знак монетного двора — «кадуцей», знаки минцимейстеров не ставились.

7 мая 1945 г. в должность минцимейстера вступил ван Хенгель, принявший оознавательный знак «рыба».

Эмиссии Утрехтского монетного двора выпущены по проектам следующих медальеров и граверов:

Типы монет	Авторы проектов
МОНЕТЫ КОРОЛЯ ВИЛЬГЕЛЬМА III (1849—1890)	
10-гульденовые монеты 1850—1851 гг.	Портрет короля работы Яна Филиппа ван дер Келлена (J. Ph. van der Kellen, 1829—1906), инициалы V.D.K.
10-гульденовые монеты 1875—1889 гг.	Портрет короля выполнил Ян Филипп М. Менгер (J.P.M. Menger, р. 1845 г.), инициалы J. P. M. M., по модели скульптора ван дер Вена (J.A. van der Ven), а последний выгнул ее по фотографии М. Боссе (M. Bosse) — фотографа из Девентера. Гербовая сторона по проекту Я. Ф. ван дер Келлена, без подписи автора
Серия серебряных монет 1849—1890 гг.	Портрет короля работы Яна Петера Схоуберга J.P. Schouberg, 1798—1863) по модели ван дер Вена, который выгнул ее по живописному портрету работы Пенемана (Pieneman) 2½ гульдена подписаным J.P. SCHOUBERG F(es)it), а остальные J.P.S Штемпеля изготовлены Менгером
Бронзовые монеты 2½ цента 1877—1884 гг.	Штемпеля изготовлены Менгером
МОНЕТЫ КОРОЛЕВЫ ВИЛЬГЕЛЬМИНЫ (1890—1918)	
1-й тип с портретом юной королевы 1892—1897 гг.	Портрет выполнен В. Схаммер (W. J. Schammer, 1849—1893 гг.), инициалы W. S. по гипсовой модели скульптора Л. Юнгера (L. Junger, р. 1857 г.), сделанной с натуры
2-й тип, так наз. «коронационный», 1898—1909 гг.	Этот тип монет был задуман в начале 1897 г. Выпуск его намечался к коронации Вильгельмины в 1898 г., но к этому времени монеты выпущены не были. Модель изготовил живший в Риме нидерландский медальер Петер Пандер (P. Pander, 1864—1919 гг.). Штемпеля были заказаны в Париже. Французский медальер Эрнест Паулин Тассе (Ernest Paulin Tasset, р. 1839 г.) изготовил первый пробный штемпель в феврале 1900 г., но по техническим причинам он был несколько изменен и только в августе того же года штемпель для гульдена получен Утрехтским монетным двором. Штемпель для 1/2 гульдена был получен несколько позже, а для 10 гульденов и риксдаальдера (2½ гульдена) — только в 1901—1902 гг.
	Штемпель для 25 центов по проекту П. Пандера сделан в 1900 г. И. Ф. М. Менгером, а в 1901 г. несколько изменен Я. К. Винске

Типы монет	Авторы проектов
3-й тип 1910—1919 гг. В 1921 г. выпущены еще 10 центов, а в 1925 г. — 25 и 10 центов этого типа	Проект Я. К. Виеке (J. C. Wienecke, р. 1892 г.), без подписи
4-й тип 1921—1941 гг. Круглые никелевые монеты 1907—1909 гг.	То же
Пробный риксдаальдер с коронованным инициалом королевы и стилизованным львом нидерландского герба	Проект К. Я. ван дер Хофа (C. J. van der Hoef), без подписи
Серия цинковых монет 1941—1943 г.	Проект Нико де Хааса (Nico de Haas), без подписи
Монеты с портретом Вильгельмины в пожилом возрасте. Эмиссия 1943 г.	Проект Освальда Венкебаха (L. O. Wenckebach, р. 1895 г.), без подписи
МОНЕТЫ КОРОЛЕВЫ ЮЛИАНЫ (с 1948 г.)	
Эмиссия 1950 г. и более поздние	Проект О. Венкебаха, без подписи

В 1952—1954 гг. Военное министерство Нидерландов выпустило для обращения внутри военных частей специальные монеты с надписью «MIN VAN OORLOG» (Военное министерство). Сделаны они из пластмассы, разные номиналы — разного цвета. Монеты в 1 и 5 гульденов изготовлены предприятием Луксор Пластик (N. V. Luxor Plastics) в Амстердаме, а монеты в 25, 10, 5 и 1 цент — на Голландской пуговичной фабрике в Спакенбурге.

В 1959 г. Утрехтский монетный двор к 100-летию со дня рождения составителя международного языка «эсперанто» доктора Л. Заментофа выпустил «для эсперантистов» монеты трех номиналов (1, 5 и 10 стело). Они имеют опознавательные знаки монетного двора («кадушей») и его директора (минцмейстера) Ван Хенгеля («рыба»). Всего было выпущено по 10 тыс. экземпляров каждого номинала, но в обращении монеты, разумеется, не были. Проект монет «эсперанто» принадлежит Андрею Чеху (Andreo Cseh).

НОРВЕГИЯ [20, 21]

Ниже приводится список минцмейстеров, вардейнов² и граверов Конгсбергского монетного двора — авторов проектов норвежских монет, руководивших также их изготовлением; их инициалы и подписи встречаются редко, только на монетах крупных номиналов, главным образом, на памятных.

МИНЦМЕЙСТЕРЫ:

Каспар Герман Лангберг (Caspar Herman Langberg) с 1838 г. по 1888 г.
Лауритс Вейдеман Майних (Laurits Weideman Meinich) с 1888 г. по 1899 г.
Томас Георг Мюнстер (Thomas Georg Münster) с 1899 г. по 1906 г., обозначение — лигатура из букв GM (VII),

² Вардейн (название происходит от старонемецкого слова «warda» или «Guartha» — охрана) в средние века — представитель владельца монетного права (короля, сеньора или города) при арендаторе-минцмейстере, контролировавший качество выпускаемой монеты. В настоящее время это государственный служащий, осуществляющий на монетном дворе контроль над пробой металла.

Карл Бугге (Carl Bugge) с 1907 г. по 1921 г.
Эрик Антон Дальсет (Erik Anton Dalset)³ с 1921 г. по 1938 г.,
Бертил Кристофер Шердаль (Bertil Christopher Sherdahl) с 1938 г. по 1949 г.,
Тор Хюльстед (Thor Hjulsted) с 1950 г. по 1960 г.,
Арне Баккен (Arne Bakken), обозначение — А. В. с 1961 г. по наст. время.
С 1 января 1962 г. минцмейстер стал именоваться директором монетного двора.

ВАРДЕЙНЫ

Ганс Леонард Стенструп (Hans Leonhard Steenstrup) с 1843 г. по 1891 г.,
Фердинанд Ромке (Ferdinand Romke) в 1892 г.,
Томас Георг Мюнстер (Thomas Georg Münster) с 1892 г. по 1899 г.,
Карл Каспар Рибер (Carl Caspar Riiber) с 1900 г. по 1914 г.,
Рагнвалд Сторен (Ragnvald Støren) с 1915 г. по 1921 г.,
Карл Юхан Хансен (Karl Johan Hansen) с 1921 г. по 1929 г.,
Рагнвалд Сторен (вторично) с 1930 г. по 1937 г.,
Эйнар Харанг (Einar Harang) с 1937 г. по 1941 г.,
Карл Юхан Хансен (вторично) с 1941(?) по 15 октября 1960 г., когда должность вардейна была упразднена.

ГРАВЕРЫ МОНЕТНЫХ ШТЕМПЕЛЕЙ

Кнуд Кнудсен Эспе (Knud Knudsen Espe) с 1864 г. по 1879 г.,
Ивар Трондсен (Ivar Thronsen), обозначение J. T. или полная подпись с 1879 г. по 1926 г.,
Эдвард Эриксен (Edvard Eriksen), он же юстировочный мастер с 1926 г. по 1948 г.,
Ойвинд Хансен (Øivind Hansen) с 1949 г. по наст. время.

ПОЛЬША И ПОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА [22, 23]

Общезвестна серия польских серебряных монет 1932—1934 гг. с головой женщины в платке и венке из листьев клевера на фоне пшеничных колосьев, проект которой принадлежал скульптору Антонию Мадейскому (1862—1939).

Несколько лет назад была опубликована статья о том, что скульптор изобразил на монетах портрет Янины Морстин (1895—1965 гг.), жены Людвика Иеронима Морстина, бывшего в 1923 г. польским военным атташе в Риме, где и был сделан профильный портрет Янины. Это была образованная женщина, вращавшаяся в кругу польских литераторов и художников.

Мадейский представил свою работу на конкурс, организованный в 1925 г. при Варшавском монетном дворе, на лучший проект намечавшихся к выпуску золотых монет. Проект Мадейского получил 2-ю премию, но золото не было лущено в обращение и дальше чеканки пробных монет дело не пошло⁴. Однако позже он был реализован для серебряных монет.

Автор проекта монеты в 10 золотых 1970 г., выпущенной в Польской Народной Республике в память 25-летия возвращения Польше северо-западных областей — медалиер Юрий Ярнушкевич (Jerzy Jarnuszkiewicz, р. 1919 г.). Его же работы 10 золотых

³ Дальсет и Шердаль были одновременно директорами Конгсбергского серебряно-вального завода.

⁴ Первая премия была присуждена Зофии Тржикской-Каминской за проект с изображением Болеслава Храброго, третья премия — Станиславу Шукальскому за проект с портретом Коперника и стилизованным гербом Польши. Оба проекта также известны только в виде пробных монет.

1966 г. — 700 лет Варшавы с колоной Сигизмунда III, 10 золотых 1969 г. — на 25-летие Польской Народной Республики и 10 золотых 1971 г. ФАО (продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН). Инициалами автора не обозначены. Проекты юбилейных 10-золотых монет: 1964 г. (600 лет Ягеллонского университета), 1965 г. — 700 лет Варшавы с памятником героям города, 1967 г. с портретом К. Сверчевского и 1971 г. на 50-летие 3-го силезского восстания сделал Вацлав Ковалик (Wacław Kowalik, р. 1913 г.). Его обозначение W. K. Автор 10-золотых монет 1967 г. — 100-летие со дня рождения М. Складовской-Кюри и 1968 г. — на 25-летие Польской народной армии — Юзеф Маркевич (Josef Markiewicz, р. 1913 г.). Монеты обозначены инициалами JMN.

Известны авторы проектов монет вольного города Данцига (Гданьска): серия 1923 г. (и ее более поздние повторения) выпущена по проектам Фридриха Фишера (Friedrich Fischer, 1879—1944), бывшего в те годы профессором Гданьского политехнического института.

В 1930 г. была осуществлена повторная эмиссия монет 25 гульденов с фонтаном Нептуна в Гданьске. Гербовая сторона этого выпуска изменена по проекту Рейнгарда Кульриха (Reinhard Kullrich).

Проекты серии 1932 г. принадлежат Эрику Фольмару (Eryk Volmar).

ПОРТУГАЛИЯ

Монета в 50 эскудо 1968 г. в память 400-летия со дня рождения мореплавателя Педро Альвареса Кабрала, открывшего Бразилию, изготовлена по проекту скульптора Марселино Норте де Алмейда (Marcelino Norte de Almeida, р. 1906 г.) и имеет подпись M. NORTE, а 50 эскудо 1969 г. — на 500-летие открытия морского пути в Индию сделана медальером А. Лукас (A. LUCAS).

РУМЫНИЯ

Французский медальер Поль Марсель Дамман (Paul Marcel Dammann, 1885—1939 гг.) — автор проекта румынских золотых монет, датированных 1922 г. и изготовленных в 1928 г. в Лондоне. Монеты подписаны P. M. DAMMANN.

ФИНЛЯНДИЯ

В 1970 г. монетный двор в Хельсинки выпустил памятные монеты 10 марок к 100-летию со дня рождения президента Ю. К. Пааскиви. Они помечены инициалами S (директор монетного двора Аллан Соиннеми) и H (медальер Хейкки Хийвоя).

ФРАНЦИЯ [24]

На монетном дворе в Бордо с декабря 1870 г. по май 1871 г. работал гравёр М. Марше (M. Marchais). Его опознавательным знаком была шестиконечная звездочка с буквой «M» в центре (VIII), встречающаяся на некоторых 5- и 2-франковых монетах бордосской чеканки (с буквой «K») типа медальера Удине (Oudine).

Знак «трезубец» (IX) директора Парижского монетного двора периода Парижской коммуны Зефирина Камелины (Zephyrin Camelinat) встречается только на некоторых 5-франковых монетах типа медальера Дюпре (Dupre), выпущенных в апреле — мае 1871 г. (с Геркулесом и двумя женскими фигурами).

Для упорядочения руководства чеканкой монеты в 1879 г. было создано специальное Управление (Regie) Парижского монетного двора, подчиненное Министерству финансов, и с 1 января 1880 г. на монетах появляется знак Управления — «рог изобилия».

Буква «A» как обозначение Парижского монетного двора отменена с 1897 г. Французские монеты 1897—1900 гг. не имеют условных обозначений.

Монетный двор в Кастельсарраzene (департамент Тарн и Гаронна), открытый в период первой мировой войны, выпустил 2 и 1 франк 1914 г. (типа медальера Роти — с текущей Францией) с буквой «C» под датой. В период второй мировой войны в этом городе был вновь открыт монетный двор, который функционировал с декабря 1942 г. до конца 1946 г. С января 1944 г. по 1946 г. он ставил букву «C» на монетах, выпущенных для Франции, а также для Туниса и Индокитая.

Вспомогательные монетные дворы в Рошфоре (Rochefort, работал в 1918 г.) и в Венсене (Vincennes, работал с 1921 г. по 1926 г.) не ставили своих обозначений, и их монеты невозможно отличить от монет Парижского монетного двора.

Монетный двор в Пуассон, работавший в 1922—1926 гг., был частным и принадлежал «Французскому обществу монетной чеканки» Société Française de Monnayage), но работал под контролем Управления Парижского монетного двора. Он выпускал французские 10 и 5 сантимов (типа медальера Линдоера — Lindauer), а также монеты для Монако, Марокко, Туниса, Сирии и Индокитая, помечая их знаком «молия».

Монетный двор в Бомон-ле-Роже в Нормандии был открыт в 1939 г., но до конца 1943 г. выпускал монеты без условных обозначений. С декабря 1943 г. по март 1958 г. — с буквой «B», а после 1958 г. — вновь без условных знаков.

Среди французских монет встречаются:

— 10 и 5 сантимов 1916 г. типа медальера Д. Дюпон (Daniel Dupuis), имеющие небольшую пятиконечную звездочку под знаком главного медальера. Этой звездочкой были обозначены монеты, выпущенные в Париже на кружках, полученных от мадридского монетного двора;

— монеты 50 сантимов 1939 г. типа медальера Морлона (Morlon), обозначены под датой кружком с буквой «B» в центре (X). Это выпуск Брюссельского монетного двора, составивший около 6 процентов всего выпуска 50-сантимовых монет этого года.

В 1943—1944 гг. роль временной столицы Франции играл г. Алжир, и там в небольшом количестве чеканились однофранковые монеты из цинка и алюминия.

Двухфранковые монеты 1944 г. изготовлены в Филадельфии (США) и были в обращении в Алжире, а позже в некоторых южных районах Франции.

В 1952 г. в Алжире чеканились пятифранковые алюминиевые монеты.

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА [25, 26]

Монеты ЧССР, выпущенные в последние годы, спроектированы следующими медальерами и художниками:

10 крон 1967 г. в память 500-летия Университета в Братиславе — автор Зденек Коларский (Zdenek Kolarsky, р. 1931 г.);

50 крон 1968 г. в честь 20-летия ЧССР — сторона с изображением женщины — автор Иржи Харцуба (Jiri Harcuba); сторона с гербом — медальер Имрих Свитак (Imrich Svitak) по рисунку художника Яна Зоричака (Jan Zoričák);

25 крон 1969 г. в память 25-летия Словацкого восстания — автор Иржи Харцуба, подписана HARCUBA;

25 крон 1969 г. в память 100-летия со дня смерти Яна Пуркише — сторона с портретом — автор Иржи Харцуба, подписана J. H., сторона с гербом — автор Иржи Досталя (Jiri Dostal), подписана J. D.;

25 крон 1970 г. в память 50-летия Словацкого национального театра в Братиславе — автор медальер Зденек Коларский по рисунку художника Ивана Стрнад (Ivan Strnad);

25 крон 1970 г. в память 25-летия освобождения Чехословакии от гитлеровской оккупации — автор Зденек Коларский.

50 крон 1971 г. — на 50-летие Компартии Чехословакии — автор Ян Кулих (Jan Kulich);
 50 крон 1971 г. — на 50-летие со дня смерти словацкого поэта П. Орсага Гвездослава — автор Франтишек Давид (František David, р. 1913 г.);
 100 крон 1971 г. — на 100-летие со дня смерти художника И. Манеса проектировал Петр Ферманек (Piotr Formanek);
 20 крон 1972 г. — на 100-летие со дня смерти словацкого поэта А. Сладковича — автор Ян Кулих;
 50 крон 1972 г. — на 50-летие со дня смерти скульптора И. Мысльбека — сторону с портретом проектировал Владислав Пиха (Wladyslaw Picha), а сторону с гербом Андрей Петер (Andreas Peter).

ШВЕЙЦАРИЯ [27]

Швейцарские монеты выпускались:

Типы монет	Авторы проектов	Место чеканки
СЕРИЙНЫЕ ВЫПУСКИ		
Тип «сидящая Гельвеец»; эмиссия 1850—1851 гг.	A. BOVY — Жан Франсуа Антуан Боли (1795—1877), женева-ский медальер	Париж (А) и опознавательные значки: «рука» (1) директора монетного двора Ш. Л. Ж. Дирикса и «голова борзой собаки» (2) главного медальера Жана Жака Барре
Эмиссия 1860—1874 гг.	A. BOVY. На монетах 1860—1863 гг. есть вторая подпись KORN — Фердинанд Корн (р. ок. 1825—1830), директор монетного двора в Берне	В — Бернский монетный двор
Часть эмиссии 1874 г.	A. BOVY	В, (с точкой после буквы) — Брюссельский монетный двор
Тип с гербом Швейцарии; эмиссия 1850—1851 гг. биллоновые	Без подписи. Штемпеля резал немецкий медальер Карл Фридрих Фойгт (Carl Friedrich Voigt, 1300—1874)	ВВ в виде лигатуры — Страсбургский монетный двор
Бронзовые	Без подписи. Штемпеля резал немецкий медальер Карл Фридрих Фойгт (Carl Friedrich Voigt, 1300—1874)	А — Парижский монетный двор
Эмиссия 1858—1946 гг.	Тизе Фойгта	В — Бернский монетный двор
Тип «стоящая Гельвеец» с 1874 г. до настоящего времени	A. BOVY INC.	В — »
Эмиссия 1894 г.	»	А — Парижский монетный двор
Тип «голова Гельвеец в лавровом венке» 1883—1920 гг. (золотые и серебряные)	Сторона с головой — проект Карла Швенцера (1843—1904), сторона с гербом — Шарля Бюдера (Charles Bühler), художника, работавшего в Берне в 1888—1895 гг. Обе стороны без подписи	В — Бернский монетный двор
Тип «голова Гельвеец на фоне горы» (так наз. тип «Vignette») 1907—1949 гг., только золотые	F. LANDRY — Фриц Ландри (р. 1842 г.)	В — »

Продолжение

Типы монет	Авторы проектов	Место чеканки
Тип «голова Гельвеец в диадеме» с 1879 г. до настоящего времени	Автор проекта К. Швенцер, без подписи	В — Бернский монетный двор
Тип с изображением альпийского пастуха с 1929 г. до настоящего времени, серебряные, позже никелевые	P. BURKHARD — Пауль Буркхард (р. 1888 г.), швейцарский медальер	В — »
Бронзовые монеты нового типа (с 1948 г.)	Не указано	В — »
МОНЕТЫ В ПАМЯТЬ РАЗНЫХ СОБЫТИЙ		
5 франков 1936 г. — заем обороны	M. WEBER — Макс Вебер (р. 1897 г.), швейцарский скульптор	В — »
5 франков 1939 г. — 500-летие битвы под Лауленом	REMO ROSSI — Ремо Росси (р. 1909 г.), швейцарский скульптор	В — »
5 франков 1939 г. — Швейцарская государственная выставка в Цюрихе	F. FISCHER — Франц Фишер (р. 1900 г.), швейцарский скульптор	Фирма «Братья Угвенин и сыновья» в Ле-Локле, без обозначения
5 франков 1941 г. — 650-летие основания Швейцарского Союза	Не обозначен	В — Бернский монетный двор
5 франков 1941 г. — 500-летие битвы под Сент-Якоб на Бирсе	E. WIEDERKEHR	В — »
5 франков 1948 г. — 100-летие швейцарской конституции	WEBER	В — »
5 франков 1963 г. — 100-летие основания Красного Креста	WEBER	В — »
ПАМЯТНЫЕ МОНЕТЫ СТРЕЛКОВЫХ ФЕСТИВАЛЕЙ		
4 франка 1842 г. — состязания вольных стрелков в Хуре		Мюнхен (без обозначения)
4 обатценов 1847 г. — состязания вольных стрелков в Гларусе		То же
5 франков 1855 г. — состязания вольных стрелков в Золотурне	A. BOVY — только сторона с сидящей Гельвеец	Париж (без обозначения)
100 и 5 франков 1934 г. — стрелковый фестиваль в Фрейбурге	Huguénin Grav	В — Бернский монетный двор
100 и 5 франков 1939 г. — стрелковый фестиваль в Люцерне	EMIL WIEDERKEHR — Эмиль Ведекер (р. 1898 г.), швейцарский медальер	В — »
5 франков 1857 г. — состязания вольных стрелков в Берне	KORN	Берн (без обозначения)
5 франков 1859 г. — состязания вольных стрелков в Цюрихе	KORN	»
5 франков 1861 г. — стрелковый фестиваль в Стансе	A. BOVY — только сторона с памятником А. Винкельриду в Стансе	»
5 франков 1863 г. — стрелковый фестиваль в Ла Шо-де-Фон	SIBER Якоб Зибер (Jacob Siber, 1807—1880 гг.) — сторона с гербом	»
	A. BOVY — сторона с сидящей Гельвеец	»

Типы монет	Авторы проектов	Место чеканки
5 франков 1865 г. — стрелковый фестиваль в Шафгаузене	A. BOVY	Берн (без обозначения)
5 франков 1867 г. — стрелковый фестиваль в Шинце	A. BOVY	>
5 франков 1869 г. — стрелковый фестиваль в Цуге	A. BOVY SC ¹	>
5 франков 1872 г. — стрелковый фестиваль в Цюрихе	F. LANDRY	>
5 франков 1874 г. — стрелковый фестиваль в Сент-Галлене	A. BOVY FT	>
8 франков 1876 г. — стрелковый фестиваль в Лозанне	DURUSSEL — сторона с фигурами. — Эдуард Дуруссель (1842—1888 гг.), швейцарский медальер	>
5 франков 1879 г. — стрелковый фестиваль в Базеле	DURUSSEL — сторона с фигурой	>
5 франков 1881 г. — стрелковый фестиваль во Фрейбурге	E. DURUSSEL — сторона с фигурами	>
5 франков 1883 г. — стрелковый фестиваль в Лугано	E. DURUSSEL — сторона с фигурами	>
5 франков 1885 г. — стрелковый фестиваль в Берне	C. BÜHLER INV — сторона с гербом, E. DURUSSEL — сторона со стоящей Гельвешей	>

Проекты пробных монет готовили женеvские медальеры братья А. и М. Бови (1854—55 гг.), Дуруссель (1871 г.), Ландри и бельгийский медальер Леопольд Винер (1873 г.).

В числе частных фирм, чеканивших монеты по заказам других государств, кроме упоминавшейся выше фирмы «Братья Угвенин» в Ле-Локле, с 1961 г. значится монетный двор акционерного общества Аргор (Argor SA Lavorazione) в Шинце.

ТАБЛИЦА УСЛОВНЫХ ЗНАЧКОВ И МОНОГРАММ

I РУКА	II ГОЛОВА БОРЗОЙ СОБАКИ	III ГЕРАЛЬДИЧЕСКАЯ ЛИЛИЯ С ЖЕМЧУЖИНОЙ	IV МЕЧ С ТРИЛИСТНИКОМ	V ТОПОР СО ЗВЕЗДОЧКОЙ
VI АКСЕПАРДА СО ЗВЕЗДОЧКОЙ	VII МОНОГРАММА	VIII МОНОГРАММА	IX ТРЕЗУБЕЦ	X МОНОГРАММА

РОССИЯ И СССР

1. Гиль X. Таблицы русских монет двух последних столетий. СПб, 1883, и 1898.
2. Гиль X. и Ильин А. Русские монеты, чеканенные с 1801 г. по 1904 г. СПб, 1904.
3. Гаршин М. Русские монеты, не вошедшие в книгу Гиля и Ильина, и продолжение 1905—1915 гг. Петроград, 1916.
4. Бланк Г. Спутник нумизмата. СПб, 1902.
5. Вел. князь Георгий Михайлович. Русские монеты 1881—1890 гг. СПб, 1891.
6. Фортинский С. П. Описание советских монет 1921—1952 гг. Нумизматический сборник, к.М., 1955.
7. Мошнягин Д. и Дашевский Н. Коллекционирование и исследование советских монет. «Советский коллекционер», вып. 4.М., 1966.
8. Мошнягин Д. и Дашевский Н. Разновидности монет советского чекана. «Советский коллекционер», вып. 5.М., 1967.
9. Спаский Н. Г. Русская монетная система, 4 изд. Л., 1970.
10. Platbarzdís A. Coins and Notes of Estonia, Latvia, Lithuania. Stockholm, 1968.

ПРИВАЛТИКА

11. Polivka E. Mince Františka Josefa I, 1848—1916, Praha, 1966.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

12. Bressett K. E. A Guide Book of English Coins nineteenth and twentieth centuries, Fourth Edition. Racine, Wisconsin (USA), 1965.

ВНР

13. Kupa M. A Checklist of Hungarian coins 1946—1961. Whitman Numismatic Journal, 1968, № 9, с. 527—530.

ГДР, ФРГ

14. Katalog der 1. Bezirksmünzausstellung am 13 u. 14.9.1969 im Rathaus zu Zittau. Стр. 13.

ИСПАНИЯ

15. Fontecha R. La moneda española contemporánea. Catalogo de monedas. Madrid, 1967.
16. Anderson P. K. The coinage of Spain. Selection from The Numismatist. Modern foreign currency. Racine, Wisconsin (USA), 1961, стр. 122—139.

ЛЮКСЕМБУРГ

17. Victor F. Monnaies et essais-monetaries du Grand Duché de Luxembourg de 1795—1965. Seconde édition. Luxembourg, 1965.

НИДЕРЛАНДЫ

18. Nahuys M. Les monnaies du royaume des Pays-Bas. Глава «Hôtel des Monnaies a Utrecht» Revue Belge de Numismatique, 1889.
19. Schulman J. Handboek van de Nederlandse Munten van 1795—1961. Amsterdam, 1962.
20. Gribanow E. D. Monety Esperantckje. Biuletyn Numizmatyczny, Nr 15. Warszawa, 1966, стр. 255—257.

НОРВЕГИЯ

21. Den Kongelige Mynt, Kongsberg. Oversikt Myntpersonell. 22.3.1966. (Копия списка, хранящегося на монетном дворе в Конгсберге).
22. Hede H. Danmarks og Norgers Mønter, 1541, 1814—1963. København, 1964.

Польша и ПНР

23. Horski Cz. Profil głowy kobiecej z lat 1932—1934. Biuletyn Numizmatyczny, Nr. 39. Warszawa, 1969, стр. 741—743.
24. Zakrzewski Z. Marynistika na monetach polskich. Biuletyn Numizmatyczny, № 44—45. Warszawa, 1969, стр. 837—839.

ФРАНЦИЯ

25. Mazard J. Histoire Monétaire et Numismatique contemporaine 1790—1967. Tome II. 1848—1967. Paris/Basel, 1969.

ЧССР

26. Numismaticke listy № 2 (стр. 61) и № 4—1969 г. (стр. 118).
27. Monety Pamiatkowe Czechoslowacwi w 1969—1972 г. Biuletyn Numizmatyczny, Warszawa, 1971, Nr 2(60), стр. 36—37; 1972, Nr 5—6, стр. 119, Nr 7, стр. 141.

ШВЕЙЦАРИЯ И ЛИХТЕНШТЕЙН

28. Divo J. P. Die Neueren Münzen der Schweiz und des Fürstentums Liechtenstein 1850—1963. Freiburg im Breisgau, 1965.

БОНЫ И ПРОЦЕНТНЫЕ БУМАГИ ЕЛИСАВЕТГРАДА

Елисаветград (ныне Кировоград) еще во второй половине XVIII в. приобрел значение крупного торгового центра степной Украины. В нем происходили ярмарки, процветала ожившая торговля зерном, скотом, шерстью. Продукты сельского хозяйства вывозились как во внутренние районы России, так и за границу — через порты Одессы и Николаева.

Экономическое положение Елисаветграда еще более укрепилось в начале нынешнего века. Однако разоруха, вызванная первой мировой войной, отдаленность от главных административных центров страны, породили ряд специфических трудностей для экономики города. В частности, она стала испытывать острый недостаток в денежных знаках. В начале 1918 г. по примеру Одессы было решено исполнить этот недостаток выпуском местных, городских «разменных билетов».

Первыми под названием «Разменный билет города Елисаветграда» 1918 г. были изготовлены купюры достоинством в 10 руб. (илл. 1). Интересно, что по внешнему виду они напоминают разменные билеты 3-рублевого достоинства города Одессы, вынутые в 1917 г. (илл. 2). Существенным же отличием служит изображение герба Елисаветграда в форме щита. На верхней его половине, на золотистом фоне, — государственный герб старой России, в нижней части, на красном фоне, — символ земляного укрепления с вензелем императрицы Елизаветы, слева и справа — дата основания крепости, впоследствии ставшей городом. Кстати, дата перепутана: вместо «1754» — «1854». Билет — розового цвета с

Илл. 1

Илл. 2

белыми вертикальными волнистыми линиями, надписи и рисунок — сине-черные, текст — по старой орфографии, размер — 144×82 мм.

Подписи на билете: «Заступающий место Городского головы С. Крамаренко. Бухгалтер А. Пельтин». Дата изготовления этих разменных билетов, как и сведения о выпуске их в обращение, в документах пока не обнаружены. Однако, имея в виду что 20 марта (2 апреля н. ст.) 1918 г. С. Крамаренко был избран городским головой, а 20 июня (3 июля н. ст.) 1918 г. отстранен от этой должности, следует считать, что билеты были изготовлены до марта 1918 г.

В марте 1918 г. начался выпуск разменных билетов Елисаветградского отделения Государственного банка.

Первое сообщение об этой эмиссии было напечатано в газете «Елисаветградские известия» 4 (17) марта 1918 г.: «Отделение Государственного банка сим доводит до сведения, что с понедельника 5 (18) марта им будут выпущены в обращение бонны 10-рублевого достоинства, которые будут приниматься всеми кредитными учреждениями по всякого рода платежам. Эти бонны обеспечиваются Государственными кредитными билетами крупного достоинства и 5% краткосрочными обязательствами Госказначейства». 6 (19) марта газета поместила объявление местной почтово-телеграфной конторы, в котором говорилось: «По сбере-

гательным книжкам выдача ограничена суммой в сто рублей в неделю и сорока рублями в одну операцию. Выплата денег будет производиться бонами».

На илл. 3 воспроизведена такая бона. На ней подписи: «Управляющий Елизаветградского отделения Государственного банка Л. Астахов. Кассир А. Фролов». Кроме подписей, 10-рублевый билет ОГБ отличается от билета того же достоинства выпуска города Елизаветграда лишь названием и текстом об обеспечении. Билет — розовый с белыми вертикальными волнистыми линиями, надписи и рисунок — черные, размер — от 140×80 до 142×82 мм.

Объем этой эмиссии, как и последующих, пока документально не подтвержден. Однако, основываясь на нумерации имеющихся в коллекциях бон, можно заключить, что 10-рублевых билетов было изготовлено 400 тыс. экземпляров на номинальную сумму 4 млн. рублей.

Затем последовал второй выпуск — также, видимо, 400 тыс. экземпляров на сумму 4 млн. рублей. Билеты второго выпуска отличаются обозначением «Серия 2» на лицевой стороне и «Серия В» — на оборотной.

В феврале 1918 г. началось вторжение на Украину австро-германских оккупантов. 21 марта (н. ст.) 1918 г. они заняли Елизаветград. В обращении появились германские марки и австрийские кроны. Однако изготовление городских размен-

Илл. 3

Илл. 4

Илл. 5

ных билетов продолжалось. 27 марта (н. ст.) 1918 г. было объявлено о начале печатания билетов трехрублевого достоинства (илл. 4). Для них был использован рисунок 10-рублевых билетов без изменения и на гербе города повторена та же ошибка с исторической датой. Трехрублевые билеты — светло-зеленые с бе-

лыми вертикальными волнистыми линиями, надписи и рисунок — черные. Предположительный объем эмиссии (судя по их номерам) — 500 тыс. экземпляров на 1,5 млн. рублей.

28 марта 1918 г. в обращении появились рублевые бонусы Елисаветградского отделения Госбанка. Как видно на илл. 5, их внешний вид напоминает рублевые кредитные билеты России образца 1898 г. Фон — желтовато-коричневый с узорчатым рисунком, надписи и изображения напечатаны синевато-черной краской, оборотная сторона — оранжевая. Размер билета — 121×74 мм. В гербе, наконец-то, исправлена ошибка: значится 1754 г. — подлинный год основания города, а царский орел заменен «общиланым орлом» давно несуществующего Временного правительства. Предположительный объем эмиссии — 400 тыс. рублей.

При поддержке оккупантов в мае 1918 г. на Украине был реставрирован буржуазно-помещичий строй, создано так называемое «готманское правительство Скоропадского». Оно выпустило кредитные билеты в карбованцах и гривнах, но наладить нормальное денежное обращение было не в состоянии. На Украине развернулась ожесточенная гражданская война.

В Елисаветграде продолжал ощущаться острый недостаток денежных знаков. Подвергнувшись из Киева не поступало. Городская касса не раз была ограблена бандитскими шайками.

4 декабря 1918 г. на заседании Городской думы было принято решение выпустить еще на 3 млн. рублей городских бонусов. Началась заготовка 5-рублевых купюр.

Мощный размах революционной борьбы на Украине обеспечил победу Советской власти. Скоропадский бежал в Германию. Во второй половине ноября 1918 г. в Судно было создано Временное рабоче-крестьянское правительство Украины, в январе 1919 г. оно переехало в Харьков. Но черноморские порты были захвачены англо-французскими интервентами.

Илл. 6

8 января 1919 г. в Елисаветграде установилась Советская власть. 21 февраля 1919 г. исполком городского Совета решил приступить к выпуску разменных билетов Елисаветградского отделения Народного банка.

Елисаветградские разменные билеты достоинством в 5 руб. образца 1919 г. (илл. 6) по внешнему виду напоминают дореволюционные кредитные билеты того же достоинства образца 1909 г. Правда, здесь удалены царские регалии и эмблемы, упрощен рисунок некоторых деталей и фона, многоцветная печать заменена одноцветной. Лицевая сторона имеет традиционную для этой купюры сине-голубую окраску, а оборотная — зеленая с более темными лучами, надписи и рисунки — синевато-серые. Текст — по старой орфографии. Общий размер билета — от 80×140 до 82×142 мм. Цифры порядковой нумерации — черные, печатались перевернутыми внизу билета. Объем эмиссии — примерно 2,5 — 3 млн. рублей.

Несколько позже были выпущены разменные билеты отделения Народного банка достоинством в 25 руб. образца 1919 г. (илл. 7). Название и все тексты, а также подписи, как на 5-рублевом билете. Основной тон — сине-фиолетовый с

Илл. 7

голубой и розовой узорной расцветкой вишнети в центре и цифры номинала, оборотная сторона — коричнево-оливковая с сетчатым узором, рисунок и надписи — черные. Размер — от 135×90 до 138×90 мм.

Второй выпуск имеет на лицевой стороне дополнительное обозначение: «Серия 2», а на оборотной — «Лит. В». Третий выпуск — соответственно: «Серия 3» и «Лит. В». Встречается в коллекциях незаконченный экземпляр: недопечатка (без наложения краски), только лицевая сторона с обозначением «Серия 4». Предположительный объем эмиссии — 900 тыс. экземпляров, около 22,5 млн. рублей.

9 марта 1919 г. в газете «Известия Елисаветградского Совета рабочих и крестьянских депутатов» напечатано обязательное постановление Комиссариата финансов, которым вводились в обращение облигации «займа свободы» 1917 г. достоинством в 20, 40, 50 и 100 руб. наравне с кредитными билетами при условии наложения Народным банком штампа о доплате 15 руб. на 100 руб. номинала.

12 августа 1919 г. город заняли денкишцы. Их владычество продолжалось всего несколько месяцев. Мощное наступление Красной Армии привело к окончательному освобождению Украины от белогвардейцев. 24 января 1920 г. в Елисаветграде была восстановлена Советская власть. 5 февраля 1920 г. постановлением Ревкома все находившиеся в обращении денежные знаки — советские, царские черенки, карбованцы, гривны, а также купоны «займа свободы» сроком по 1 сентября 1918 г. достоинством выше 10 руб. — объявлялись обязательными к приему. На следующий день уездный финотдел обратился в Ревком с просьбой о разрешении выпустить разменные билеты 50-рублевыми купюрами на сумму 10 млн.

Илл. 8

рублей. По-видимому, это объяснялось желанием вытеснить из обращения всякие денежные суррогаты.

Этот выпуск состоялся. Разменный билет Елисаветградского отделения Народного банка образца 1920 г. воспроизведен на изд. в. Все надписи и печати — по старой орфографии. Фон лицевой стороны, состоящий из диагональных переплетений серо-коричневых или светло-коричневых линий, заключен в фигурную рамку. В центре — алоеватый фигурный медальон с цифрой «50» и буквами «Н. В.». В правой части билета, на свободном поле с вертикальной линией того же цвета, что и фон, аббревиатура «Е. О. Н. В.» с напечатанной на ней вертикально порядковым номером. Аналогичная композиция и расцветка — на оборотной стороне. Бумага белая, но встречается и серовато-красная. Размер билета — 125 (126) × 72 (70) мм.

25 февраля 1920 г. состоялось решение о выпуске второй серии этих бон на 10 млн. рублей. Они отличаются от первого выпуска тем, что фигурная рамка с коричневым фоном-сеткой внутри заключена в прямоугольную рамку из зеленых линий с заполненным просветом между рамками зеленой сеткой. Вертикальная цветная полоса в правой части билета также ограничена зелеными прямыми линиями.

На обороте — та же композиция рисунка, но фон зеленый. Кроме того, в нижней части напечатаны дополнительные обозначения: «Серия 2» и «Лит. В».

В дальнейшем, в связи с постепенным налаживанием подкрепления денежными знаками государственных выпусков, необходимость в местных бонах сокращалась. 11 ноября 1920 г. по распоряжению Николаевского губфинотдела началось их постепенное изъятие из обращения. Оно закончилось к 1 октября 1922 г.

В РАЗДЕЛЕ «Местные денежные знаки» каталога под редакцией Ф. Г. Чучина (М. СФА, 1927, изд. 3-е) под номерами 4129, 4130 и 4131 обозначены облигации 6½-процентного займа Елисаветградского городского самоуправления 1918 г. Обнаруженные недавно в Кировоградском областном архиве протоколы заседаний Городской думы и местные газеты того времени дают основание предположить, что указанные облигации займа в денежном обращении не участвовали.

17 января 1918 г. Елисаветградская городская дума приняла решение прибегнуть к займу. Полученные таким образом средства предполагалось использо-

Илл. 9

Илл. 10

Несмотря на то, что извещение о продаже облигаций займа печаталось в местной газете в течение шести дней, никто не спешил их покупать. 28 июня 1918 г. местная газета «со слов городского головы» грустно сообщала, что подписка дала всего ... 200 тысяч рублей.

3 ноября 1918 г. Городская управа необходимо представлять облигации, так как отрезанные купоны недействительны. Это — важное свидетельство в пользу предположения, что не только облигации, но и их купоны платежным средством служить не могли. Облигации займа Elisavetgradskogo городского самоуправления были типичными процентными бумагами и в перечень «денежных знаков» попали явно по недоразумению.

Известно, что к займу прибегала в том же 1918 г. Elisavetgradskaya уездная земская управа. Она выпустила заемные письма из расчета 8 проц. годовых, сроком на 6 месяцев, номиналами в 25, 50, 100, 300 и 500 рублей. Заемные письма печатались на цветной бумаге: 25-рублевые — на зеленой, 50-рублевые — на коричневой, 100-рублевые — на желтой, 300-рублевые — на коричневой и 500-рублевые — на фиолетовой. Одно из таких писем 100-рублевого достоинства, оформленное 12 августа 1918 г. на имя Е. И. Михайловой, мы воспроизводим на илл. 10. г. Кировоград

завать на покрытие долгов, организацию общественных работ и другие нужды городского хозяйства.

24 апреля 1918 г. из Киева пришло разрешение на выпуск городского облигационного займа на 5 миллионов рублей, сроком на десять лет. В решении было особо оговорено, что после размещения займа город должен в первую очередь погасить все свои долги и обязательства частным лицам. Очень характерная оговорка! Реставрировав на штыках австро-германских оккупантов буржуазно-помещичий строй, «правительство» гетмана Скоропадского, прежде всего, позаботилось об интересах толстосумов, которым задолжало городское самоуправление.

30 мая 1918 г. местная газета «Голос юга» объявила о выпуске займа и его условиях: доходность займа 6 руб. 50 коп. со ста рублей, 6½ проц. облигации достоинством в 50, 100, 200, 500 и 1000 рублей с погашением с декабря 1921 г. ежегодными тиражами.

Выпущенные облигации (илл. 9) печатались в две краски: текст — черной, фон — цветной, обратная сторона — красно-коричневая. 50-рублевые облигации имели желтый фон, 100-рублевые — зеленый, 200-рублевые — светло-синий, 500-рублевые — фиолетово-коричневый и 1000-рублевые — соро-оливковый. Каждая облигация имела двадцать купонов, по которым предполагалось выплачивать проценты. Размер облигаций (230×290 мм)×2. Оформление художника С. Данишевского.

Отдел печати и

пропаганды ВОФ—

коллекционерам

Общественная потребность вызвала и жизнь советскую филателистическую литературу. Теперь она есть, количество книг, брошюр, обращенных к коллекционерам, растет из года в год. Большой вклад в дело пропаганды коллекционирования внес отдел печати и пропаганды Правления ВОФ.

Работая в тесном контакте с общественной комиссией, объединившей в своих рядах наиболее плодотворно работающих коллекционеров, и с издательством «Связь», он внес плановое начало не только в создание необходимой методической литературы, но и в самый сложный и важный ее процесс — подбор и воспитание авторского актива.

За миновавшее пятилетие подготовлено и выпущено в свет 37 книг и брошюр, тематически охватывающих различные виды коллекционирования — филателию, филочартию, филумению, филофонию. Нашла ли своего читателя эта литература, стала ли она его советчиком, повседневным путеводителем? Об этом мы и поведем наш разговор.

Немало филателистов являются убежденными приверженцами большой и интересной темы — филателистической Ленинианы. Она настолько многогранна, что у каждого коллекционера возникает немало вопросов, связанных с процессом подбора и систематизации материала, оформления коллекции для демонстрации на выставке. И такое полезное пособие появилось — брошюра Л. Китаева «Лениниана — тема века». (М., «Связь», 1970). Ее автору удалось глубоко и выразительно поведать о важности темы. Автор не только раскрывает сущность темы, но нацеливает всех филателистов на определенные способы ее разработки, на поиск новых материалов. Советы, данные коллекционерам, поучительны и полезны. Нам думается, однако, что не сле-

довало автору ограничиться только этими частностями. Филателистическая литература, в отличие от других наук, имеет в своем арсенале много интересных фактов, которые могут быть использованы в работе по пропаганде коллекционирования.

Дорогие читатели! Если вы коллекционер, то вам будет интересно узнать, как можно использовать эти факты в своей работе. Если вы не коллекционер, то вам будет интересно узнать, как можно использовать эти факты в своей работе.

В работе по пропаганде коллекционирования необходимо использовать все возможности. Это касается и литературы, и выставок, и других форм работы.

Работа по пропаганде коллекционирования должна быть планомерной и систематической. Это касается и литературы, и выставок, и других форм работы.

Филателистическая литература должна быть доступной и интересной для широкого круга читателей. Это касается и литературы, и выставок, и других форм работы.

«Космос» — это не только космос, это и мир, это и жизнь. Страна Советов — это не только страна, это и жизнь, это и мир.

Женщина на выставке — это не только женщина, это и жизнь, это и мир. Он — это жизнь, это и мир.

И разнообразие — это не только разнообразие, это и жизнь, это и мир.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ

В приложении даются краткие биографические данные о стратонавтах, космонавтах и ученых, упомянутых в справочнике.

Эти издания, имеющие в какой-то мере принципиальный характер, удачно дополняются брошюрами на конкретные темы. Работа А. Горбачевича «Вооруженные Силы СССР на почтовых марках» (М., «Связь», 1970) содержит методические материалы в помощь руководителям кружков и клубов юношеской секции ВОФ. Книжка М. Левина «Филателия о спартакиадах народов СССР» (М., «Связь», 1971) дает краткое описание филателистических материалов на эту тему, дополняя их кратким каталогом.

Отрадно отметить появление первых книжек, посвященных, если можно так выразиться, «филателистической технике». Необходимость в такой литературе ощущается довольно остро. Филателистам необходимы достоверные и точные сведения, которые помогли бы им отличить подлинную марку от фальсификата, сохранить или реставрировать ценные коллекционные материалы. Теперь в их распоряжении есть «Справочник по экспертизе советских почтовых марок», составленный Я. Вовиним (М., «Связь», 1972) и уникальное пособие Ладислава Новотного «Химическая проверка и четка марок» (перевод с чешского; М., «Связь», 1970). «Справочник по экспертизе советских почтовых марок» является плодом многолетней исследовательской работы. По своему содержанию, глубине изложения материала и обилию затронутых автором вопросов этот труд, безусловно, заслуживает похвалы. Однако можно только сожалеть, что в этом справочнике-издании, сам характер которого требует высокой точности, в тексте и качестве воспроизведения иллюстраций допущены некоторые неточности. Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка 1923 г. названа «Всесоюзной», перфорация марочных листов осуществляется «ручными перфораторами» и даже «перфораторами», в то время как известно, что перфоратором именуется отбойный молоток. На стр. 44—45 вместо предельно четких фотографий, на которых важны детали, отличающие подлинные марки от фальшивых, читатель видит мутные оттиски, грязные пятна...

К разделу «профессионально-филателистических» книг с полным правом можно отнести интересный составленный авторским коллективом под руководством М. Соколова

«Спутник филателиста» (М., «Связь», 1970), в котором даются краткие справки о почтовой марке, ее разновидности и классификации, говорится о способах печатания марок, о штемпелях и цельных вещах.

В 1968 г. впервые в нашей стране вышел каталог цельных вещей — «Художественные маркированные конверты» (составители С. Нагель-Арбатский и В. Орлов, издание ЦФА). Появление такого справочника помогло филателистам ориентироваться в безбрежном море маркированных конвертов, сознательно обогатить свои коллекции материалом, доголе совершенно не систематизированным, а поэтому считавшимся практически недоступным. Весьма полезный и нужный многим справочник теперь дополняется ежегодными изданиями ВОФ.

Чем полезна филателия пытливым и любознательным детям? Как организовать кружки и клубы юных филателистов в школах, домах пионеров и клубах? Какова роль филателии в учебном процессе? Обо всем этом самым подробным образом рассказано в двух методических выпусках «Юные филателисты» (М., «Связь», 1969, 1971), обобщивших положительный опыт филателистической работы с детьми и подростками. Из литературы, посвященной юным, хочется особо выделить книгу И. Левитаса «Филателия детям» (М., «Связь», 1971). Ее автор — киевский педагог, много лет работающий с юными филателистами Украинского республиканского Дворца пионеров и школьников. Во всеоружии опыта он дает читателям не только обширные сведения о юношеском филателистическом движении, но и весьма полезные советы использования филателии в преподавании основ многочисленных дисциплин по учебным программам средней школы.

В значительной степени дополняет работу И. Левитаса, а кое в чем и полемизирует с ней книга французского педагога Даниэля Лезобра «Филателия в школе» (перевод с французского; М., «Связь», 1971). Подробно рассказывая об использовании почтовых марок в учебных и воспитательных целях не только в школе, но и в детском саду, автор исходит из очень плодотворной педагогической концепции. Бесконечное обилие марок, выпускаемых во всех странах мира, он рассматривает как своеобразный «камень преткновения» в работе с детьми и разумно рекомендует обращаться лишь к маркам своей страны. Вторая концепция Даниэля Лезобра также заслуживает пристального

внимания. «Так же, как для создания хорошего фильма не обязательно участие кинозвезд, — вполне справедливо утверждает он, — так и для создания хорошей коллекции не обязательно наличие только редчайших марок». И он смело вводит в обиход юных филателистов то, что обычно высокомерно игнорируется — рядовые стандартные марки.

Досадно, что отдельные неточности перевода иногда ставят в тупик читателя этой интересной книжки. Он ломает голову над непереведенным на русский язык термином «декупаж» (?), слово «филигрань» употреблено вместо привычного «водной знак», художники марок на французский манер повсюду именуются «граверами», а способы печати — «способами гравирования». Огромная гидроэлектростанция, возведенная у Железных ворот, именуется почему-то «мостом через Дунай».

Спрос на филателистическую литературу стремительно обгоняет пока еще ограниченные возможности авторов и издательства. Тем более, что у многих молодых коллекционеров сложилось убеждение, что вся наша филателистическая литература исчерпывается весьма ограниченным числом современных изданий. Разумеется, это не так. Традиция отечественной филателистической литературы опирается на многолетнюю историю. За минувшие годы в нашей стране изданы многие сотни книг и брошюр, опубликованы тысячи статей, посвященных отечественной почте, ее маркам и цельным

вещам, истории развития филателии. О забытых изданиях, пылящихся на полках библиотек, рассказал современному читателю С. Бабнишев в книге «Филателистическая библиография» (М., «Связь», 1970). Указатель оказался полезным как для пытливых филателистов, стремящихся к приобретению недостающих знаний и повышению качественного уровня своих коллекций, так и для опытных филателистов-исследователей.

Филуменсты получили брошюру В. Богданова «Спичечные этикетки и их коллекционирование» (М., «Связь», 1970) и первый в нашей стране каталог «Этикетки спичечных фабрик северо-запада РСФСР» (М., «Связь», 1972), составленный тем же автором. Коллекционерам музыкальных записей адресована книжка Ю. Салтанова «Филофония» (М., «Связь», 1970).

Отрадно отметить, что на Всемирной филателистической выставке «Будапешт — 1971» каталог-справочник «Космическая филателия» и «Спутник филателиста» удостоены наград в ранге бронзовой медали.

Хорошо начата работа продвигается. Намечен хорошо продуманный план выпуска литературы по вопросам коллекционирования. Он предусматривает создание новых книг об общественном значении коллекционирования, о роли филателии в эстетическом воспитании, очерков по истории советской филателии, брошюр по филокартии, филумении, филофонии, а также разнообразной методической и справочной литературы.

Л. Ниселевич

Зарубежный автор о советских монетах

О советских коллекционных монетах до сих пор не было ни одной работы, написанной на русском. Появление в чехословацком журнале «Numismatische Blätter» № 1 за 1970 г. статьи Франтишека Каутмана «Обзорные монеты для детей» детально описывает их историю и особенности монетам, привлекательным коллекционными стран социалистического лагеря.

Автор, обращаясь к юным коллекционерам, нумизматам, дает краткий обзор

ного дела нашей страны в послереволюционный период. Статья достаточно полно иллюстрирована фотоизображениями монетных бон, предшествовавших денежной реформе 1924 г., и монет, чеканенных в 1921 г. и 1927 г.

Особенно интересны неточности, допущенные автором.

Город из названия Армавирского предприятия «Армавирский завод» в 1918 г. в Чехословацком каталоге, что порождает

состояла из номиналов 5, 3 и 1 рубль алюминия, а вторая — из тех же номиналов, но из меди, и отличавшихся рисунком.

В действительности 1-я эмиссия сошла на бонн: номинал 5 р. — алюминий, 3 р. — медь такого же диаметра, и 5 р., и 1 р. — медь; во второй серии все бонны были медные, но номинал 3 р. был такого же диаметра, что 1 р., а у номинала 1 р. обратная сторона отличалась рисунком от 1 р. пер. эмиссии.

Автор явно исходит из предположения, что монеты, чеканенные на Ленинском монетном дворе в 1921—1923 гг., унаследовали в обращении в те же годы, как он повторяет ошибку Н. Д. Мецшюра «Наш рубль». М., «Госполитиздат», 1960). Эти монеты были вынуждены в обращение одновременно с монетами, чеканенными в 1924 г. после опубликования устава ЦИК и СНК СССР от 22 февраля 1924 г. о денежной реформе.

Автор, следуя за С. П. Фортинским в статье «Описание советских монет за период с 1921 г. по 1925 г.» в «Нумизматическом сборнике», М., Госкультпросветиздат, 1955), пишет, что единственный экземпляр 20-копеечной монеты 1934 г. на-

ходится в Эрмитаже. Это неверно. Сегодня в коллекциях насчитывается уже около 15 экземпляров этой монеты.

Приводя иллюстрации семи из двадцати монет, входящих в серию 1958 г., Ф. Каутман называет их пробными. Правильнее назвать их невыпущенными. Следует отметить, что изображения этих монет в СССР ни разу не публиковались. Чеканку крупных номиналов этой серии (50 коп., 1, 2, 3 и 5 руб.), а также 50 коп. и 1 руб. 1961 г. автор почему-то связывает с необходимостью обеспечить эксплуатацию автоматов.

Трудно поверить в существование двухкопеечных монет 1962 и 1963 гг. в белом металле и 3-копеечных 1962 г. в меди. Советским коллекционерам известны только 2-, 3- и 5-копеечные монеты 1961 г. в белом металле. Упомянутые автором монеты следовало бы проверить: 2-копеечные 1962 и 1963 гг. — не луженные ли они, а 3-копеечные 1962 г. — не омедненные ли они?

Обнаруженные неточности не снижают значения работы Ф. Каутмана в целом, они, в известной мере, являются следствием недостаточно критического отношения к использованной литературе.

Д. М.

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКОВ «СОВЕТСКИЙ КОЛЛЕКЦИОНЕР».

Вып. 1—10 (1963—1972)

1. ФИЛАТЕЛИЯ

1. Исследовательские статьи и публицистика

- Алоян В. Советские почтово-рекламные этикетки. Вып. 9, с. 62—72.
Бернгард К. Перфорация дореволюционных марок. Вып. 8, с. 75—79.
Блехман С. История почты и почтового обращения Тувинской АССР. Вып. 8, с. 80—92.
Блехман С. Первые шаги. Заметки по истории русской почты и филателии. Вып. 3, с. 44—49.
Блехман С. Знаки почтовой оплаты Тувинской республики. Вып. 1, с. 55—79.
Блехман С. История почты и знаки почтовой оплаты Монгольской Народной Республики. Вып. 2, с. 56—87.
Вовин Я. Что такое виньетки? Вып. 7, с. 67—68.
Вовин Я. Отличительные признаки некоторых стандартных марок. Вып. 2, с. 21—24.
Васильев Е. У истоков художественной Ленинианы. Вып. 7, с. 5—9.
Вигилев А. Москва — вчера и сегодня. Вып. 3, с. 28—38.
Вигилев А. Азовская полевая почта. Вып. 5, с. 39—40.
Вигилев А. У истоков русской почты. Вып. 6, с. 71—78.
Вигилев А. Почта к Белому морю. Вып. 8, с. 67—74.
Гарванов Т. У филателистов Болгарии. Вып. 3, с. 135—136.
Гурштейн А. Левин М. Трудные пути космической филателии. Вып. 7, с. 10—16.
Добмынина Л. Советские почтовые марки — голуби мира. Вып. 1, с. 13—16.
Ершов Ю. Портрет русского врача на индийской почтовой марке. Вып. 5, с. 108—109.
Забочень М. Сто лет русской почтовой карточки. Вып. 10, с. 28—52.
Израэлит М. Почта — филателии. Вып. 7, с. 17—32.
Израэлит М. О коллекционировании и собирательстве. Вып. 8, с. 101—107.
Израэлит М. Из истории русской филателии. Вып. 10, с. 95—106.
Казьмина Р. Ленинградская почта 250 лет. Вып. 2, с. 165—166.
Карачун Д. Земская почта и ее марки. Вып. 3, с. 39—43.
Карлинский В. Коллекционирование — это поиск. Вып. 2, с. 13—21.
Карлинский В. Склонясь над Ленинским альбомом. Вып. 3, с. 20—27.
Карлинский В. Почтовые марки РСФСР, 1917—1921. Вып. 4, с. 17—27. Вып. 5, с. 19—32.
Карлинский В. Филателистическое исследование франкировки писем РСФСР и СССР 1917—1921. Вып. 9, с. 48—61.
Колесников А. Первая почтовая марка России. О тифлисской городской почтовой марке. Вып. 2, с. 88—91.
Колесников А. Разновидность или брак? (Дискуссия). Вып. 3, с. 50—52.
Колесников А. Советские марки помгола. Вып. 4, с. 28—35.
Кренкель Э. Право на любительство. Вып. 2, с. 7—12.
Кренкель Э. Подлинно массовое движение. Вып. 4, с. 6—12.
Лада-Якушевич Л. Марки земской почты Крапивненского уезда Тульской губернии. Вып. 9, с. 106—113.
Лелешинский Л. Активно участвовать в коммунистическом воспитании трудящихся. Вып. 1, с. 7—12.
Лучник Н. Пароходная почта в России. Вып. 7, с. 33—48.
Мазур П. Что мы узнали о филателии Чехословакии. Вып. 2, с. 168—169.
Милькин М. М. И. Калинин и советская филателия. Страницы воспоминаний. Вып. 10, с. 12—17.
Минчев Д. Русская почта в Болгарии во время освободительной войны 1877—1878 гг. Вып. 8, с. 43—66.
Мусатов Л. Северный полюс — Большая земля. Конверты дрейфующей станции. Вып. 4, с. 63, 64.
Наумов М. Международное признание советской филателии. Вып. 9, с. 49—47.
Орлов В. Маркированные конверты с рисунками. Вып. 5, с. 33—38.
Орлов В. Флот нашей Родины. Вып. 9, с. 21—39.
Парменов Ю. Первые советские почтовые марки. Вып. 3, с. 15—19.
Пархомович С. Переосенки почтовых марок РСФСР и СССР и провизории 1918—1923 гг. Вып. 1, с. 80—83.
Пейсков И. Письмой стандартный выпуск марок СССР. Вып. 4, с. 36—38.
Пейсков И. Разновидности владений на марках СССР. Вып. 7, с. 55—57.
50 героических лет. Вып. 10, с. 3—11.
Рудников Ю. Почта и земской почте и ее марках. Вып. 6, с. 59—70. Вып. 7, с. 49—54. Вып. 9, с. 87—109. Вып. 10, с. 83—87.
Салтыков С. Почтовые марки Советской Армении. Вып. 5, с. 11—18. Вып. 6, с. 43—57.
Сачков И. Византизм в почтовой марке. Вып. 4, с. 93—100.
Сашенков Е. Почта и земской почте. Вып. 1, с. 17—41. Вып. 2, с. 37—55.
Сашенков Е. Почта и земской почте. Вып. 10, с. 13—27.
Скаткии П. События в филателии и коллекционировании. Вып. 10, с. 89—94.

- Скрипичин В. Что считать разновидностью почтовой марки? (Дискуссия). Вып. 2, с. 92—96.
 Стальбаум Б. Дружить с почтой. Вып. 3, с. 5—14.
 Стальбаум Б. Творческая природа советской филателии. Вып. 5, с. 3—10.
 Стальбаум Б. О глубине исследования. Вып. 7, с. 58—62.
 Стальбаум Б. Ленин. Дети. Филателия. Вып. 8, с. 3—22.
 Стальбаум Б. Златоустовская платформа. Вып. 9, с. 3—20.
 Стефановский Е. Почта и почтовые марки Парижской коммуны. Вып. 5, с. 99—103.
 Терещенко А., Терещенко И. Союз науки и труда. Фрагмент великой темы. Вып. 8, с. 23—42.
 Устиновский В. Надпечатки и штампы гашения, посвященные Северному полюсу. Вып. 4, с. 39—41.
 Удочка В. Учредительная конференция ВОФ. Вып. 4, с. 12—14.
 Чернухина В. Горький коллекционер. Вып. 6, с. 5—30.
 Яковб В. Два юбилея. Из истории отечественных специальных почтовых штампов. Вып. 10, с. 53—67.

2. Всесоюзный филателистический поиск

- Вигилов А. Русские почтовые печати. Вып. 9, с. 114—115.
 Гашенные марки Пермского совдепа. Вып. 9, с. 116—117.
 Генри Г. Местные почтовые марки 1917—1919 гг. Вып. 9, с. 118—119.
 Нараян М. Штампы Генри Бишоп. Вып. 9, с. 119.
 Карачун Д. Еще одна (Елецкая Советская марка). Вып. 5, с. 45.
 Кузнецов Д. Марки Чердынской советской почты. Вып. 7, с. 63—64.
 Лада-Икушенин Л. Марки Пермского и Белозерского уездов. Вып. 7, с. 64—65.
 Марка — боец революции (Первая марка в мире с портретом Карла Маркса). Вып. 3, с. 71—7.
 Наволочкин Н. Марки Амурской областной земской управы. Вып. 7, с. 65.
 Сажко И. Собирая по строчке. Вып. 5, с. 41—45.
 Туляков В. Искать документы. Вып. 5, с. 45.
 Широков А. По следам одной марки. Вып. 5, с. 46.

3. Филателистические выставки

- Бернгард К. Форум филателистов земного шара (Прага — 1962). Вып. 1, с. 42—48.
 Бернгард К. Раздумья после юбилейной выставки («50 лет Октября»). Вып. 6, с. 31—41.
 Качинский А. Наблюдения, впечатления, выводы (Прага — 1962). Вып. 1, с. 49—54.
 Мауэр П., Смыслов А. «София — Москва». Вып. 4, с. 61—62.
 Муратов В. Советские филателисты на иностранных выставках. Вып. 6, с. 42.
 Орлов В. Наши выставки. Вып. 1, с. 151—161.
 Ситери Габриэль. Советские марки вызывают восхищение (с выставки «Филатек» в Париже — 1964). Вып. 2, с. 25—31.
 Смыслов А. Как оформить коллекцию для выставки. Вып. 2, с. 32—36.

4. Наши каталоги

- Малькин М., Диссон П. Почтовые марки СССР 1962 г. Вып. 1, с. 99—110.
 Яковб В. Специальные почтовые штампы СССР: 1962 — вып. 1, с. 111—128. 1963 — вып. 2, с. 101—116. 1964 — вып. 3, с. 53—70; 1965 — вып. 4, с. 45—60.

II ФИЛОКАРТИЯ

- Арзуманов Г. Мой Баку. Вып. 10, с. 107—126.
 Бабинцев С., Тагрян Н. Библиография филокартии. Вып. 7, с. 128—136.
 Бугаев И. Открытка в арсенале педагога. Вып. 5, с. 91—98.
 Бугаев И. История одной открытки. Вып. 6, с. 143—145.
 Гдалин А., Земцова А. Великий подвиг — на открытках (Ленинград в дни Отечественной войны). Вып. 3, с. 109—115.
 Забочень М. Посвящается Великому Кобзарю. Вып. 2, с. 133—143.
 Забочень М. По следам утраченного (о художнике Ю. К. Пихоненко). Вып. 4, с. 99—106.
 Забочень М. Памятники, сохранившиеся только на открытках. Вып. 6, с. 135—142.
 Забочень М. Открытое письмо (1917—1919). Вып. 7, с. 119—127.
 Забочень М. Люди, штурмовавшие небо. Вып. 9, с. 153—166.
 Сарычев И. Главный проспект столицы. Вып. 4, с. 88—98.
 Файнштейн Э. Нужны каталоги художественных открыток. Вып. 1, с. 141—142.
 Файнштейн Э. Героическая эпопея 1812 года в художественной открытке. Вып. 2, с. 144—148.
 Файнштейн Э. Первые русские художественные открытки? Вып. 3, с. 116—124.
 Файнштейн Э. Русские революционные открытки (1905—1907 гг.). Вып. 5, с. 83—90.
 Шлеев В. Открытки в жизни и революционной деятельности В. И. Ленина. Вып. 6, с. 123—134.
 Шлеев В. По горным тропам Швейцарии. (Путешествие В. И. Ленина в июле 1904 г.). Вып. 8, с. 116—136.
 Шлеев В. Библиография филокартии (1900—1970). Вып. 9, с. 167—171.

- Булатович С. Кизикимы, найденные в Орловке. Вып. 6, с. 91—92.
 Вайнштейн Э. Первый пионерский значок. Вып. 2, с. 117.
 Голоско К. Новое о древнерусских монетах. Вып. 5, с. 67—70.
 Голоско К. Важнейшие послевосходные находки античных монет. Вып. 6, с. 93—97.
 В. И. В честь XXIII съезда КПСС. Вып. 5, с. 58—59.
 Горнунг М. Последняя медная монета царской России. Вып. 4, с. 75.
 Ильянский В. Плакаты и значки в честь XXII съезда КПСС. Вып. 1, с. 129—132.
 Ильянский В. Значки и жетоны 1917—1922 гг. Вып. 5, с. 60—62.
 Карышковский П. Вторая крупная монета царя. Иксемия. Вып. 10, с. 143—152.
 Клирин П. Феодосийский (Кафеский) монетный двор. Вып. 2, с. 120—122.
 Клирин П. Попытки введения никелевой монеты в России. Вып. 3, с. 89—90.
 Корейский В. История одного заблуждения. Вып. 7, с. 69—72.
 Корейский В., Львов М. Прогнозы монетных находок. Вып. 6, с. 81—90.
 Львов М., Корейский В., Горнунг М. Последние массовая перечеканка медной монеты в России. Вып. 3, с. 82—88.
 Львов М. Первые шаги Колыванского монетного двора. Вып. 4, с. 76—80.
 Максимов М. Для «нужд двора» — для обращения в народе. Вып. 3, с. 79—81.
 Мошнягин Д., Дашевский Н. Разновидности монет советского чекана. Вып. 5, с. 47—57.
 Мошнягин Д., Дашевский Н. Коллекционирование и исследование советских монет. Вып. 4, с. 65—69.
 Мошнягин Д., Дашевский Н. О повторяемости штампов на советских монетах. Вып. 6, с. 106—107.
 Мошнягин Д., Дашевский Н. Определение подлинности коллекционных монет советского чекана. Вып. 9, с. 121—129.
 Наумов А. Спор о медали (в честь 3-й годовщины Октября). Вып. 1, с. 133—136.
 Сергеев В. Начётные деньги. Вып. 2, с. 118—119.
 Сергеев А. Подражания древнегреческим монетам. Вып. 10, с. 133—143.
 Спасский И. Будьте внимательны, нумизматы. Вып. 4, с. 81—82.
 Шатэн А. Советские мемориальные медали 1965 г. Вып. 4, с. 70—74.
 Шатэн А. Советские мемориальные медали 1966 г. Вып. 5, с. 63—66.
 Шатэн А. Советские мемориальные медали 1967 г. Вып. 6, с. 93—105.
 Шатэн А. Советские памятные медали 1968 г. Вып. 7, с. 96—102.
 Шатэн А. Советские памятные медали 1969 г. Вып. 8, с. 108—115.
 Шатэн А. Советские памятные медали 1970 г. Вып. 9, с. 130—134.
 Шатэн А. Советские памятные медали 1971 г. Вып. 10, с. 127—132.
 Шинкин А. Условные обозначения монетных дворов и медальеров на монетах стран Европы. Вып. 7, с. 73—95. Вып. 10, с. 153—173.
 Юбилейный рубль и памятные медали (В честь 20-летия Великой Победы). Вып. 3, с. 77—78.

IV БОНИСТИКА

- Бабенко А. Красноярские чеки. Вып. 4, с. 83—84.
 Буткевич П. Олонекские бонны. Вып. 9, с. 135—145.
 Вейнер И. Еще раз о «бонах Арнсбурга». Вып. 9, с. 151—152.
 Веровско О. Бонны Армавира. Вып. 3, с. 91—94.
 Гольдштейн Б., Малышев А. Реставрация и хранение бумажных денежных знаков. Вып. 2, с. 125—132.
 Грибанов Э. Медицина — на денежных знаках. Вып. 3, с. 99—108.
 Грибанов Э. Бонны польского востания. Вып. 4, с. 85—86.
 Грибанов Э. «Трудовые бонны» Роберта Оуэна. Вып. 5, с. 104—105.
 Дмитриев Э. О деньгах Танну-Тувинской Республики. Вып. 3, с. 95—98.
 Мозолевич И. Бонны и процентные бумаги Елисаветграда. Вып. 10, с. 174—182.
 Наволочкин Н. Приморский рубль борется. Вып. 7, с. 103—114.
 Полозов И. Мглинские бонны. Вып. 6, с. 120.
 Прицкер Л. Незыпущенные бонны Сухума. Вып. 6, с. 118—119.
 Розенберг Л. «Винные» деньги Якутии. Вып. 2, с. 123—124.
 Розенберг Л. Бонны Арнсбурга. Вып. 7, с. 115—118.
 Самарские чеки-бонны. Вып. 5, с. 80—82.
 Сенкевич Д., Неронов М. Советские общегосударственные бумажные денежные знаки. Вып. 1, с. 137—140.
 Сенкевич Д. Государственные денежные эмиссии РСФСР 1919—1923 гг. Вып. 5, с. 71—79.
 Сенкевич Д. Государственные денежные эмиссии СССР 1923—1961 гг. Вып. 6, с. 108—117.
 Шинкин А. Почтовые марки в оправе. Вып. 9, с. 146—150.

V ФИЛУМЕНИЯ

- Арцимович В. Филуменистический музей в Народной Польше. Вып. 3, с. 137—138.
 Богданов В. Сличенные этикетки фабрики «Байкал». Вып. 1, с. 143—146.
 Богданов В. Филумения: что это такое? Вып. 3, с. 125—132.
 Богданов В. Оформление коллекции синичных этикеток. Вып. 4, с. 115—117.

Корона Б. Вьетнам в труде и борьбе. Вып. 4, с. 111—114.
Рябов Ф. Политическая сатира на свечечных этикетках. Вып. 8, с. 137—148.

VI ЭКСЛИБРИСЫ

Ласунский О. Подлинное и мнимое. Вып. 7, с. 137—147.
Минлев Е. Эксилибрисы работы московских мастеров графики. Вып. 2, с. 149—154.
Стрижак Н. Ленинана в экслибрисе. Вып. 8, с. 149—165.

VII СЛОВО О КНИГАХ

Алексеюк М. Каталог бон (польских и употреблявшихся на польских землях бумажных денег 1794—1965 гг.). Вып. 9, с. 173—174.
Бабинцев С. Литература о почте и филателии (1843—1964). Вып. 3, с. 139—144.
Бабинцев С. Журналы — об истории русской почты и филателии. Вып. 4, с. 118—123. Вып. 5, с. 110—112. Вып. 6, с. 146—150.
Бычков А., Александров В. Первый опыт (Каталог советских специальных почтовых штемпелей 1922—1961 гг., сост. Я. Вовин). Вып. 2, с. 158.
Д. М. Зарубежный автор о советских монетах. Вып. 10, с. 185—186.
Кисин В. Глазами филателиста (Н. Внуков «Розовая Гвиана»). Вып. 7, с. 148.
Лущик Н. Новый каталог почтовых марок старой России (изд. филател. клуба при обществе Франция — СССР). Вып. 4, с. 124—126.
Лущик Н. Британский журнал русской филателии. Вып. 5, с. 106—107.
Ляпунов В. Улыбый пересказ (В. Алексеев «Говорит марки»). Вып. 1, с. 149.
Мошингин Д. По следам «Константиновского рубля». Вып. 3, с. 145.
Наумов М. Не всякий собиратель — коллекционер (Н. Нихифоров «Понски продолжают»). Вып. 7, с. 149.
Наумов М. В стране филателии. Вып. 8, с. 168.
Ниселевич Л. Отдел печати и пропаганды ВОФ — коллекционерам. Вып. 10, с. 183—185.
Н. С. Это интересно всем (Л. и М. Уильямсы «Почтовая марка, ее история и признание»). Вып. 2, с. 155.
Пахоменко И. Каталог советских медалей. Вып. 1, с. 149.
Портнов И. Новый каталог памятных медалей. Вып. 8, с. 166—167.
Прутава В. Фальсификаты чехословацких почтовых марок (1919—1938). Вып. 2, с. 157.
Сергеев В. Злополучные рубли (в некоторых исторических романах). Вып. 1, с. 147—148.
Стальбаум В. Будем откровенны ... Книжное обозрение. Вып. 6, с. 151—158.
Шатэн А. Новый раздел в нумизматике («Медицина в нумизматике»). Вып. 2, с. 186.
Штемпель М. Космическая филателия. Вып. 9, с. 172.

50 героических лет 3

● ФИЛАТЕЛИЯ

М. Милькин, М. И. Калинин и советская филателия. Страницы воспоминаний	12
Е. Сашенков. Советская почта на северном полюсе	18
М. Забочень. Сто лет русской почтовой карточки	28
В. Якобс. Два юбилея. Из истории отечественных специальных почтовых штемпелей	53
Ю. Рудников. Новое в земской почте и ее марках (Окончание)	68
П. Скаткин. Словари и энциклопедии о коллекционировании	88
М. Израэлит. Из истории русской филателии	96

● ФИЛОКАРТИЯ

Г. Арауманов. Мой Ваку	107
----------------------------------	-----

● НУМИЗМАТИКА

А. Шатэн. Советские памятные медали 1971 г.	127
А. Сергеев. Подражания древнегреческим монетам	133
П. Карышковский. Вторая крупная монета царя Иненсимея	143
А. Шинкин. Условные обозначения монетных дворов и медальеров на монетах стран Европы	153

● БОНИСТИКА

И. Мозолевич. Бонны и процентные бумаги Елизаветграда	174
---	-----

● СЛОВО О КНИГАХ

Л. Ниселевич. Отдел печати и пропаганды ВОФ — коллекционерам	183
Д. М. Статья зарубежного автора о советских монетах	185
Содержание сборников «Советский коллекционер». Вып. 1—10 (1963—1972)	187

УДК 656.825

379.45

C56

C56 Советский коллекционер. Сборник. Выпуск 10.
М., «Связь», 1972 г.

192 с. с ил.

Издание представляет собой сборник статей, посвященных различным вопросам коллекционирования. Большую часть сборника составляют материалы по филателии. В издание включены статьи по филонумизматике и бонистике. Издание рассчитано на коллекционеров и широкий круг читателей.

379.45

C $\frac{83-32}{45(01)-73}$

СОВЕТСКИЙ КОЛЛЕКЦИОНЕР № 10

Редактор *М. Н. Израэлит*
Худ. техн. редактор *Г. И. Шефер*
Корректор *Л. Н. Лецева*

Сдано в набор 21/VII 1972 г.
Подписано в печ. 16/I 1973 г.
Форм. бум. 70×90/16 12,0 печ. л.
14,04 усл.-п. л. 16,07 уч.-изд. л.
Т-00716 Тираж 30.000 экз.
Зак. изд. 15906 Бумага тип. № 1.
Цена I руб. 01 коп.

Издательство «Связь», Москва-центр,
Чистопрудный бульвар, 2.
Типография издательства «Связь»
Государственного комитета
Совета Министров СССР
по делам издательства, полиграфии
и книжной торговли

Цена 1 р. 01 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО · СВЯЗЬ ·